

Венеровский
Мемуары
и воспоминания

W 290
17

220
17
Мемуары

и
Воспоминанія

Генерала-отъ-Кавалеріи

Стефана Александровича

Вехеровскаго.

Со многими факсимиле (документы, грамоты) и автотипіями въ текстѣ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, домъ № 45.

1908.

W 290
17

(23 вкл.)

Мемуары и Воспоминанія

Генерала-отъ-Кавалеріи

Стефана Александровича

Вехеровскаго.

Со многими факсимиле (документы, грамоты) и автотипіями въ текстъ.

XX-6390

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, домъ № 45.
1908.

2007332545

Генералъ-отъ-кавалеріи С. А. Венеровскій.

Предисловіе.

Я, Стефанъ Александровичъ Венеровскій, родился 20 декабря 1828 года, въ станицѣ Екатериноградской. По роду и по происхожденію—я казакъ. Дѣтство свое и первые юношескіе годы провелъ въ станицѣ Павлодольской, въ настоящее время одной изъ станицъ Терской Области. Въ церковной сторожкѣ этой станицы я получилъ свое образованіе. Все же остальное, боевую опытность, знаніе команды и военного дѣла дала мнѣ практика.

Здѣсь, въ предисловіи моего скромнаго труда, обнимающаго всѣ важнѣйшіе моменты моей жизни, долженъ принести всепреданнѣйшую и сыновнюю благодарность почившимъ Государямъ Императорамъ Николаю I-му, Александру II, Александру III, а также и нынѣ благополучно царствующему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, не оставлявшихъ меня своими Монаршими милостями и наградами; принести также благодарность всѣмъ усопшимъ и живымъ начальникамъ.

Читателей же моихъ автобіографическихъ замѣтокъ прошу не судить меня строго, такъ какъ я не присяжный писатель. Писалъ же я и записывалъ все, что казалось мнѣ болѣе, или менѣе, интереснымъ и важнымъ.

Авторъ.

.....Въ концѣ первой половины и въ началѣ второй половины XVI вѣка на Кавказѣ начинаютъ селиться и появляться русскіе поселенцы. По преимуществу это были выходцы Великаго Княжества Московскаго, изъ Рязанской Земли, изъ Тверскихъ угодій...

Еще раньше Новгородская вольница (ушкуйники) и повольники въ XIV в. по теченію рѣки Волги спускались внизъ на своихъ стругахъ до Астрахани, но это были лишь только случайные набѣги...

На святой Руси во второй половинѣ XVI вѣка царила опричина и все, что попадало подъ тяжелую руку опричниковъ, все пропадало, сжигалось, калѣчилось, убивалось, замучивалось...

Всѣ, кому была дорога жизнь, убѣгали. Убѣгали въ широкія степи Тавриды, въ безконечно раскинувшіяся поля Прикаспійскія, а то и дальше, въ страну соболей и горностаевъ, — Сибирь. Кто же обладалъ силою и отвагою убѣгали въ предгорія Кавказа.

Здѣсь, соединившись и освоившись съ климатомъ и страной, русскіе поселенцы въ 1571 году основали городъ Теркъ, или Терки, расположенный при впаденіи рѣки Аргуна въ Сунжу.

Было и войско, называвшееся Гребенскимъ. Слѣды этого стариннаго войска сохранились и до настоящаго времени. Одинъ изъ полковъ Терскаго Казачьяго войска носитъ названіе Кизляр-Гребенскаго полка.

Еще раньше, въ 1555 году, русскіе поселенцы, гребенскіе (горные) казаки, били челомъ Великому государю, царю Ивану Васильевичу, прося простить ихъ „обида“ и принять подъ свою „высокую руку“...

Но до Петра Великаго гребенскіе казаки должны были сами думать о себѣ, не ждаты помощи и нести тяжелую службу...

Со временъ же Петра Великаго взоры русскихъ государей устремляются на Кавказъ.

Петромъ I-мъ предпринимаются для усиленія и насажденія русской гражданственности походы на Кавказъ. Имъ былъ заложенъ городъ Петровскъ и построена крѣпость того же имени, а въ Астрахани были сформированы „легіоны“ Волжскаго казачьяго войска — защищать окраины Русскаго государства.

Въ 1736 году былъ основанъ городъ и крѣпость Кизляръ.

При Екатеринѣ II-й, при ея славныхъ и знаменитыхъ полководцахъ, успѣхи русскаго оружія на Кавказѣ становятся болѣе ощутительными. Въ нынѣшней

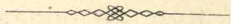
Терской Области есть станица Екатериноградская. Ей во время царствованія Екатерины II-ой было суждено играть роль русской столицы и оплота всѣхъ завоеваній на Кавказѣ; въ настоящее же время это заброшенный уголъ, стоящій далеко отъ желѣзнодорожныхъ линій, соединяющихъ наше обширно-громадное Отечество *).

Къ этому же времени, времени царствованія Императрицы Екатерины II, приурочивается служба моего прадѣда и дѣда, служившихъ въ „легіонахъ“ Волжскаго казачьяго войска.

Въ моихъ скромныхъ мемуарахъ прилагается нѣсколько аттестатовъ, подтверждающихъ службу дѣда и прадѣда, Престолу и Отечеству.

Съ конца XVIII столѣтія все время непрерывно раздается громъ русскаго оружія.

При императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I-омъ сражались мой дѣдъ и отецъ; участвовали въ многочисленныхъ бояхъ съ горцами, имъ приходилось брать грудью каждую пядь земли...

*) Акты собранные археографическою комиссіею т. I—VII. 1866—1878 гг.
Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ С. Броневскаго. 1823 г.
Матеріалы для новой исторіи Кавказа съ 1722—1803 гг. П. Г. Буткова 1869 г.
Исторія Рязанскаго княжества. Иловайскаго 1858 г.

ГЛАВА I.

Служба въ Кавказскомъ Казачьемъ Линейномъ войскѣ.

На службу я поступилъ въ 1843 году въ Кабардинскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ это время на Кавказѣ и принимавшій самое дѣятельное участіе въ войнѣ съ горцами. Пробылъ я въ немъ недолго, всего лишь 9 мѣсяцевъ. Обстоятельства сложились для меня очень неудачно, и я долженъ былъ оставить полкъ, такъ какъ при подачѣ документовъ не оказалось метрическаго свидѣтельства.

Старшіе и младшіе братья считались дворянами, я же „отыскивающимъ“. (Только лишь въ 1859 г., послѣ многихъ хлопотъ, было получено метрическое свидѣтельство отъ главнаго священника Кавказской Арміи протоіерея С. Гумилевскаго (Тифлисъ, 1859 г. Февр. 27, № 720) *).

Оставивъ полкъ, я жилъ въ станицѣ Павлодольской (она тогда еще не принадлежала къ Терской Области, а входила въ Главную линію) и участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами, вмѣстѣ съ казаками этой станицы.

*) СВИДѢТЕЛЬСТВО.

№ 720. По прошенію жены Войсковаго Старшины Горскаго Линейнаго Казачьяго полка Александра Венеровскаго, Лукерьи Зотовой Венеровской, о выдачѣ свидѣтельства о рожденіи сына ея Стефана, съ разрѣшенія Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторы, дано сіе отъ меня за надлежащимъ подписаніемъ съ приложеніемъ казенной печати, въ томъ, что рожденіе онаго Стефана въ метрической книгѣ Николаевской церкви станицы Екатериноградской Горскаго полка Кавказскаго Линейнаго Казачьяго войска за 1828 годъ въ 1-й части о родившихся мужеска пола подъ № 104 значится записаннымъ такъ: тысяча восемьсотъ двадцать восьмого года Декабря двадцатаго дня у Урядника Александра Филиппова Венеровскаго и законной жены его Лукерьи Зотовой, обоихъ Православнаго исповѣданія, родился сынъ Стефанъ; таинство крещенія совершалъ того же Декабря двадцать третьяго числа Священникъ Тимофей Ищорскій; воспріемниками были Подпоручикъ Яковъ Кулаковъ и жена мѣщанина Алексѣя Займенцова, Анна Филиппова. Гор. Тифлисъ. Февраля 27-го дня 1859 года.

Членъ Грузино Имеретинской Святѣйшаго Правительствующаго Синода Конторы, Главный Священникъ Кавказской Арміи, Протоіерей и Ордена Св. Анны 2 степени Императорскою короною украшеннаго кавалеръ *Стефанъ Гумилевскій*.

Секретарь *Оникевичъ*.

Позволю себѣ немного уклониться въ сторону и сообщить нѣсколько данныхъ о казакахъ и о казацкомъ служиломъ сословіи, вообще.

До 1845 года всѣ казаки, жившіе на Кавказѣ, имѣли право свободного выхода въ другія воинскія части и именовались Кавказскимъ Линейнымъ Войскомъ.

Въ 1845 году послѣдовало Высочайше утвержденное „Казацье Положеніе“ и всѣ остались безъ „выхода на службу“; положеніе это коснулось и казачекъ, онѣ не имѣли права выходить замужъ за посторонняго, не казака. Въ этомъ же году были сформированы и обозначены слѣдующіе полки: *Кавказскій, Кубанскій, Ставропольскій, Хоперскій, Волжскій, Горскій, Моздокскій, Гребенской, Кизлярскій и Владикавказскій.*

Въ слѣдующемъ, 1846 году, заселили станицы Сунженскую и Волынскую, а позднѣе и др. станицы по рѣкѣ Сунжѣ; командиромъ всѣхъ ихъ былъ назначенъ полковникъ Слѣпцовъ, подъ командой котораго, въ лихихъ дѣлахъ противъ горцевъ, участвовалъ и я.

Станицы въ это время представляли изъ себя укрѣпленные лагеря, или даже скорѣе маленькія крѣпостцы. Такъ, со всѣхъ сторонъ онѣ были обнесены глубокими рвами и обложены со всѣхъ сторонъ терновыми кустами; на четырехъ углахъ стояли батареи. Воротъ въ каждой станицѣ было 5; одни—вели въ степь, двое—на рѣку, а остальные выходили въ сосѣднія станицы. У воротъ и при канавахъ-рвахъ всегда стояли часовые, пропускавшіе только два раза въ день: при восходѣ и заходѣ солнца, при исполненіи всякихъ хозяйственныхъ нуждъ, выгона скота и т. д.

По пути къ станицѣ стоялъ пикетъ (нѣсколько дежурныхъ казаковъ, посылаемыхъ расположенными станицами). У бродовъ рѣки Терека всегда стояли секреты, большею частью только въ ночное время.

Тяжело жилось въ станицахъ; все свободное населеніе было занято службою, вся же хозяйственная часть была возложена на стариковъ, больше на женщинъ. Онѣ должны были заготавливать сухари, печь хлѣбы для войскъ, возить раненыхъ и больныхъ при транспортѣ и исполнять много другихъ тяжелыхъ, собственно мужскихъ работъ.

До „положенія“ никто не зналъ о строѣ и о штатахъ, точно также было и въ Павлодольской станицѣ. Она называлась Павлодольской сотней, а служить должны были всѣ станичники; положеніемъ же 1845 г. былъ утвержденъ штатъ каждой станицы. Такъ, въ сотнѣ состояло 3 офицера, 8 урядниковъ, 8 приказныхъ, два трубача и 143 казака.

Въ 48-й годъ, немного позднѣе утвержденія казачьяго сословія и положенія, я былъ произведенъ въ 1-й офицерскій чинъ—хорунжіе.

Дѣло носило случайный характеръ. Намѣстникъ Кавказа и Главно-командующій арміей князь Воронцовъ находился въ Шалинской долині. Въ этой долині неоднократно происходила перестрѣлка кабардинской милиціи съ непріателемъ. Я находился въ цѣпи и передалъ начальнику ея князю Атажукину, что если я подамъ сигналъ взмахомъ шапки раздвинуть цѣпь на право и на лѣво, чтобы не подстрѣлили своихъ. И вотъ взмахъ шапкою, а также и пущенныя боевыя ракеты были замѣчены Намѣстникомъ.

Удачнымъ разрывомъ ракетъ у непріятеля было убито 2 лошади.

Князь послалъ своего адъютанта узнать, кто начальникъ команды. Адъютантъ подѣхалъко мнѣ и спросилъ мою фамилію, я сказалъ: „урядникъ Венеровскій“.

— „Поздравляю Васъ, урядникъ, съ отличіемъ“!

Отрядъ расположился на ночлегъ, и я лично удостоился поздравленія Намѣстника въ „хорунжіе“.

Памятно тѣмъ, что величаютъ Ваше благородіе, да и раціоны на 25 к. больше. Въ „охранѣ“ раціоны 45 коп. на лошадь, при чемъ Хорунжій и Сотникъ получали на 3 лошади, Эсаулъ на 4, а Войсковой Старшина на 5 лошадей.

Упоминаю потому только, что, дослужиться до 1-го офицерскаго чина было нелегко, нужно было, по крайней мѣрѣ, прослужить юнкеромъ лѣтъ 8—9, да и то дворянамъ. Отчасти и это обстоятельство побудило меня оставить службу въ Кабардинскомъ полку. Хотя я и прослужилъ въ немъ всего девять мѣсяцевъ, но они очень мнѣ памятны; о начальникахъ полка я сохранилъ самое лучшее воспоминаніе, о командирѣ полка, полковникѣ, — Перятинскомъ, Александрѣ Григорьевичѣ, батальонномъ командирѣ, — Константинѣ Герасимовичѣ Олехинѣ, ротномъ командирѣ штабсъ-капитанѣ — Двигубскомъ-Покусаевѣ, Иванѣ Осиповичѣ. Особенно же памятенъ мой первый начальникъ, поручикъ учебной команды Максимъ Осиповичъ Козенцовъ. Подъ его начальствомъ и руководствомъ насъ обучали маршу въ три приѣма, и заряжать ружье въ 12.

Вмѣстѣ со мной служили Гнеушевъ, сынъ штабъ-лѣкаря и Наттеръ, сынъ маіора Кабардинскаго полка. На „ординарціи“ къ полковнику Перятинскому ходили я и Гнеушевъ, Павелъ же Наттеръ никогда, онъ былъ очень малаго роста.

Идти на ординарціи, нужно было готовиться. Съ вечера начинается чистка кивернаго орла, чешуи, подборника, ремней къ ранцу, патронной сумки *).

Но это еще не все. Мы надѣваемъ сумки съ патронами, беремъ ружья и идемъ въ переднюю полковника. Тутъ начинается генеральный смотръ „дядекъ“, все ли въ порядкѣ. Они еще разъ чистятъ мундиръ, сапоги, обтираютъ орла на киверѣ, чешую, а затѣмъ уже надѣваютъ ранецъ.

Въ немъ самое необходимое и нужное для солдата: пара бѣлья, портянки, „корпикъ“ съ саломъ, маленькій чемоданчикъ, въ немъ шило, дратва, нитки, 3 иголки и наременецъ, съ 12 кремнями, обернутыми въ свинецъ, фабрика-фиксатуръ для усовъ; хотя у меня ихъ тогда не было, но дядька говорилъ „это ужъ такъ по положенію полагается“ и „абазъ“ (20 коп.) денегъ, я клалъ больше.

Приведши насъ въ порядокъ, вводили въ залу.

Одинъ изъ насъ былъ за унтеръ-офицера, а другой за рядового.

Входитъ полковникъ. — Здоровается. — Мы говоримъ:

— „Здравія желаемъ, Ваше Высокоблагородіе!“

Полковникъ говоритъ — Являйся!

Унтеръ-офицеръ рапортуетъ:

*) Киверъ изъ чернаго курпея (бараньей шкурки) вышиною 5 вершк., на тулѣ кивера круглый помпонъ, величиною съ гусиное яйцо, а вверху султанъ, вершковъ 5 и мундиръ съ прямымъ воротникомъ и фалдами, какъ у чиновниковъ, только у насъ короче.

„Ваше Высокоблагородіе отъ учебной команды въ ординарцы присланъ“.

Другой—рядовой, тоже повторяетъ, но только для „посылокъ“.

Тутъ же стоитъ, нашъ начальникъ, поручикъ Козенцовъ, начинающій насъ учить въ присутствіи командира.

Командуйте ружейные приемы!

Исполняемъ.

— Хорошо — говоритъ полковникъ.

„Рады стараться Ваше Высокоблагородіе“.

Зовутъ затѣмъ горниста. Ложись,—ложимся. Играетъ наступленіе, полземъ; играетъ тревогу, мы прячемся за стулья, играютъ отбой, вскакиваемъ, опрокидывая стулья и становимся на старое мѣсто.

Опять „хорошо“ и опять „рады стараться“.

За это поручикъ приглашается къ командирскому обѣду. И намъ „дали“ въ другой комнатѣ (пріемной) пообѣдать...

Были у насъ и служили въ полку разжалованные декабристы: унт.-оф. Василенко, Каргофъ, Судгофъ, также братья Бѣляевы и много другихъ, фамилій ихъ не помню. Все это были очень хорошіе люди; офицеры съ ними обходились вѣжливо и ласково, иногда нѣкоторые изъ нихъ приглашались на офицерскіе обѣды.

Лагерь казаки разбивали рѣдко, большею частью останавливаясь на ночевку и отдыхъ въ станицахъ. До прибытія роты, батальона, сотни, часа за 4—5 квартиреры должны осмотрѣть комнату „казачій домикъ“ для офицеровъ, квартиры для батальоннаго командира, ротныхъ командировъ и нижнихъ чиновъ. Обыкновенно, „виконницы“ (ставни) принято на ночь запирасть и закрывать изъ боязни и опасенія непріятеля. Бывали не разъ случаи, когда убивали черезъ окно.

Квартиреры должны были на ставняхъ дѣлать мѣломъ большой кругъ, посрединѣ крестъ, это обозначало квартиру ротнаго командира, другимъ же офицерамъ писался только кругъ. Казаки, или солдаты, проходя мимо этихъ ставень и видя кругъ, должны были снимать шапки или фуражки; таковы были правила.

Въ бытность мою волонтеромъ, я бывалъ въ отрядахъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, а боевому дѣлу учился у заурядъ-хорунжаго Тургіева.

Это была замѣчательная личность. Храбръ онъ былъ невѣроятно, и слово трусость, пожалуй, ему было не знакомо. Онъ всегда мнѣ говорилъ: „смотри учись, учись у старыхъ казаковъ быть героемъ, и если научишься, то и будешь!“

Носилъ онъ постоянно „ергакъ“, родъ халата, сдѣланный изъ шкурокъ молодыхъ жеребятъ, при чемъ шерстью вверхъ, гривка бывала и по плечамъ и по спинѣ.

Ергакъ былъ своего рода шикомъ, но и кромѣ того, онъ былъ чрезвычайно удобенъ и для охоты, въ немъ можно было идти чрезъ самый колючій кустарникъ и не зацѣпиться. Ползешь бывало по землѣ, совершенно не слышно, какъ будто рыба въ водѣ. Разъ съ этимъ ергакомъ Тургіева вышелъ курьезный случай.

Бывая въ походѣ, ночью казаки разводили костры, такъ какъ ночи были очень холодны, а въ особенности зимой при рубкѣ лѣса. Отъ нечего дѣлать офицеры пили чай, рассказывали всякія исторіи и бесѣдовали, а нижніе чины занимались, каждый своимъ дѣломъ; обыкновенно лили пули, получая свинецъ и патроны изъ летучихъ парковъ.

Случилось разъ, что мы участвовали въ одномъ изъ такихъ походовъ, въ зимней экспедиціи, такъ называемой „просѣкѣ“. Былъ я, мой отецъ, Тургіевъ и др. Между нами былъ одинъ артиллерійскій офицеръ, который и раньше все присматривался къ нашимъ ергакамъ. Нужно сказать, что у него была енотовая шуба и очень теплая, а офицеръ и въ ней мерзъ изрядно. Вотъ онъ и спросилъ своего сосѣда, хорунжаго Баскакова:

— Почему, скажите пожалуйста, всѣ ергаки носятъ такъ, шерстью вверхъ?

Баскаковъ въ шутку и скажи, — „потому что очень жарко“.

Не долго думая, офицеръ предложилъ помѣняться Тургіеву шубой на ергакъ. Тотъ согласился.

Черезъ какой нибудь часъ офицеръ ищетъ повсюду Тургіева, но тотъ давно уже ушелъ въ секретъ и преспокойно выпался въ теплой шубѣ, а бѣдный офицеръ промучился до утра, выстукивая зубами холодную дробь.

На другой день отрядъ занялся рубкой лѣса, направляясь въ противоположную сторону. Здѣсь на двухъ полянахъ находилось чеченское сѣно, за обладаніе котораго произошла ожесточенная перестрѣлка, въ которой участвовалъ и я.

Тургіевъ приказалъ мнѣ зарядить ружье и ѣхать за собой. Смотрю, Тургіевъ мчится вдоль цѣпи, за нимъ скачу и я. Въ этотъ моментъ показался чеченецъ. Тургіевъ проскакалъ мимо, не замѣтивъ его, я же выстрѣлилъ прямо въ упоръ. Чеченецъ свалился. Тургіевъ услышавъ выстрѣлъ, поворачиваетъ моментально лошадь, хватается за поводья лошадь чеченца и скачетъ назадъ.

Раздаются выстрѣлы горцевъ, они бросаются къ намъ, наша цѣпь къ намъ на помощь; раздается перестрѣлка. Въ ней убитъ казакъ Губжоновъ, со стороны горцевъ три—четыре человѣка тоже, но все же тѣло убитаго чеченца остается у насъ. Убитыхъ въ свалкѣ, горцы захватили съ собою.

Въ лагерь мнѣ, по обычаю, предложили взять, что нибудь изъ оружія убитаго, но мнѣ это запретилъ отецъ, приказавъ все отдать казакамъ.

Спустя немного времени черезъ лазутчика горцы предложили выдать тѣло убитаго, а выкупъ за него — плѣнную женщину (женщина Стодереvской станицы), да солдата Навагинскаго полка.

Будучи уже урядникомъ я не разъ ходилъ въ секретъ, и при томъ добровольно. Со мною обыкновенно ходило 3—4 человѣка, и между ними не разъ старый казакъ станицы Павлодольской, Титовъ, очень хорошій охотникъ и стрѣлокъ, имѣвшій ружье, помимо азіатской винтовки, такъ называемый полуложникъ или флинта (Flinte).

Разъ отправились мы въ секретъ и расположились въ лѣсу, надъ дорогами, ведущими двѣ отъ станицы и со стороны степи, и двѣ отъ Терека. Титовъ, какъ болѣе опытный, приказалъ слушаться его и не стрѣлять по напрасну.

Я былъ внѣ себя и не хотѣлъ подчиняться старому казаку, но, какъ оказалось, онъ былъ правъ. Я хотѣлъ выстрѣлить при первомъ подозрительномъ шумѣ.

Дѣйствительно опять раздался шумъ, но тутъ уже можно было различить двухъ кабардинцевъ, ведшихъ пару быковъ, выкраденныхъ въ станицѣ чрезъ прорѣзанный плетень съ терновыми колючками. Ровъ еще раньше былъ немного засыпанъ.

Одинъ изъ кабардинцевъ шелъ впереди, а другой сзади. Титовъ пропустилъ ихъ мимо себя. Затѣмъ отдавъ приказаніе лишь только одними губами, приказалъ въ крайнемъ случаѣ намъ стрѣлять въ задняго, а самъ—въ передняго. Я хотѣлъ было выстрѣлить, но Титовъ опять приказалъ губами не стрѣлять, а велѣлъ идти за нимъ. Мы быстро пошли, осторожно ступая на носки и почти моментально нагнали горцевъ.

Раздаются выстрѣлы. Передній былъ убитъ наповаль, а задній тяжело раненъ, тѣмъ не менѣе быстро полѣзъ въ лѣсъ и скрылся.

Мы взяли быковъ и разыскивали убитаго, въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ, легко ранившій казака въ руку. Тогда Титовъ и я остались здѣсь до утра, а одного изъ казаковъ послали дать знать въ станицу.

Быстро пріѣхала команда, сотникъ Баскаковъ и мой отецъ. Утромъ начали осматривать лѣсъ. Раздался выстрѣлъ, это стрѣлялъ раненый, но опять неудачно.

По заключенію отца рѣшено было достать изъ станицы бочку, такъ какъ все равно, раненый не могъ далеко уйти. Бочка была доставлена, ее наполнили сѣномъ и покатали по направленію выстрѣла. Опять раздался выстрѣлъ, но пуля не пробила даже бочки, такъ какъ горецъ стрѣлялъ, не заряжая пулею, а „съ клейтухомъ“ (не добивая). Послѣ выстрѣлили казаки и добили горца. Кабардинцы эти оказались жители Хапцова аула, жившіе на противоположномъ берегу рѣки Терека.

Между Павлодольской станицей и городомъ Моздокомъ горцы не разъ переплывали Терекъ на „бурдюкахъ“ (кожаныхъ, надутыхъ воздухомъ мѣшкахъ), стерегли дорогу, идущую изъ станицы въ городъ и бывало не разъ, въ особенности лѣтомъ, брали въ плѣнъ.

Поэтому въ мое время постоянно назначали по 7 человѣкъ казаковъ, строго сторожившихъ дорогу, а также дѣлавшихъ развѣдки у бродовъ по рѣкѣ Терекъ, да и зорко посматривавшихъ на лѣсныя опушки, расположенныя одна отъ другой, на версту разстоянія.

Эти опушки, заросшія мелкимъ лѣсомъ всегда казались мнѣ коварными, и вѣрно, чувство это меня никогда не обманывало. Въ нихъ постоянно скрывались горцы и доставляли станичникамъ не мало хлопотъ.

Исторія, которую я расскажу ниже, случалась чуть не ежедневно, въ которой страдательнымъ лицомъ бывала то наша, то непріятельская сторона.

...Въ одинъ вечеръ казаки, выйдя на опушку лѣса, замѣтили движеніе по дорогѣ. Вдругъ, въ кустахъ раздается свистъ, и горцы, свистѣли это они, бросаются бѣжать, пробѣгаютъ мимо нашего секрета. Казаки стрѣляютъ, чеченцы не отстрѣливаясь бѣгутъ въ лѣсъ. Одинъ, изъ бывшихъ въ секретѣ, бѣжитъ въ

станцию и дѣлаетъ тамъ тревогу, сообщая, что чеченцы въ лѣсу. Оставшіеся же въ секретѣ, бѣгутъ по шуму въ лѣсъ, дѣлаютъ еще нѣсколько выстрѣловъ и ранятъ начальника шайки, какъ оказалось въ послѣдствіи. Горцы тоже отстрѣливаются, но безъ толку, пули летятъ въ разныя стороны. Дальше слышатся голоса горцевъ и по тону можно догадаться, что кого то сильно ранили. Чтобы узнать гдѣ и въ какой мѣстности происходила перестрѣлка казакъ Балашевъ бросилъ свою сумку на земь, а самъ побѣжалъ съ товарищемъ (Истягинымъ) по направленію, къ Тереку. На перепутьѣ остановились, заслышавъ сигналы горцевъ, передаваемые черезъ Терекъ, на противоположную сторону „крикомъ птицы и воемъ собаки“, и слышно было, какъ кто то бросился въ воду и поплылъ на противоположный берегъ.

Спустя часъ изъ станицы уже выходила команда подъ начальствомъ сотника Елбаева, ведомая старымъ казакомъ Медвѣдовымъ, знавшимъ эту мѣстность не хуже своего станичнаго двора. Тутъ, въ маленькой засѣлкѣ, наткнулись на двухъ казаковъ, которые, полагая, что идутъ горцы, дѣлаютъ выстрѣлы и однимъ изъ нихъ убиваютъ урядника Яковлева. Отрядъ отвѣчаетъ, при чемъ Медвѣдовъ сбиваетъ пистолетнымъ выстрѣломъ шапку секретнаго казака Балашева. Спустя немного была узнана роковая ошибка, стоившая одному жизни.

Сейчасъ же сотникъ посылаетъ нарочнаго дать знать командиру, полковнику Туганову, о случившемся. Къ утру полковникъ уже былъ на мѣстѣ, и подробно разспросилъ Балашова и Истягина, что было. Сумка, брошенная Балашевымъ была найдена, тутъ же кругомъ была поставлена цѣпь.

Команда идетъ дальше въ лѣсъ. Изъ лѣса стрѣляютъ и однимъ изъ нихъ ранятъ старика Медведѣва. Стрѣлялъ раненый горецъ.

Моментально онъ былъ найденъ и вытасченъ на дорогу, съ сильной раной, но уже перевязанной, вѣроятно своими же. Это наводитъ на мысль, что враговъ еще порядочно. Полковникъ даетъ приказаніе, чтобы расположенный на дневку въ станицѣ Павлодольской Донской полкъ прислалъ сотни двѣ казаковъ.

Черезъ полчаса получился порядочный отрядъ, человекъ въ 500.

Полковникъ Тугановъ распредѣлил чиновъ движенія густой цѣпью, по направленію города Моздока. Такъ прошли верстъ 5. Сюда прискакалъ нарочный изъ станицы съ извѣстіемъ, что старикъ-станичникъ Матвѣй Жужка, возвращаясь съ байдачной мельницы, на Терекѣ, замѣтилъ 4-хъ переправлявшихся горцевъ черезъ рукавъ Терека, такъ называемый „Ерашта“. Я попросилъ полковника дать мнѣ человекъ 50 казаковъ, павлодольцевъ же, и съ ними сдѣлать засаду въ мѣстности противъ станицы и аула Абаева, аулъ по ту сторону Терека, а станица по лѣвую „Ерашта“. Наступленіе должно быть тамъ же, гдѣ переправились горцы.

Полковникъ согласился. Въ указанномъ мѣстѣ я устроилъ засаду, лошадей отодвинули предварительно назадъ.

Такъ мы сидѣли не шелохнувшись $1\frac{1}{2}$ часа, а можетъ быть немного и больше. Вдругъ слышимъ выстрѣлы и крикъ „ура“. По шуму и направленію голосовъ и выстрѣловъ можно предположить, что цѣпь подвигается ко мнѣ. Мои предполо-

женія сбылись. Крики и выстрѣлы все ближе и ближе. Горцы, отступая, наткнулись на мою засаду и тутъ же было убито двое, а другіе двое бросились къ Тереку, одинъ былъ сейчасъ же убитъ, другой же раненый былъ вытащенъ съ „бурдюками“ изъ воды и тутъ же добить.

Горцы отступая убили 3 донскихъ казаковъ, а также и одного нашего, казака Нѣмова, и сильно ранили урядника Сигаева.

Между Терекѣмъ и Сунжею находился „Летучій отрядъ“.

Составъ его былъ изъ батальона Кубанскаго пѣхотнаго полка, 2-хъ сотенъ казаковъ Горскаго полка и двухъ орудій. Начальникомъ отряда въ мое время и время описываемыхъ событій (45—48 гг.) былъ полковникъ Вревскій. Летучій отрядъ постоянного мѣстопробыванія не имѣлъ, его задача была охранять линію Военно-Грузинской дороги, отъ набѣговъ горцевъ. Чаше всего отрядъ бывалъ въ Константиновскомъ укрѣпленіи, впереди былъ постъ, имѣвшій только одно орудіе, а въ самомъ укрѣпленіи была устроена батарея, вродѣ кургана, орудія на этой батарее поворачивались въ разныя стороны, имѣя возможность обнимать громадную площадь для выстрѣловъ.

Въ службѣ Летучаго отряда принималъ участіе и я.

Помню, разъ я долженъ былъ получить корреспонденцію изъ Моздока и долженъ былъ отправиться часомъ раньше выступленія всего отряда, съ мѣста ночевки изъ мѣстечка „Казансы колодезь“ — гора Малгабенъ. У меня въ отрядѣ было человѣкъ 50. Мы должны были получить корреспонденцію, а также взять 15 четв. муки и передать ихъ станичному начальнику ст. Луковской, половину для перепечки хлѣба, а половину на сухари.

Отправляясь за корреспонденціей въ Моздокъ мы ѣхали по берегу рѣки Терека. Здѣсь всегда процвѣтало рыболовство; рыба водилась хорошая, стоила не дорого. И на этотъ разъ тоже у берега были рыбаки. На мой вопросъ есть ли рыба? отвѣчали: двѣ, изъ нихъ одна икрная.

На обратномъ пути захвативши банку, взялъ и рыбу и икру, заплативши за все 1 р. 30 к. Икра была осетровая. Какъ быстро мѣняются времена. Казалось недавно, а теперь жизнь стоитъ въ 3—4 раза дороже.

Прибывъ на постъ и сдавъ въ канцелярію почту, пошелъ я къ вышесказанному полковнику Вревскому, поговоривъ съ нимъ о томъ — о семъ, а также сказать, что купилъ и ему рыбы. Онъ поблагодарилъ.

Зову повара-кухаря, казака Фоку Мещерякова, говорю, чтобы онъ принялъ рыбу, посолилъ ее для постнаго стола. Повидимому день долженъ былъ бы кончиться самымъ обычнымъ образомъ; солдаты стали варить пищу, анъ не тутъ то было... прискакалъ гонецъ съ донесеніемъ „Партія чеченцевъ въ большомъ сборѣ имѣетъ направленіе къ военно-грузинской дорогѣ“.

Варка была оставлена, отрядъ двинулся въ походъ, осталась лишь 1 рота и 25 казаковъ, да и тѣ должны были завтра же утромъ съ обозомъ, „оказіей“ слѣдовать дальше.

Съ отрядомъ мы вернулись назадъ въ укрѣпленіе и здѣсь узнали, что горцы угнали скотъ изъ мирнаго аула. Отрядъ расположился лагеремъ, завтра должны были встрѣтить обозъ.

Призвалъ я кухаря Фоку и говорю: ну братецъ готовь обѣдъ для офицеровъ, икру отдѣльно, а на супъ приготожь уху изъ головы, да засыпь рисомъ, или лапшей.

Сказано, сдѣлано, — уха засыпана лапшей. — Подъ конецъ я и говорю Фокѣ: что же ты сдѣлалъ? вѣдь мы общались ѣсть постное, а ты засыпалъ лапшу скоромную, сдѣланную еще дома, на яйцахъ!

— Вѣдь теперъ Успенскій постъ, все равно, какъ и Великій!

Только что я сказалъ, что случилось съ моимъ Фокою! Начинаетъ харкать, плевать, подъ конецъ даже заплакалъ.

— Чего же ты, дурень, плачешь?

— Ваше Благородіе, какъ же не плакать, вѣдь я оскоромился, пробуя супъ!

Я и офицеры знали Фоку, какъ религіознаго, тихаго и скромнаго казака, только религіозность его выражалась иначе.

Утромъ и вечеромъ, по пробитіи зори Фока становился на молитву и каждый разъ не менѣе получаса клалъ земные поклоны, случалось видѣть, какъ онъ и ночью часто становился на молитву.

Въ походной жизни яйца играли не малую роль: они очень удобны для перевозки, съ ними нѣтъ возни, да и вкусны и питательны они! Только никогда мой Фока не могъ сварить какъ слѣдуетъ, всегда переварить.

Чтобы научить его варить я и предложилъ ему:

— Смотри Фока, какъ закипитъ вода, клади яйца и прочитай Отче Нашъ, только прочитаешь, сейчасъ же вынимай, яйца будутъ готовы!

Только и это не помогаетъ.

Призываю его, спрашиваю, — ну что, Отче Нашъ читалъ? — Точно такъ, Ваше благородіе, читалъ!

Я усумнился и думаю, можетъ быть медленно читаетъ и заставилъ при себѣ прочитать. Стоить, молчить.

— Что же ты?

— Не умѣю!

— Какъ же ты Богу молишься?

— Да прочитаю молитву Іисусову, вотъ и весь сказъ.

— Ну, читай.

Онъ началъ: Іисусъ помилуй мя... и остановился.

— Ну, дальше, говори!

Опять — Іисусъ помилуй мя!...

Дальше заставилъ я его читать Богородицу и Богородицу не зналъ.

— Что же ты неправду сказалъ? Сказалъ, что когда яйца варилъ, читалъ Отче Нашъ?

— Ей Богу, правда, читалъ! Я позвалъ Федорова, что ѣздилъ на артельныхъ лошадяхъ, онъ и читалъ...

Въ бытность мою въ Летучемъ отрядѣ горцы два раза нападали на гор. Моздокъ и ст. Луковскую.

При нападеніи на станицу Луковскую особенно отличилась казачка Громова, за храбрость ей была дана золотая медаль „за храбрость“ на Георгіевской лентѣ, для ношенія на шеѣ. При этихъ же нападеніяхъ была взята въ плѣнъ дочь армянскаго купца Улуканова, впослѣдствіи жена извѣстнаго въ исторіи имама Шамиля.

ГЛАВА II.

Генераль-маіоръ Н. П. Слѣпцовъ.

Много станицъ было основано и заселено при Главнокомандующемъ Воронцовѣ, когда онъ шелъ съ отрядомъ на Владикавказъ. Между прочимъ было построено Назрановское укрѣпленіе.

Тутъ, въ укрѣпленіи Волынскомъ, Воронцовъ потребовалъ моего отца, долго съ нимъ разговаривалъ и спрашивалъ.

Отецъ рассказывалъ, что онъ былъ въ отрядѣ Ермолова, и Ермоловъ не разъ говорилъ своимъ спутникамъ:

— Вы молоды, вы доживете, когда здѣсь, на Сунжѣ, будутъ заселенныя станицы, будутъ чудные виноградники!... Слова маститаго героя сбылись.

Отецъ мой въ это время былъ пятидесятникомъ, а его товарищъ П. О. Коцебу — подпоручикомъ — колоновожатымъ. На мѣстѣ остановки Воронцова былъ насыпанъ небольшой курганъ. На мѣстѣ отдыха разложили бурку, Воронцовъ положилъ въ нее хлѣбъ, булку и соль и предложилъ моему отцу, Коцебу и полковнику Полтнину участвовавшему въ экспедиціяхъ Ермолова, держать за концы.

Бурку поднимали и опускали; что говорилъ Воронцовъ, не было слышно, только остальные говорили каждый разъ „Аминь, Аминь“.

Послѣ уже отецъ рассказывалъ, что здѣсь будутъ заложены 2 станицы, что и было на самомъ дѣлѣ. Участвовалъ здѣсь, въ этомъ отрядѣ, молодой офицеръ, подававшій большія надежды, его прочили въ командиры новаго формируемаго полка, фамилія его Слѣпцовъ.

Проводивши отрядъ Воронцова, оставшіеся начали копать канавы для двухъ новыхъ станицъ Троицкой и Сунженской. По этому поводу у полковника Полтнина былъ кутежъ. Когда всѣ охмелѣли, стали вспоминать о походахъ, рассказывать о воинскихъ подвигахъ и дѣлахъ, между прочимъ замѣтилъ и самъ Полтнинъ, о храбрости котораго я слышалъ еще и раньше.

— 5 разъ былъ сильно раненъ и три контуженъ и то не сконфуженъ!... но я тутъ же замѣтилъ, что онъ былъ глуховатъ.

Впослѣдствіи, я кампанію дѣлалъ вмѣстѣ съ Слѣпцовымъ.

Скажу нисколько не преувеличивая, что онъ былъ чрезвычайно горячъ, и нужно было удивляться, какъ онъ остался цѣлъ и невредимъ, когда сплошь да

рядомъ, убивали и ранили подъ нимъ лошадь. Видно, что его самъ Господь Богъ хранилъ!

Какъ то зимою пришлось ему дѣлать „просѣку“. Въ эту экспедицію выступили казаки 2-хъ сотенъ Сунженскаго 2-го полка, одна — Владикавказскаго, одна — Кизлярскаго.

Приходилось идти повидимому мимо брошенныхъ ауловъ, хотя въ нихъ остались собаки.

Слѣпцовъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы двигались (Эристову), какъ можно тише. Я долженъ былъ это передать всѣмъ офицерамъ и внушить казакамъ, чтобы они не били лошадей. Пропустилъ всѣхъ. Затѣмъ, обогналъ опять и передалъ Слѣпцову объ исполненіи его порученія.

Наступила трудная минута, нужно было подниматься на крутую гору.

Стало свѣтать.

Вдругъ слышу, кричитъ Слѣпцовъ:

— Знаменщикъ не отставай, ѡзжай впереди всѣхъ!

Я хотѣлъ догнать Слѣпцова, но не могъ, онъ выхвативъ шашку изъ ноженъ, и крича, „знаменщикъ не отставай“, поскакалъ впереди всѣхъ, размахивая шашкой. Лошадь чуть оступилась, былъ моментъ когда Слѣпцовъ чуть не упалъ. Этимъ замедленіемъ воспользовался эсаулъ Старицкій и еще 10 казаковъ проскакавшіе вперёдъ.

Слышно было только, какъ кричалъ Слѣпцовъ:

— Займите второй аульчикъ!

Изъ перваго аула начали стрѣлять.

Черезъ нѣсколько минутъ сакли аула были заняты казаками Горскаго полка. Чеченцы между тѣмъ не выходили. Сакли подожгли, изъ нѣсколькихъ выбѣжали женщины и сдались въ плѣнъ, горцы же въ полномъ вооруженіи бросились на насъ, но были всѣ перебиты.

Въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ сотникъ Сунженскаго полка и раненъ хорунжій Горскаго полка — Бартеневъ. Изъ казаковъ 5 убитыхъ, и 4 раненыхъ.

Взято нами въ плѣнъ 27 шт. рог. скота, 30 козъ, 5 лошадей, женщинъ и дѣтей 17. Въ отрядѣ Слѣпцова было два французскихъ офицера, онъ и имъ предложилъ участвовать въ дѣлѣ.

Въ 9 часовъ утра, по тревогѣ были вызваны и выскочили 3 сотни Горскаго полка, а вслѣдъ за ними поскакали сотня Моздокскаго, Сунженскаго и Троицкаго полковъ, по направленію къ Алдинскимъ хуторамъ.

На полянѣ, предъ хуторами, встрѣтили три арбы съ сѣномъ, арбы были забраны, одинъ изъ черкесовъ убитъ, а 2 бѣжали въ лѣсъ. Наши бросились въ лѣсъ, оттуда раздались выстрѣлы, ими былъ убитъ казакъ и лошадь. Когда подошли къ другой опушкѣ, тамъ оказалось очень много горцевъ, такъ что пришлось отступить. Отступление было поручено двумъ французскимъ офицерамъ, которые пріѣхали къ Слѣпцову — какъ туристы; конечно съ разрѣшенія Воронцова. Къ 6-ти часамъ вечера всѣ войска вернулись обратно въ ст. Сунженскую.

Въ настоящее время станица Сунженская называется Слѣпцовскою, въ память храбраго генерала Н. П. Слѣпцова.

Известіе

№ 921
Данъ сего повелено Кавказскаго Полка
Пехотному сотнику ермиту Векеров-
скому отътомъ отъ Воеводы она въ
Кортю А мою въ походъ тропица
горныхъ Народовъ и ттхриновъ была
въ сраженіяхъ марта 7-ти селеніи
Бредухиноу урени тгашъ, 16го тур-
рени шесту, 20го Нарени шавъ
24го годъ крепостію Ахатию, и 5го
итрени 20 ахловъ раны, тригоде-
дженіи огнемъ отъгалили себя не
устрашились А тропицу по-
отъгалили его Силу сина свѣ-
дѣтельству, мавръ тригеретравъ
друзъ Кавказъ А преля 18 дня 1790го года.

Ся и интереснаго
вѣдѣствѣ вѣдѣствѣ
Вѣдѣствѣ Тосударыни
моей отъ арміи генералъ
парутихъ командуюшій
Кавказскою и Кавказскою
Армією, и орденъ Свѣтла
Ахлы Кавказа.

Генералъ-Маіоръ
Ле

СПЕСТАТЪ

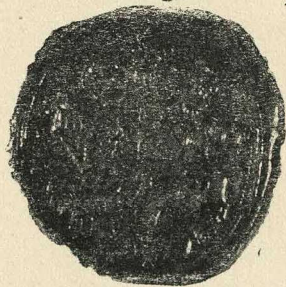
1789го года октября 4, дня Волскаго во
 Цема Соптшии Орилтѣ Векераломѣ Оттомъ
 Это Показоженіе Епо Волсѣ Врѣмѣ Кома
 Кдопанна моею Ореадѣ Покылаѣмъ онъ ве
 Кераломѣ Овѣ Врѣмѣ насѣмѣмъ Покыде
 Должностѣи Коптѣрѣи Исполнѣмъ Волсѣ Пшѣде
 Мокотѣмъ Ирасторѣтѣмъ Емъ Ираѣтѣмъ
 Сеѣ Кадѣмѣмъ Покыдемъ Емѣмъ Вокѣ
 Рѣмѣмъ Емъ Стримѣмъ Емъ Емѣмъ Покыде
 Ованъ сѣмъ Вокѣмъ Емѣмъ Ираѣмъ Емѣмъ
 Кемѣмъ сѣмъ: *Генералъ Маѣмъ, Овѣмъ Маѣмъ*

Апостатъ

Волскаго казачскаго полка, Есаулу Венеровскому,
въ томъ что, во время командования моего въ
искахи Кавказской мити расположенными,
велъ себя добродушно, и возмаше отъ меня
нашего Венеровскаго посылке препорученіи и
спомнялъ оны. Сиделъ его усердиемъ и
сторожностью какъ. Зомъ офицера тре
бствъ, вѣдѣлъ отъдара Емъ Справедливостъ
Синъ, подписомъ и отъ и приложеніемъ
Горба моего пегати Сиделетову, вѣдѣ
дополненіемъ Городъ Венеровскъ, казачскаго
Губерніи, марта, 23. дня 1804го года;

Его Императорскаго Велич
ства, всемоштившаго Го
сударя моего, Генералъ лейте
нантъ, Санктпетербургскаго
Гражданскаго полка шефъ и кавалеръ

Ширинъ

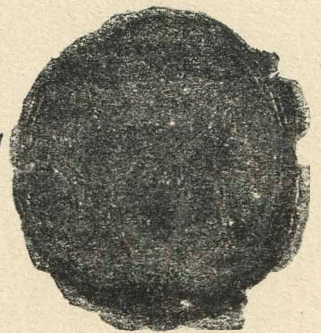
№ 4345

Ms. 2047

[illegible]

Его Императорского Величества
Вселичестивѣйшаго ГОСУДАРЯ моего
Генералъ Лейтенантъ, наводной инж-
перій по павалерій. инженеръ, нѣ-
городскаго Гражданина. Полка шерф павалеръ.

Влазенавъ

Генералъ-маіоръ Н. П. Слѣпцовъ.

Во время этого событія (1856 г.) у насъ на линіи свирѣпствовала холера. Взять хоть ту же станицу Сунженскую. Въ день умирало человѣкъ по 11, а то и больше, доходило до 29.

Но къ счастью продолжалась холера недолго, дней черезъ пять она прекратилась совсѣмъ.

Во время разгара холеры, я былъ въ станицѣ Осиновской. На площади были поставлены палатки и наметы, а также котлы съ горячей водой для приготовленія ваннъ. Холера имѣла характеръ судорогъ, корчей, поноса. Успѣвшій сдѣлать себѣ ванну въ началѣ спасался, ему растирали члены, онъ отлеживался и былъ здоровехонекъ!

Съ Слѣпцовымъ тоже приключилась холера, когда онъ былъ въ ст. Сунженской. Какъ только начались съ нимъ судороги, Слѣпцовъ сталъ кричать:

— Тяни, не давай, растирай, давай доктора!

Его растирали, тянули, дѣлали ванны и черезъ 5 часовъ доктора заявили, что онъ спасенъ, благодаря лишь только своей храбрости и присутствію духа!

Насколько былъ храбръ Слѣпцовъ, настолько же былъ и горячъ, все это я слышалъ отъ Степана Ивановича Старицкаго.

Разскажу, что онъ мнѣ разсказывалъ про Слѣпцова.

Я, (Старицкій) и братъ мой не носили шашекъ, а только кинжалы, когда же являлись по начальству, то надѣвали шашки. У Слѣпцова были ординарцы, которые всякіе приказы исполняли „бѣгомъ“. Разъ, прибѣгаетъ такой ординарецъ къ Старицкому и говоритъ, что его требуетъ командиръ (Слѣпцовъ).

Старицкій является и спрашиваетъ дежурнаго казака: „кто былъ у полковника?“

Казакъ рапортуетъ: „казакъ приходилъ къ полковнику, пьяный, жаловался на урядника, который побилъ его въ кабацѣ“.

Являюсь, — разсказываетъ Старицкій — къ Слѣпцову.

— Вамъ что?

— Что новаго?

— Вы за мной присылали? Вамъ жаловался пьяный казакъ на урядника?

— Я уже посадилъ ихъ подъ арестъ! Освободите ихъ, они лихо дерутся!...

Слѣпцовъ былъ очень популяренъ среди казаковъ и они дѣйствительно его любили. Про него сложили очень много пѣсенъ, самыми лучшими и популярными считались приводимыя ниже.

П Ъ С Н Я 1,

Генералу Н. П. Слѣпцову въ лагерѣ.

(На Зеленой горѣ).

Мы стояли на горѣ,

На зеленой, на травѣ;

Эй-эй, молодцы,

Храбрые мы Сунженцы (прип. 2 р.).

* * *

Мы стояли возлѣ будки,
Къ намъ пріѣхалъ Слѣпцовъ въ буркѣ.
Эй-ей молодцы и пр...

* * *

— Вы здорово, казачки,
Стрижены головочки!
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Ужъ я Богомъ васъ прошу:
Не ходите вы въ корчму!
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Вы тамъ денежки пропъете, —
А въ походъ-то съ чѣмъ пойдете?
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Васъ отцы будутъ встрѣчать,
А вамъ нечѣмъ отвѣчать.
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

— Ты дѣдушка Аликуй,
Намъ про это не толкуй!
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Сухарей мы напечемъ,
Сами въ шалаши поидемъ.
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Сухарей мы поѣдимъ,
На Слѣпцова поглядимъ.
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

— Хорошо вамъ разсуждать, —
Аль „провіантскихъ“ денегъ дать?
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Вы терпите до числа!
Вамъ картошка не кисла.
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Поколь мѣсяць окончу,
Изъ Капкая получу.
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

По сотнямъ разочту,
По станицамъ разошлю.
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

— А сказали: Слѣпцовъ злой!
Слѣпцовъ батюшка родной!
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Онъ положить, — станетъ бить:
Съ плечъ рубашечка летить!
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Но хоть больно онъ насъ бьетъ,
Да подъ судъ не отдаетъ.
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

— Какъ же больно васъ не бить,
Сорванцовъ васъ не бранить?
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Добрыхъ коней распродали,
Сударушекъ посправляли!
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Порѣзали чепраки,
Дѣвкамъ сшили башмаки!
Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Въ первомъ Сунженскомъ полку
Носятъ шапки на боку!

Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Носятъ шапки на боку,
По сту плетей во боку.

Эй-эй молодцы и пр...

* * *

Исполнялась эта пѣсня съ гиканьемъ, присвистываньемъ.
А то пѣвалась, частенько, другая, болѣе грустнаго мотива.

П Ъ С Н Я 2.

Что ты Сунженецъ не весель.

(О Слѣпцовѣ).

Что ты сунженецъ не весель, беззаботный сорванецъ,
Иль сердечная кручина завелась у тебя,
Иль измѣнница, дѣвчина,
Въ часъ условный не пришла?

* * *

Или ты коня лишился
Въ прошломъ, жаркомъ, во бою,
Или съ братомъ распростился,
Въ бусурманскомъ, ты, краю?

* * *

Это горе намъ не горе,
Не привыкли такъ мы жить!
Что по вѣтренной дѣвченкѣ
Сокрушаться и тужить!

* * *

И потеря близкихъ, кровныхъ,
Такъ не тронула бы насъ,
Въ схваткахъ жаркихъ и не равныхъ
Мы теряли ихъ не разъ!

* * *

Съ смертью мы давно сроднились,
Шли на вѣрную, не разъ,
Пули, шашки и кинжалы
Были шутками для насъ!

* * *

И орелъ нашъ славный, черный,
Онъ куда не залеталъ,
Изъ какихъ ущелій темныхъ,
Онъ враговъ не выгонялъ!

* * *

Орломъ летая передъ нами,
Самъ вездѣ распоряжался,
И дружину поощряя,
Съ шашкой самъ въ толпу кидался!

* * *

Такъ же было и на Пшехѣ,
Гдѣ врагамъ тогда мы мстили,
И за старые грѣхи,
Мы вторично отплатили!

* * *

Отъ завала одного,
Пуля пущена въ него.
Грудь его, отца, пронзила,
Наше счастье схоронила!

* * *

Его, друзья, несли на буркѣ,
Онъ едва уже дышалъ,
И, собравъ послѣдні силы,
Свою волю завѣщалъ:

* * *

Храбро, весело, отважно,
Намъ всегда Царю служить,
И чтобъ имени Слѣпцова —
Намъ на вѣки не забыть!

* * *

Потомъ, съ горестью простился,
Съ храбрымъ Сунженцемъ своимъ,
Душой къ Богу обратился, —
Такъ разстались мы съ нимъ!

Н. П. Слѣпцовъ даже среди горцевъ заслужилъ полное уваженіе и заставилъ ихъ дѣлать перемиріе на извѣстное время.

Во время перемирія не должны ни та, ни другая сторона дѣлать набѣговъ, ни на аулы, ни на станицы. Обыкновенно такія перемирія устраивались во время сѣнокоса и жатвы. Хотя Шамиль съ своей стороны всегда позволялъ 3 человѣкамъ дѣлать набѣги и опустошенія, но только съ увѣдомленіемъ.

Послѣ перемирія обѣ стороны были вольны въ своихъ дѣйствіяхъ и, конечно, опять начинались засады, нападенія и набѣги.

Въ этомъ же 1856 году была основана станица Асинская, на рѣкѣ Асу.

Разъ лѣтомъ дежурная сотня отправилась на фуражировку на другую сторону рѣки. Работа была окончена, начали уже выючить лошадей, какъ со стороны станицы увидѣли дымъ отъ орудій. Сѣно было брошено, и станичники рѣшили ждать непріятеля у рѣки. Оказалось горцы взяли подъ станицей скотъ и хотѣли его угнать. Укрѣпившись на бродѣ рѣки Асу, казаки рѣшили „лучше погибнуть отъ пули, чѣмъ отъ холеры“. Скотъ повернулся къ станицѣ, горцы бросились на насъ; дѣлали два раза атаку, но очень не удачно. Съ нашей стороны было 2 убитыхъ, со стороны же горцевъ 4 убитыхъ, а также 7 лошадей.

Непріятель не выдержалъ, отступилъ, наша сотня погналась за нимъ, къ намъ присоединилась по дорогѣ еще сотня Владикавказскаго полка.

Горцы хотѣли пройти лѣвой стороной къ броду, но и это имъ не удалось, на этомъ бродѣ уже стояли Сунженская и Троицкая сотни. Ничего не оставалось, какъ только броситься съ большой кручи, въ воду. Много горцевъ погибло, а на берегу оставлено около 70 лошадей съ сѣдлами.

Полковникъ Слѣпцовъ отправился съ 20 казаками въ крѣпость, гдѣ стоялъ 7-ой линейный батальонъ. Онъ взялъ три роты, но по дорогѣ узналъ, что это лишнее, поэтому, эти роты вернулъ назадъ, передавши имъ раненыхъ.

Прибывъ съ 20 казаками Слѣпцовъ горячо благодарилъ станичниковъ за лихое дѣло; между прочимъ просилъ отбитыхъ лошадей подарить ему, которыхъ и передалъ жителямъ, у которыхъ ихъ угнали, говоря:

— У васъ угнали безъ сѣделъ, а дали съ сѣдлами, чтобы вы скакали на нихъ по первой тревогѣ!....

Въ 1860 году строилась станица Алханъ-Юртъ, въ которой воинскимъ начальникомъ былъ Иванъ Ивановичъ Старицкій. Старшій же его братъ Стефанъ Ивановичъ поѣхалъ въ крѣпость Грозную (нынѣ гор. Грозный Терск. обл.) для переосвидѣтельствванія своихъ ранъ и увѣчій, ихъ было больше 7-ми, чтобы выйти въ отставку.

Передъ отправленіемъ старшій братъ просилъ Ив. Ив. дать ему конвой изъ 25 чел. Передъ отъѣздомъ молодые и старые офицеры пожелали проводить старшаго боевого шт.-офицера. Закуска была устроена въ домѣ Старицкаго, воинскаго начальника. Присутствовали 2-ое Старицкихъ, эсауль Баскаковъ и др. офицеры, какъ внезапно раздался сигнальный выстрѣлъ пушки. Всѣ бросились на дворъ, къ воротамъ; тамъ увидѣли раненаго солдата. „Что, какъ случилось“, посыпалось съ разныхъ сторонъ.

Солдаты рассказывалъ: 3 горца молились Богу, потомъ сѣли на коней, одинъ

изъ нихъ, бросился съ шашкой на меня, преслѣдуя ранилъ, часовой выстрѣлилъ изъ пушки, они оставили меня, поѣхали къ батарее. Опрошенный часовой разсказалъ, что эти горцы повернули къ берегу Сунжи, оставались тамъ чего то ожидая. Урядникъ Якушевъ, находившися далеко отъ Сунжи и видя ѣдущихъ горцевъ, сдѣлалъ выстрѣлъ и убилъ одного изъ нихъ на повалъ. Горцы же положили убитаго на сѣдло и ускакали въ лѣсъ.

Старицкій, Баскаковъ, Киселевъ, Горшокинъ, Дыдымовъ съ остальными казаками бросились преслѣдовать горцевъ. Горцы же въ лѣсу устроили засаду. Пропустивъ впередъ казаковъ, они дѣлаютъ нѣсколько залповъ, со всѣхъ сторонъ, прямо, съ боковъ и всѣхъ убиваютъ.

Воинскій же начальникъ, Ив. Ив. Старицкій, отдавая приказанія, немного поотсталъ и направился по той же дорогѣ, гдѣ проскакали братъ и др. офицеры.

Еще за версту онъ услышалъ залпъ, остановилъ лошадь перекрестился и сказалъ: „царство небесное“, всѣхъ перебили! Сопровождавшій казакъ говорить:

— Ваше Высокоблагородіе куда же мы поѣдемъ?

Старицкій отвѣтилъ:

— Тамъ братъ мой, дядя и товарищи, не могу и я остаться — и поѣхалъ маленькою рысью. Казакъ остался, но потомъ еще разъ догналъ его и снова сталъ просить:

— Вѣдь вся эта поляна усыпана горцами.

— Ты останься, а я не могу, — былъ отвѣтъ Старицкаго.

Съ грустью смотрѣлъ казакъ на своего начальника и на то, какъ горцы собирали убитыхъ.

Не доѣзжая 20 шаговъ, воинскій начальникъ слѣзъ съ лошади, пошелъ въ толпу горцевъ и сталъ работать кинжаломъ, на право и на лѣво. Двое тутъ же упали, остальные разбѣжались, да и еще одного убилъ изъ ружья.

Опомнились, горцы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ и убили Старицкаго. У убитаго отрѣзали голову и принесли ее Шамилю. Тотъ услышавъ о необыкновенной храбрости убитаго, вернулъ голову покойнаго въ станицу; гдѣ сдѣлали маленькій гробикъ и похоронили голову героя. Туловище было похоронено раньше.

Старицкіе службою своею, усердіемъ и личною храбростью много сдѣлали для водворенія казаковъ на Сунженской линіи...

Въ этотъ же 1860 годъ былъ выстроенъ мостъ черезъ рѣку Сунжу, предъ крѣпостью Зakanъ-Юртъ, а напротивъ, тоже, было построено маленькое укрѣпленіе. При постройкѣ же этого моста участвовалъ и я, командуя сотнею, также батальонъ Навагинскаго полка, которымъ командовалъ подполковникъ Наумовъ, съ нами же были и два орудія подъ командою сотника Панкратова.

Постройка Сунженскаго моста была вызвана чисто стратегическими соображеніями. Въ особенности же онъ былъ важенъ зимою, когда наши войска въ любую минуту могли угрожать горцамъ.

ГЛАВА III.

ОХОТЫ.

Жизнь на линіи проходила довольно однообразно, но иногда разнообразилась разными приключеніями, событіями, удовольствіями. Однимъ изъ такихъ удовольствій была охота. Я даже попросилъ своего отца прислать мнѣ нѣсколькихъ гончихъ собакъ, что онъ скоро и исполнилъ, приславъ пару хорошихъ гончихъ.

Въ крѣпости Заканъ-Юртъ моимъ товарищемъ по службѣ былъ поручикъ гарнизонной артиллеріи, Адамовичъ, тоже большой охотникъ. У него была цѣлая свора собакъ. Вотъ съ нимъ то мы неоднократно и устраивали охоты, конечно, съ разрѣшенія коменданта крѣпости.

Разъ я и Адамовичъ — иначе „Топчи-Султанъ“ (орудіе-султанъ), какъ его всѣ обыкновенно называли, отправились на охоту.

Я взялъ съ собою трехъ урядниковъ и 20 казаковъ лучшихъ стрѣлковъ, а Адамовичъ пригласилъ изъ мирнаго аула 8 человѣкъ чеченцевъ, да двухъ изъ дѣтей старшины. Адамовичъ и его собственный человѣкъ Иванъ, тоже заядлый охотникъ, вели собакъ на смычкахъ. Пройдя просѣку вышли на поляну, которая была довольно обширна. Въ это время показалась партія непокорныхъ чеченцевъ, болѣе ста человѣкъ. Мы остановились на этой полянѣ. Горцы начали приближаться къ намъ. Отъ насъ вышли два чеченца впередъ и начали вести между собою разговоръ: „что такъ мало васъ“. Здѣсь мирные чеченцы отвѣчали: „довольно насъ, а если хотите помѣряться, то мы готовы“.

„Кто съ вами“!

„Русскій офицеръ и Топчи-Султанъ“!

Тогда горцы отдѣлились отъ насъ въ другую сторону. Я долго не соглашался идти въ лѣсъ и пускать собакъ, но Адамовичъ уговорилъ меня, что мы сдѣлаемъ такого рода распоряженіе: посадимъ на дерево казака и одного чеченца съ тѣмъ, чтобы они слѣдили за этою партією и за всею поляною, если горцы покажутся, то сидящіе казакъ и чеченецъ будутъ трубить въ рожокъ, а мы должны сейчасъ же возвращаться къ этому дозору. Осмотрѣвъ опушку лѣса, мы нашли много слѣдовъ козъ и оленей; передъ тѣмъ былъ маленькій снѣжокъ. Опредѣлили, гдѣ должна быть засада и откуда начинать производить гай и тамъ же пустить со своръ собакъ. Не прошло и $\frac{1}{4}$ часа, какъ слышимъ лай собакъ, съ боку меня, сидѣвшій въ засадѣ Адамовичъ, уже готовился къ стрѣльбѣ въ звѣря. Онъ сидѣлъ за повалившимся деревомъ и дѣлаетъ выстрѣлъ. Въ это время

медвѣдь, его гнали собаки, поднялся на заднія лапы и раненый бросается къ Адамовичу. Я вскочилъ, бѣгу къ нему, но не могу стрѣлять, боясь выстрѣлить въ Адамовича. Прибѣжалъ ко мнѣ крѣпостной, его человѣкъ, и, тутъ, только, опомнившись Адамовичъ круто повернулъ и перепрыгнулъ черезъ другое, тутъ же лежащее дерево. Мы же съ нимъ (крѣпостнымъ Адамовича) дѣлаемъ залпъ, убиваемъ этого медвѣдя. Адамовичъ и смѣется и радуется, что мы его спасли. Затѣмъ онъ пошелъ брать сумку, шапку и ружье. Послѣ того было слышно направо два выстрѣла, это урядникъ убилъ оленя, а горецъ козла.

Собравъ трофеи, я началъ уговаривать Адамовича, чтобы продолжать еще и зайти одинъ гай; но онъ не хотѣлъ и слушать; и ружье мое не годится, говорилъ онъ, ружье мое мокрое и я не желаю продолжать охоту. Я и чеченцы уговорили его сдѣлать еще одинъ гай и онъ, наконецъ, пошелъ и перемѣнилъ караульнаго казака, который сидѣлъ на деревѣ. Мы же зашли съ противоположной стороны и сдѣлали новый гай. Во второмъ гаѣ мнѣ не пришлось стрѣлять, а, крѣпостной человѣкъ, Иванъ, убилъ пару козъ, чеченецъ, сынъ старшины, убилъ оленя, такъ же и два казака убили пару козъ. Этимъ была закончена наша охота, къ вечеру вернулись обратно въ лагерь.

Адамовичъ рассказывалъ, что онъ былъ не одинъ разъ въ перестрѣлкѣ, но такого страха и срама не было съ нимъ, какъ бѣжалъ онъ отъ медвѣдя.

Черезъ 5 дней Наумовъ былъ имянинникъ, и всѣ офицеры уважаемаго Дормидона Степановича пришли поздравить съ днемъ ангела. Въ это же время, когда была половина офицеровъ у Наумова, въ его квартиру пришелъ и Адамовичъ. Я не могъ смотрѣть равнодушно, когда онъ былъ въ мундирѣ съ эполетами, съ бритою головою. Всѣ мы всегда его встрѣчали въ оборванной черкескѣ и даже босымъ, за поясомъ чевяки. Въ этотъ разъ не одинъ я, а всѣ смотря на него, были поражены его видомъ. Я даже про себя сказалъ, ну и присталь же тебѣ этотъ мундиръ, какъ коровѣ сѣдло.

Передъ этою крѣпостью (Заканъ-Юртъ) находился мирный аулъ, специально предназначенный для подвозки матеріала, тутъ же находился конный транспортъ, изъ 50 подводъ парныхъ лошадей. Послѣ заката солнца никто уже изъ чеченцевъ не имѣлъ права входить въ крѣпость. Приключилась разъ комичная исторія.

На моихъ глазахъ какой то чеченецъ отвязываетъ лошадь. Въ это время ко мнѣ подходитъ офицеръ Панкратовъ и смѣясь говоритъ, что мои казаки не умѣютъ чистить лошадей. Пришлите когонибудь, я поучу. Казакъ, стоявшій около меня оборачивается и видитъ горца на конѣ, онъ бросается за нимъ, горецъ отъ него, но не надолго. Лошадь сдѣлавъ кругъ, поворачивается опять къ коновязямъ.

Горецъ, не могши справиться съ нею, свалился, и упалъ въ канаву съ нечистотами. Здѣсь его поймали, били, дали двѣ штыковыя раны, хотѣли бить прикладами, да я не допустилъ.

Этого горца я велѣлъ посадить на гауптвахту, а самъ поѣхалъ доложить батальонному командиру, а Наумовъ донесъ Слѣпцову. Депутація старшинъ поѣхала къ Слѣпцову, она извинялась за молодого человѣка и очень просила Слѣпцова не наказывать его.

Узнавши въ чемъ было дѣло Слѣпцовъ долго смѣялся. Къ несчастью чеченца

лошадь была полковая и свыкшаяся съ тройкой, поэтому выскочивши за палатку, не побѣжала впередъ въ поле, а опять назадъ въ лагерь. Слѣпцовъ рѣшилъ его посѣчь розгами въ присутствіи стариковъ старшинъ, но я нашелъ это неудобнымъ. Поэтому на слѣдующій день въ одной изъ затворенныхъ казармъ всыпали неудачному горцу горячихъ, продержали еще одинъ день, а затѣмъ отпустили на всѣ четыре стороны.

Въ станицѣ Пшехской со мной было интересное приключеніе съ медвѣдемъ; оно на меня такъ повліяло, что я послѣ этого, разъ навсегда отказался отъ медвѣжатины.

Мнѣ особенно не везло, на бѣду заболѣлъ сынъ. Жена была внѣ себя, женщинѣ всегда все кажется самымъ ужаснымъ. Къ утру я послалъ ординарца за докторомъ Окрейцъ. У насъ въ Пшехской былъ лазаретъ.

Только черезъ нѣсколько минутъ прибѣгаетъ урядникъ Тишинъ и говоритъ, что у насъ во дворѣ медвѣдь.

Мнѣ было не до него, говорю, ну и застрѣли его, чего смотришь! Тишинъ схватилъ двухстволку, побѣжалъ за собаками и сдѣлалъ выстрѣлъ, но не удачно.

Медвѣдь черезъ плетень, къ рѣкѣ, бѣжитъ, за нимъ гонятся собаки. Медвѣдь плыветъ черезъ Пшехсу, собаки за нимъ. Тишинъ торопливо сѣдлаетъ лошадь. Это была моя лошадь и онъ постоянно меня сопровождалъ на охоту.

На той сторонѣ онъ увидѣлъ казака Лабушкина и кричитъ:

— Бери ружье, пойдемъ медвѣдя добывать!

Лабушкинъ взявъ ружье, сѣлъ на мою лошадь и вмѣстѣ съ Тишинымъ черезъ мостъ поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ лаютъ собаки. Это былъ небольшой кустарникъ, а въ немъ сидитъ медвѣдь.

Собаки не пускаютъ медвѣдя, только онъ тронется, а собаки хватаютъ его за задъ, то за шерсть, то за морду. Медвѣдь поворачивается, чтобы схватить собаку, не тутъ то было!

Тишинъ подбѣгаетъ и дѣлаетъ по медвѣдю два выстрѣла, а затѣмъ еще одинъ, изъ ружья казака Лабушкина. Медвѣдь еще разъ поворачивается и зацѣпилъ лошадь лапой. Лошадь лягнула задними ногами. Ударъ угодилъ медвѣдю прямо въ голову и былъ такъ удаченъ, что сѣрый Мишка безъ памяти покатился по травѣ.

Тишинъ въ это время увидѣлъ ѣдущихъ на огороды и попросилъ ихъ на помощь; взялъ у нихъ веревки и налыгачъ, связалъ медвѣдю заднія ноги, а налыгачъ за голову и привязалъ къ дереву.

Скорехонько вернувшись домой, говоритъ, что поймали медвѣдя, не убивши, лошадь помогла.

У меня былъ докторъ Окрейцъ, онъ уже осмотрѣлъ мальчика и утѣшилъ всѣхъ, что ничего нѣтъ особеннаго.

Я пригласилъ его, а также и моего родственника, гостившаго у меня, и мы всѣ поѣхали смотрѣть медвѣдя. Въ этотъ моментъ пріѣхалъ верхомъ воинскій начальникъ съ рапортомъ о благополучіи, мы и его захватили съ собой. Предварительно я взялъ съ собою пучекъ веревки. Около дерева нашли медвѣдя, связали ему еще и переднія ноги, а я еще сверхъ того прорѣзалъ вверху и внизу

губу и завязалъ ротъ, чтобы медвѣдь, какъ нибудь, не укусилъ. Положили на линейку и вернулись домой. Въ станицѣ уже узнали объ этомъ и явилось очень много любопытныхъ повидать медвѣдя.

Медвѣдь охалъ и стоналъ, я не могъ больше слушать, сказалъ Тишину его скорѣе зарѣзать. Докторъ Окрейцъ заявилъ, что онъ его вскрыетъ, только онъ долженъ сходить въ лазаретъ, на обходъ. Чтобы скорѣе было докторъ и туда и оттуда пріѣхалъ на линейкѣ. Сейчасъ же зарѣзали медвѣдя, и докторъ разсмотрѣвши раны сказалъ, предварительно снявъ кожу, одна только пробила кожу, другая пробила и вышла вонъ, третья перебила переднюю ногу.

Принесли этого медвѣдя на кухню, положили на столъ, отрѣзали голову. Зашелъ и я полюбопытствовать.

Ужась взялъ меня, прямой человѣкъ! Такъ стало неприятно, точно человѣка убили и разрѣзали, и тутъ же далъ себѣ слово никогда не ѣсть медвѣжатины. А мясо медвѣдя вкусное, особенно съ соусомъ горошкомъ, не дурны и медвѣжьи окорока!

Ну что-же дѣлать, нужно отказаться отъ этого удовольствія: и у насъ послѣ этого никогда не готовилась медвѣжатина.

— А то вотъ еще случай изъ моихъ охотничьихъ воспоминаній.

За годъ, до охоты съ докторомъ Окрейцъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1866 года, поѣхалъ я немного поразмяться и поохотиться. Со мной былъ только одинъ вѣстовой казакъ. Проѣхалъ я всего съ полверсты, какъ напалъ на медвѣжьй слѣдъ. Снѣгъ былъ талый, слѣдъ отпечатался очень отчетливо. Но онъ былъ какой-то путаный, шаговъ 20 онъ велъ прямо, а затѣмъ пошелъ колесить зигзагами, направо и налево. Кажется остановиться лучше, вдали видна поляна. Тутъ я посылаю казака посмотреть, прошелъ ли черезъ поляну слѣдъ, или нѣтъ. Казакъ скоро вернулся и сказалъ, что слѣды на полянѣ спутались и, по всей вѣроятности, медвѣдь поворотилъ назадъ. Я вернулся, поворотилъ, по слѣду медвѣдя налево и подѣхалъ къ огромному тополю, внутри котораго было большое дупло. Здѣсь слѣды кончались. Сомнѣній не было, значитъ медвѣдь здѣсь. У меня уже ружье на готовѣ, я зарядилъ его раньше, и началъ стучать и бить плетью по дереву, нарочно, чтобы произвести шумъ. Это помогло. Скоро показался задъ медвѣдя. Я сдѣлалъ выстрѣлъ. Медвѣдь отчаянно заревѣлъ, лошадь шарахнулась въ сторону, я едва усидѣлъ на ней, и не будь вѣтки, непременно бы свалился. Спасибо, была вѣтка, но эта охота не прошла даромъ, при движеніи лошади я оцарапалъ себѣ лицо. Собака бросилась ко мнѣ. Медвѣдь вылѣзъ совсѣмъ, но отъ дерева не отходилъ. Зарядовъ въ ружьѣ у меня больше не было, я пошелъ къ вѣстовому, взялъ у него изъ „хазырей“ *) 3 пули, зарядилъ и снова пошелъ къ медвѣдю. Онъ отъ дерева не отходитъ, прижавшись къ нему, старается стать на заднія лапы, но не можетъ. Я дѣлаю выстрѣлъ, почти въ упоръ. Тутъ медвѣдь рухнулъ, какъ какая то безформенная масса. Дѣлаю еще выстрѣлъ прямо въ голову, картечью. Медвѣдь былъ уже совсѣмъ безъ движенія.

*) Казаки носятъ „хазыри“, своего рода сумки для патроновъ.

Послѣ пріѣхали дроги и забрали убитого медвѣдя. Изъ него были сдѣланы потомъ чудесные окорока, которые я и разослалъ моимъ друзьямъ-пріятелямъ.

— А то разъ устроилъ я охоту съ казаками и солдатами. Въ станицѣ Пшехской на зиму расположился батальонъ Кубанскаго полка. Командиръ батальона, подполковникъ А. Легоріевъ, не разъ просилъ меня взять его въ компанію, для охоты.

Ѣздили мы разъ съ нимъ, съ гончими, убили двухъ козъ и одного кабана.

Спустя недѣлю рѣшили устроить охоту, и взять роту пѣхоты, барабанщиковъ и сдѣлать гай. Вышли очень рано. Мѣстность и лѣсъ были мнѣ хорошо знакомы. Поэтому я быстро сообразилъ, гдѣ кто долженъ стоять, пѣхота должна была оставаться для гая, а лѣсъ поѣхалъ указывать мой вѣстовой, а самъ я разсаживалъ „засадчиковъ“ — стрѣлковъ.

Только что сѣли, глядь, на Легоріева бѣгутъ два оленя. Онъ выстрѣлилъ, одинъ олень повалился, другой — промчался мимо. Легоріевъ очень довольный своимъ выстрѣломъ и добычей, садится на оленя, но не прошло минуты, какъ олень вскакиваетъ, Легоріевъ, не ожидавшій ничего подобнаго падаетъ, но не потерялся, и въ отчаяніи, на угадъ дѣлаетъ два выстрѣла. По всей вѣроятности онъ промахнулся, олень полнымъ ходомъ направляется на засадчиковъ. Поднялся шумъ, крикъ. Олень шелъ круто, не обращая ни на что вниманія. Началась перестрѣлка. Богъ насъ видно хранилъ, такъ какъ никто не былъ не только убитъ, но даже раненъ, что при подобныхъ случаяхъ случается очень часто. Въ общемъ намъ повезло. Одинъ солдатъ убилъ оленя, а казакъ застрѣлилъ лань, урядникъ же Тишинъ убилъ громаднаго дикаго кабана. Но все же боясь несчастнаго случая, я велѣлъ прекратить охоту и далъ себѣ обѣщаніе никогда не брать солдатъ, а только казаковъ.

Подполковникъ А. Легоріевъ не разъ участвовавшій въ охотахъ, согласился со мною.

Исторія, случившаяся 29-го декабря, дала поводъ мнѣ вспомнить рядъ охотничьихъ приключеній, случавшихся раньше со мною, когда я еще былъ въ небольшихъ чинахъ.

29-го декабря я, жена и сынишка отправились въ нашъ табунъ смотрѣть лошадей. Около станицы Пшехской были хорошія поляны, на которыхъ постоянно пасся табунъ моихъ лошадей. Послужило причиной нашей поѣздки и то обстоятельство, что часто пріѣзжалъ табунщикъ и рассказывалъ, что около табуна встрѣчается много оленей, нѣкоторые забѣгаютъ даже и въ табунъ. У меня между прочимъ была надежда увидѣть оленей и я захватилъ ружье — а также пирожки, жаркое въ подарокъ табунщикамъ, бутылку молока и фунтъ масла; вина табунщики не пьютъ. Табунщики очень благодарили за подарки и приглашали попробовать, варимый ими, калмыцкій чай. Я поблагодарилъ.

Въ сопровожденіи одного табунщика, у насъ ихъ было 4, три дневныхъ, а одинъ ночной, поѣхали осматривать табунъ. Приказчикъ уѣхалъ еще раньше смотрѣть барановъ и скотину, (отдѣльный табунъ, въ верстахъ 10 отъ лошадей).

Только что мы отѣхали саженой, самое большее 100, намъ на встрѣчу цѣлое стадо оленей. Сынишка, сидѣвшій въ саняхъ, не разобралъ въ чемъ дѣло, закричалъ, смотрите, быки, быки! Я взглянулъ налѣво, и дѣйствительно показалось цѣлое стадо оленей, приблизительно штукъ 30-ть.

Какое чувство, какія желанія, волновали меня.

Я былъ внѣ себя. Приказалъ кучеру остановиться.

Олени приближаются. Впереди громадный вожакъ, красивый, стройный, съ громадными вѣтвистыми рогами, и прямо на насъ. Красивое, чудное зрѣлище! Я смотрѣлъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Въ волненіи сбрасываю тяжелую енотовую шубу, хватаю ружье, взвожу курки и начинаю цѣлиться. Жена, видя направленіе ствола въ передняго оленя, въ волненіи, оно передалось и ей, кричитъ, „въ кучу, въ кучу“! Я раздумываю, куда бы мнѣ цѣлиться. Нацѣлился въ лопатку.

Бахъ! грянулъ выстрѣлъ, олень высоко подпрыгнулъ и... быстро побѣжалъ, а за нимъ и остальное стадо.

Выскакиваю изъ саней, ружье передалъ женѣ, бѣгу къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ олень. Прошелъ пять, шесть шаговъ, вижу кровь. Зову табунщика.

— Ну, смотри, если ты найдешь оленя, подарю тебѣ кобылицу.

Табунщикъ побѣжалъ по слѣду, ведшему прямо чрезъ табунъ, пробѣжалъ, но оленей давно уже и слѣдъ простылъ, и онъ съ пустыми руками пришелъ ко мнѣ.

Я былъ совершенно обезкураженъ такой неудачей. Поѣхалъ въ балаганъ, сказалъ другому табунщику, чтобы они вдвоемъ, непременно разыскали раненаго оленя.

Сами поѣхали домой, въ станицу.

Дѣти дома спрашивали и брата и мать, я же прошелъ прямо въ кабинетъ, такъ было досадно. Сынишка не утерпѣлъ и еще сидя на саняхъ началъ рассказывать, размахивая руками.

Я былъ очень опечаленъ, зашелъ въ свой кабинетъ, снялъ шубу енотовую и лисью, а ружье велѣлъ поставить въ холодное мѣсто. Попробовалъ умыться, а затѣмъ молиться, думая найти успокоеніе, ничего не помогало. Обѣдать я не хотѣлъ, да и не могъ: все думалъ объ оленяхъ. Вышелъ на дворъ, позвалъ кучера и сталъ его спрашивать.

— Скажи, сколько, по твоему соображенію было оленей!—Пожалуй больше 30 штукъ! Затѣмъ начали говорить о томъ оленѣ, въ котораго я стрѣлялъ.

— Да, Вы его ранили, вѣдь онъ и прыгнулъ высоко, „безпремѣнно табунщики его найдутъ“.—Это меня успокоило, но ненадолго, только до вечерняго чая. Къ чаю вернулся человѣкъ и доложилъ, что табунщики оленя не нашли, такъ какъ табунъ испортилъ всѣ слѣды. Я велѣлъ табунщику ночевать здѣсь, дома, чтобы завтра же ѣхать съ нимъ снова.

Моя старшая дочь, видя меня очень взволнованнымъ, стала спрашивать меня, что случилось.

— Вы сильно взволнованы, не обѣдали, пойдемте лучше пить чай.

Словомъ успокаивала, какъ умѣла.

Я выпилъ стаканъ чаю, съѣлъ кусочекъ ветчины, а отъ жаркого отказался. Это навело меня на другія мысли.

Послѣ пришелъ ко мнѣ сынишка, бывшій съ нами въ табунѣ, и сталъ мнѣ рассказывать про оленей.

— А, знаешь, папа, у тѣхъ оленей рога лучше, чѣмъ у тебя въ кабинетѣ! Когда они бѣжали далеко, далеко, я ихъ видѣлъ. А потомъ они совсѣмъ близко

подбѣжали, были около нашихъ саней. Ты, папа, велѣлъ кучеру остановиться и олени остановились. Если бы ты убилъ оленя, то мы его привезли домой, помнишь, какъ медвѣдя, въ прошломъ году, связаннаго. И теперь я слышу, какъ бѣдный медвѣдь ревѣлъ и стоналъ. Да!

Разговоръ сына меня успокоилъ, но не совсѣмъ. Всю ночь я провелъ безпокойно и тревожно, все время думая объ оленѣ. Утромъ я сталъ осматривать свое ружье и къ моему большому удивленію оказалось, что выстрѣлъ сдѣланъ только изъ одного ствола. Разрядилъ ружье, оказалось, что же; оно было заряжено дробью, а не картечью.

— Ну, теперь все стало понятно.

Тутъ же вспомнилъ я о точно такомъ же случаѣ, бывшемъ со мною на родинѣ, въ станицѣ Павлодальской, въ дни моей молодости.

Разъ ходилъ я съ гончими на лисицу, такъ мнѣ думалось. Лисица, сдѣлавши нѣсколько замысловатыхъ круговъ,—вести въ заблужденіе собакъ, побѣжала по направленію къ станицѣ Осетинской. (Здѣсь были выселены осетины изъ горъ на плоскость,—откуда и сама станица получила это названіе). Собаки были далеко, я же спѣшно пробирался чрезъ небольшой, но густой лѣсокъ. Тутъ на небольшой полянѣ паслась лань. Вдали лаяли собаки, поэтому лань, хоть и щипала траву, но весь ея слухъ и вниманіе были обращены въ сторону собакъ. Меня она не замѣтила. Моментально ружье съ плечъ, взвожу курки, хотя отлично сознаю, что ружье заряжено только дробью, переменить на пули невозможно, пропустишь драгоцѣнное время, и лань прости, прощай; выйдетъ ни чуть не лучше, какъ мужикъ и заяцъ въ сказкѣ.—Дѣлаю выстрѣлъ, прямо въ пахъ, съ правой стороны. Выстрѣлъ былъ удаченъ, лань свалилась, подбѣгаю, выхватываю ножъ, еще ударъ—и дѣло кончено, лань моя.

Все же, хотя мѣстность и была знакома, но первое время, никакъ не могъ ориентироваться, гдѣ я. Зарядивъ на всякій случай ружье, взлѣзъ на дерево—грушу. Нарѣзавъ вѣтокъ, я привязалъ ихъ къ дереву, чтобы не потерять лань, хорошо что не долго искать, сейчасъ же оказалась, шагахъ въ 10-ти, дорога. Я вышелъ на дорогу и сталъ трубить въ рожокъ, собирать собакъ. На мое счастье ѣхалъ мой же одностаничникъ. Я обратился къ нему за помощью, перевезти лань. Телѣга не могла проѣхать, было очень узко, и вотъ мы насилу—насилу—волокомъ, донесли лань.—Вотъ съ этой исторіей и до исторіи съ оленями прошло уже 30 лѣтъ. Чего же кажется, и умнѣ сталъ и опытнѣе; какъ же объяснить! Понятно, я растерялся, когда увидѣлъ стадо оленей, да еще бѣгущихъ, прямо на насъ.....

Не безынтересны, между прочимъ, охоты на волка.

Былъ я посланъ отцомъ въ самомъ юномъ возрастѣ на хуторъ, въ 35 верстахъ отъ ст. Павлодальской. Хуторъ, нынѣ станица Терская, на рѣкѣ Курѣ. У насъ на хуторѣ были крѣпостные крестьяне, считались они дворовыми, а земля на нихъ была въ Харьковской губ., Полчанскаго уѣзда. Жили они на хуторѣ, вмѣстѣ съ казаками, занимались хозяйствомъ, между прочимъ заготавливали и намъ всякой птицы и всего, чего надо къ праздникамъ. Я, собственно, пріѣхалъ забрать око-рока, гусей, утокъ, словомъ все необходимое къ святкамъ.

Тутъ мнѣ и рассказали, что близъ хутора волки, на дняхъ до моего пріѣзда

разорвали у казака корову. Вотъ я и рѣшилъ устроить облаву на волка. Съ вечера приказалъ поймать поросенка, завязать его въ мѣшокъ, а одному ногойцу-охотнику быть готовымъ, жившему на хуторѣ и присматривавшему за собаками. У него были одностволка (онъ купилъ ее за 1 р. 50 к., кремневое), а другое хорошее, подаренное моимъ отцомъ. Меня долго отговаривалъ, особенно одинъ дѣдъ:

„Панычъ, не ѣдьте, на охоту, теперь опасно, предъ праздниками волки ходятъ цѣлыми стаями! Когда я бувъ малымъ хлопцемъ, а зъ нашего хутора поѣхалъ одинъ баринъ и зъ двумя охотниками и тоже съ поросенкомъ и съ привязанными косами. Одного охотника и лошадь волки разорвали, баринъ же съ другимъ охотникомъ и кучеромъ остались живы. Не ѣдьте“!

— Это ничего, пусть запрягаютъ сани, говорю я.

Но старикъ подходитъ къ санямъ, говоритъ.

На вотъ—возьмите вмѣсто ружья большой кѣкъ—и кладетъ его намъ въ сани. Только что отѣхали отъ хутора, показались хуторскія собаки.

— Нѣтъ, бачка, это волки, говоритъ ногоецъ.

Сзади нашихъ саней былъ привязанъ пучекъ сѣна, вымазанный въ крови битыхъ кабановъ. Все же мнѣ казалось, что то были собаки. Это будетъ и стыдно и досадно, если убьешь собакъ. Тѣмъ не менѣе я велѣлъ кучеру ѣхать тише, почти шагомъ, и легонько нажимать поросенка въ мѣшкѣ. Волки слѣдили издали. У насъ было условіе, мнѣ стрѣлять съ правой, ногойцу съ лѣвой стороны. Сдѣлали 3 выстрѣла и три волка покатались по снѣгу. Зарядили снова ружья и забрали волковъ, вонь отъ нихъ была невозможная.

Поѣхали дальше, все время трепля поросенка за ухо. Проѣхали больше часу, и ни одного, только лишь завернули за Молоканскій хуторъ, какъ снова показались волки.

Волки были изъ пугливыхъ и близко не подходили, мы тогда поросенка за ухо. Раздался визгъ, это помогло. Подошли ближе. Опять выстрѣлы, одного уложили, а другой, его тоже ранили, убѣжалъ. И 4-го положили въ сани, времени было уже достаточно, пора и домой. Ѣздили часа четыре. Ногоецъ былъ въ восторгѣ, и такъ шумно выражалъ свое удовольствіе и радость, что разбудилъ всѣхъ хуторянъ. Я пошелъ въ комнату, сказавъ между прочимъ, чтобы онъ сѣзидилъ посмотреть пятаго волка, должно быть онъ недалеко убѣжалъ. И, правда, на утро ногоецъ уже снялъ 5 шкуръ.

На другой день охотились и сравнительно удачно, трофеи были 9 зайцевъ, 5 фазановъ, 3 лисицы. Мною убиты 1 лисица, 5 зайцевъ, остальное ногойцемъ и казакомъ Еремѣевымъ. Фазановъ съ собаками не поймалъ, завидѣвъ собаку, они поднимаются, правда, не высоко, на деревья, тутъ ихъ и стрѣлять.

Спустя дня два—три, была устроена еще разъ охота на волковъ. Все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ быть. Также взяли поросенка, только побольше, да голосомъ позвучнѣе, такъ же привязали пучекъ соломы за санями. Только въ сани запрягли хуторскую лошадь. Кучеръ довольно правильно и резонно заявилъ, что де сегодня нашъ коренникъ проѣздитъ, да устанетъ, а завтра нужно ѣхать 35 верстъ!

Отправились. Все честь-честью. И поросенокъ исправно кричалъ, были и въ полѣ, и на Молоканскомъ хуторѣ, а только волковъ, нѣтъ, какъ нѣтъ, да и только! Поѣхали въ степь, къ токамъ, тамъ былъ хлѣбъ собранъ въ скирды. Обѣхали и ихъ съ большимъ затрудненіемъ, лошадь ужъ очень лѣнива, мы и толкали и били, ничего не помогаетъ. Раздосадованные, повернули домой. Проѣзжаемъ мимо стога сѣна, какъ вдругъ оттуда выскочилъ волкъ. Лошадь шарахнулась въ сторону, круто повернула сани. Мы выскочили, выскочилъ и поросенокъ изъ мѣшка. Кучеръ волочился за санями, держа возжу въ рукѣ. Но скоро усталъ и выпустилъ ее. Лошадь, почувствовавъ свободу, съ опрокинутыми санями прибѣжала на хуторъ и произвела тамъ большую тревогу.

Я пробовалъ застрѣлить поросенка, но онъ убѣжалъ.

Отдавъ все наше имущество кучеру мы шли по направленію къ хутору. А тамъ была настоящая тревога. Крѣпостные убѣдили послать казаковъ намъ на помощь. Чтобы было видно, гдѣ хуторъ, на крышахъ двухъ хатъ жгли солому. Первымъ прискакалъ урядникъ Жуковъ, а затѣмъ Еремѣевъ и другіе казаки, всего человѣкъ 16—17. Я сѣлъ на лошадь урядника, попросивъ завтра утромъ посмотрѣть то мѣсто, гдѣ насъ перевернула лошадь, и, если можно, то прослѣдить слѣды поросенка. Сказано, сдѣлано. На другой день урядникъ нашелъ то мѣсто, а такъ же и слѣды, куда побѣжалъ поросенокъ. Къ сожалѣнію, бѣжать ему пришлось не далеко, за $\frac{1}{2}$ версты, можетъ быть немного больше, остались лишь красныя пятна на снѣгу, гдѣ растерзали его волки....

Одними изъ самыхъ удачныхъ (1874 г.) и большихъ бывали охоты въ Кубанской Области, въ мѣстности, подъ названіемъ „Красный лѣсъ“. Представьте себѣ, сплошной лѣсъ тянется около 7 верстъ въ длину, съ небольшими перелѣсками, да пожалуй не меньше 3 верстъ въ ширину, не говоря о подлѣскѣ и обширныхъ полянахъ. Звѣря въ этомъ лѣсу было видимо-невидимо. Кромѣ медвѣдей, здѣсь водились и олени, и лани, и дикіе кабаны, и зайцы, и лисицы, и волки, и козы, и множество птицъ, фазаны, куропатки, а по берегамъ небольшого озера, даже куницы и порѣшны (водяной звѣрь). Будучи уже атаманомъ Тремрюкскаго отдѣла, случилось мнѣ убить въ два дня 37 козъ, 4 оленей, 3 ланей, 5 кабановъ, 2 волковъ, 7 зайцевъ, 1 лисицу, 3 фазановъ и т. д. Изъ всей настрѣлянной дичи я отправилъ 2 воза въ подарокъ Наказному Атаману Кармалину и др. своимъ сослуживцамъ.

Разъ была устроена охота. На эту охоту былъ приглашенъ „заядлый“ охотникъ, отставной полковникъ Малиновскій. Со стороны Краснаго лѣса онъ арендовалъ войсковую землю, не меньше 2000 десятинъ земли. Изъ нихъ половину отдавалъ пришлымъ мужичкамъ за извѣстныя условія, но между прочимъ, они должны участвовать въ охотѣ, какъ гаяльники.

Малиновскій взялъ своихъ мужичковъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались изрядными стрѣлками, да у меня было казаковъ охотниковъ, человѣкъ 15. Специально же для гая пожелали быть пѣвчіе старики, изъ коихъ одинъ былъ дискантъ, урядникъ Голубъ, 70 лѣтъ отъ роду. Это все старые сослуживцы бывшихъ прежнихъ Черноморскихъ батальоновъ. Изъ ст. Ивановской былъ приглашенъ отставной сотникъ Строкачъ, съ нимъ пріѣхало до 20 человѣкъ. Въ общемъ соб-

ралось много народу и вся эта компанія остановилась у лѣсничаго, эсаула Рубашевского.

Для прїѣхавшихъ казаковъ были отведены сарай, баня, а на дворѣ были разведены костры.

Для насъ же, офицеровъ, былъ отведенъ войсковой домъ, въ которомъ помѣщался Рубашевскій.

Къ вечеру прїѣхалъ Малиновскій. Былъ приготовленъ обильный ужинъ; это было удовольствіе для плоти, нашъ же слухъ, услаждали пѣвчіе, старики, пѣвшіе боевыя и запорожскія пѣсни. За ужиномъ былъ предложенъ планъ предстоящей охоты. Малиновскій и Рубашевскій, хорошо знавшіе и изучившіе „Красный лѣсъ“, совѣтывали по какимъ квадратамъ дѣйствовать, такъ какъ лѣсъ былъ разбитъ на квадраты. Утромъ пластунъ, эсаулъ Строкачъ, нашелъ нашъ вчерашній планъ неудачнымъ, такъ какъ перемѣнился вѣтеръ, то перемѣнили и планъ.

Начали размѣщать стрѣлковъ, имъ было строго на строго приказано съ своихъ мѣстъ не сходить, гаяльниковъ же было велѣно идти не быстро, кричать и стучать палками по деревьямъ.

Первый гай былъ очень удачный. Я убилъ оленя, посчастливилось и Малиновскому, онъ тоже застрѣлилъ оленя, пару козъ. Били и казаки. Къ концу охоты было настрѣляно до 20 штукъ козъ, 5 кабановъ, 3 оленя и 2 лани. Вечеромъ пили, ѣли, пѣли. На завтра тоже охотились, но уже не такъ удачно.

Послѣ этой охоты послѣдовало запрещеніе отъ Атамана Области охотиться въ этомъ „Красномъ лѣсѣ“. Охотиться можно, лишь только съ его, Наказнаго Атамана, разрѣшенія, виновный же будетъ подвергнутъ штрафу.

Впослѣдствіи меня не разъ приглашали охотиться, но я уже отказывался, по разстроенному здоровью.

Теперь, плачу за охотничій билетъ, ѣздишь на охоту, раза 3—4, самое большее, если убьешь перепелку, отъ силы двѣ, то это много, и такого охотника можно назвать счастливымъ. Прошли прежнія времена, когда изъ подъ ногъ выпархивали фазаны!

Охоту я любилъ всею душою, она доставляла и отраду и вознагражденія за всѣ непріятности по службѣ. А ихъ бывало не мало. Особенно памятенъ мнѣ служебныя занятія въ бытность мою атаманомъ Уманскаго Отдѣла. Помню и время и число это было 17 или 18 августа 1878 года, мнѣ предстояло отправить эшелоны въ дѣйствующіе полки, въ Кубанскій, Кавказскій, Ейскій и Уманскій. Много было безпокойства и непріятностей.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ оказывается снаряженіе казаковъ, прямо изъ рукъ плохо, приходилось браковать лошадей, взамѣнъ же покупать на сборныхъ пунктахъ: для Кубанскаго полка въ Прочнокопѣ, Кавказскаго, въ станицѣ Кавказской, а Ейскаго и Уманскаго полковъ, въ станицѣ Уманской. Обыкновенно выборы и снаряженіе эшелоновъ сопровождалось жалобами на неправильныя назначенія станичныхъ сходовъ. Эти сходы были уже утверждены уѣздными начальниками, на дѣлѣ же оказывались совершенно неправильными, приходилось писать донесенія Наказному Атаману, словомъ имѣть дѣло съ канцелярской волокитой. Дѣла же иногда по существу своему были до очевидности ясны.

Помню, сына вдовы съ 3-мя дѣтьми сходъ поставилъ первоочереднымъ, тѣхъ же кто побогаче и зажиточнѣе во вторую очередь и ниже. Тутъ всѣ казаки говорили мнѣ про вдову и ея сына, а также рассказывали про богатыхъ, которые скрывались. Вся сила была въ рукахъ уѣздныхъ начальниковъ и приставовъ. Они и глумились надъ военною властью. Тяжело это было для хорошаго солдата и казака, привыкшаго вѣрно и честно служить Трону и Родинѣ. Отправленіе эшелоновъ за Кавказъ всегда сопровождалось подобными непріятностями, поэтому чтобы отдохнуть отъ непріятностей и служебныхъ дразгъ уѣзжалъ я въ поле, гдѣ охотился; тутъ уже меня никто не беспокоилъ, я былъ на лицо съ самою природой. Помню разъ такой случай. Въ станицѣ Покровской, отставной казакъ Калабушкинъ хотѣлъ меня замаслить и предлагалъ 200 р., чтобы я сдѣлалъ послабленіе его сыну и т. д.

Такъ и теперь 17—18 августа отправился я на охоту, пригласивъ на нее гг. офицеровъ, а также и частныхъ лицъ, между прочимъ судебного слѣдователя Черносвитова и одного помѣщика Кавалинскаго. Рѣшили мы охотиться въ балкѣ, по прозванію „Вирвихвистъ“. Меня очень интересовало названіе этой балки.

Это интересное названіе балки узналъ я отъ старшаго адъютанта Уманскаго отдѣла, нынѣ покойнаго Якова Филипповича Гупало.

Разспрашивая старыхъ казаковъ, Яковъ Филипповичъ услышалъ слѣдующій интересный рассказъ:

„Одинъ піпъ ѣздивъ собирать новину по хуторамъ, набралъ много мѣшковъ и загрузъ въ этой балкѣ, (въ которой мы собираемся охотиться). Отпрягъ коняку, завязалъ возжами хвостъ у коняки до оглобли и погонялъ коня, пока не оторвалъ совсѣмъ хвостъ. А затѣмъ уже началъ переносить по одному мѣшку. Тутъ подѣхалъ казакъ, и съ нимъ выгрузили возъ. Хвостъ же былъ вырванъ, и вотъ съ тѣхъ поръ стали звать эту балку „Вирвихвистъ“.

Сюда то, въ эту балку, „Вирвихвистъ“, стали собираться участники охоты. Мѣсто сбора было всѣмъ извѣстно, а потому никто не могъ заблудиться и опоздать.

На мѣстѣ сбора поставили 3 или 4 палатки, поставили посрединѣ большой, въ ведра 4, мѣдный котелъ, спеціально для борща, этотъ котелъ еще до сихъ поръ хранится у меня, длинный шестъ съ блокомъ, для поднятія флага, большой самоваръ, котелокъ для варки калмыцкаго чая, корова, вино, водка, всякія домашнія закуски и заготовленія. Словомъ, если бы мы и ничего не убили, то того, что было съ нами, было бы вполне достаточно, чтобы не проскучать, а весело и съ удовольствіемъ провести время.

Къ вечеру 1-го же дня на шестъ развѣвался флагъ, знакъ чтобы всѣ собирались къ вечернему чаю.

Пили чай, закусывали, бесѣдовали и говорили о завтрашнемъ днѣ, между прочимъ я заявилъ гг. офицерамъ, чтобы они называли меня, по просту, Стефаномъ Александровичемъ, а не „Вашемъ Превосходительствомъ“ подъ условіемъ большаго штрафа, кто провинится, тотъ не имѣетъ права пить водки, или за обѣдомъ, или за ужиномъ.

Охотились, преимущественно, на птицу и на зайцевъ.

Утромъ разошлись, флагъ опустили. Къ русскому и калмыцкому чаю флагъ подняли. Собрались. Стали разсматривать и вынимать изъ сумокъ добычу. Выпивъ чаю, каждый поскорѣе торопился уйти. Къ вечеру снова подняли флагъ, къ борщу. Снова публика собралась, отдавая свои трофеи кошевару. Вечеромъ начался разговоръ о завтрашнемъ днѣ, гдѣ стрѣлять, и въ какой сторонѣ.

Въ сказанной балкѣ „Вирвихвистъ“ росъ густой камышъ, сюда обыкновенно улетали всѣ куропатки, слышавъ выстрѣлы. На третій день рѣшено было пойти и посмотрѣть эти камыши. Правда кое-гдѣ была вода, но что это значитъ для хорошаго охотника, сущіе пустяки! Здѣсь стрѣляли и по бѣгущимъ куропаткамъ, стрѣляли въ нихъ и въ летъ. Охота въ этотъ день была удачной, убито было болѣе ста куропатокъ.

Къ вечеру, возвращаясь на сборный пунктъ, я рѣшилъ съѣздить въ артиллерійское депо, къ ротмистру Морозову, гдѣ стоялъ табунъ лошадей. Хозяйство же поручилъ сыну Константину и попросилъ его, чтобы оставить намъ ужинъ. Гг. же офицеровъ просилъ меня не ждать, а ужинать безъ меня. Со мною поѣхалъ также войсковой старшина Захаровъ. Вернулся я изъ депо уже довольно поздно, да къ тому же дулъ довольно прохладный вѣтерокъ, а потому я рѣшилъ ужинать въ палаткѣ.

Сѣли мы на разосланную бурку, выпили по рюмкѣ водки, какъ къ намъ входитъ Колесниковъ.

— Вамъ скучно ужинать вдвоемъ, офицеры просятъ Ваше Превосходительство позволить имъ войти, составить компанію и попѣть пѣсни.

Вошло больше 10 человѣкъ, всѣ кое-какъ размѣстились около насъ. Я приказалъ подать водки и вина, чтобы было еще веселѣе. Я и Захаровъ выпили по 3-й рюмкѣ, офицеры и себѣ просятъ, тоже по третьей. Такъ и быть. Начались разговоры, преимущественно объ охотѣ. Говорилъ больше всѣхъ, и занимательнѣе всѣхъ, дѣлопроизводитель Кавказскаго полка, Чишуевскій.

— Да, говорилъ онъ, помню я, когда былъ управляющимъ у одного помѣщика. Служилъ я у него на хуторѣ, была тамъ водяная мельница. У плотины было утокъ, видимо невидимо. Разъ пріѣхалъ помѣщикъ, я и угостилъ его утками... Все какъ слѣдуетъ быть, только спрашиваетъ онъ, почему же утки такія худыя!

— А это оттого, что онѣ бѣгаютъ и ловятъ вьюновъ.

Повелъ я помѣщика къ пруду и говорю: ну, смотрите, какъ онѣ гоняются. Утки гоняются за вьюнами по всѣмъ направленіямъ. Только что хочетъ утка проглотить вьюна, онъ подставляетъ уткѣ голову, та проглотитъ его, а онъ сейчасъ же выскочитъ снова чрезъ задній проходъ, и утка снова гонится за нимъ!

Смѣхъ да и только. Колесниковъ, сидѣвшій тутъ же рядомъ и говоритъ: Да, да, это утки, правда, онѣ худыя, а вотъ поймать селезня и посмотрѣть, тотъ навѣрное жирный! Общій хохотъ былъ ему отвѣтомъ. Разсказывалъ также Чишуевскій, какъ въ деревнѣ ловятъ волковъ. Очень остроумно, и въ тоже время просто.

Выкапываютъ глубокую яму, къ верху уже, чтобы волкъ не могъ вылѣзть. Закладывается яма мелкимъ хворостомъ. Сверху на „дрючкѣ“, наклонно надъ ямой виситъ или гусь, или поросенокъ. Чтобы схватить, волкъ долженъ прыг-

нута, прыгая попадаетъ въ яму. Устраивали крестьяне эти ямы не далеко отъ помѣщичьяго хутора. Разъ говорятъ мнѣ крестьяне, что въ ямы попало два волка. Я поѣхалъ туда, но уже до меня, отставной солдатъ, убилъ ихъ изъ ружья. Я прошу другой разъ не убивать, а убью я самъ, да кромѣ того, я хотѣлъ набить чучело изъ волка. Скоро попался еще одинъ. Зовутъ меня. Я пріѣхалъ, но только вмѣстѣ съ волкомъ въ ямѣ очутилась и баба. Какъ она туда попала, Богъ, или чертъ ее знаетъ. Ну, знаете ли, не удобно волка убивать, пожалуй, вмѣсто волка, бабу и застрѣлишь! Рѣшили иначе. Бросили ей веревку. Ты, баба, возьми веревку, да крѣпче, мы тебя и вытянемъ. Не тутъ то было. Баба кричитъ, что волкъ схватилъ ее зубами за юбку. Мы боялись, чтобы вмѣстѣ съ бабой не вытянуть и волка, тогда его и лови. Вотъ и говоримъ бабѣ: ты приготовь юбку и рубашку и разстегни, мы тебя вытянемъ. Баба такъ сдѣлала, и вытащили ее голою. Затѣмъ ужъ я застрѣлилъ волка.

Хорунжій Фисно разсказалъ о двухъ старыхъ казакахъ, объ есаулѣ Волкорѣзѣ и сотникѣ Волкодавѣ.

Вотъ они поспорили между собою.

— Такъ какъ мы повечеряли и начали они спорить. Цѣ яже лучше тоби стрѣляю! Волкорѣзъ спорилъ, та ты-жъ брешешь, я лучше! А ну, а ну! Побачимъ, какъ ты стрѣляешь!

— Я на сто шаговъ зобью съ твоей головы шапку.

Фисно картинно насовываетъ шапку, отмѣриваетъ шаги 10, 20, 30, 40, 70, 90, 100, готово!

А ну, ну, побачимъ, какъ ты зобьешь шапку!

Волкодавъ прицѣлился. Раздался выстрѣлъ. Волкорѣзъ упалъ.

Волкодавъ подходитъ ближе, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, покачалъ головою, засвисталъ меланхолично — „трошки понызивъ“!

Разсказъ всѣмъ понравился, понравился и мнѣ и я велѣлъ сыну Константину дать еще полдюжины вина и 2 бутылки водки.

Два раза на такихъ охотахъ бывалъ комиссаръ есаулъ Гуковъ. Онъ собственно участія въ охотѣ не принималъ, былъ онъ чрезвычайно толстъ, а только лишь бывалъ въ компаніи и исполнялъ обязанности кошевара. Гастрономъ онъ былъ чудесный и мы всегда полагались на его вкусъ. Онъ уже умеръ. Славный былъ человѣкъ! Царство небесное тебѣ, Николай Трифоновичъ!

„Вы теперь близко увидите, какъ живетъ и умираетъ кавказскій воинъ, съ какимъ смиреннымъ самоотверженіемъ совершаетъ онъ свой подвигъ и сколько неизвѣстныхъ героевъ молча легли для защиты знамени и долга“.

Гр. Соллогубъ.

ГЛАВА IV.

Ф. А. Круковскій.

Изъ ратныхъ моихъ товарищей особенно мнѣ помнится Круковскій. Въ это время онъ былъ назначенъ командиромъ Горскаго полка, будучи въ чинѣ майора. Штабъ-квартира полка былъ Екатериноградъ; въ царствованіе Екатерины Второй, чуть не столица Кавказа, а въ настоящее время одна изъ захудалыхъ станицъ Терской области. Здѣсь же Круковскій и похороненъ. По производствѣ своемъ въ полковники онъ былъ назначенъ командиромъ драгунскаго Нижегородскаго полка, полкъ прежде стоялъ въ „Царскихъ Колодцахъ“, полгода спустя полкъ былъ переведенъ въ Чиръ-Юртъ. По производствѣ въ генералы Круковскій былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ Кавказскаго Линейнаго войска. Въ 1857 году Круковскій былъ убитъ горцами при взятіи аула Шали. Это былъ удивительный человѣкъ по своей правдивости, истинности, неподкупности и вѣрности долгу службы.

Нѣсколько событій изъ жизни Круковского, характеризуютъ его, какъ человека.

Феликсъ Антоновичъ, какъ наказный атаманъ, жилъ въ гор. Ставрополѣ. Нужно замѣтить, что онъ любилъ курить трубку и курилъ всегда изъ чубука. Разъ находясь въ благодушномъ настроеніи онъ принялъ ставропольскаго купца, по фамиліи Стасенко. Стасенко, представляясь ему, рекомендовался, какъ замѣститель богатаго Петербургскаго откупщика; предложилъ ему 15000 рублей. Феликсъ Антоновичъ первыя минуты былъ пораженъ, а затѣмъ, разсердившись, сталъ бить своимъ же чубукомъ купца. Тотъ едва ушелъ отъ разсерженнаго генерала. Исторія съ купцомъ скоро стала всюду извѣстна въ городѣ, а также всѣмъ полкамъ, батареямъ, ротамъ.

Послѣ этого событія „откупъ“ уже не баловалъ батарейныхъ командировъ подарками и всѣхъ, кого прежде считалось необходимымъ замаслить. Поэтому къ Завадовскому, главному начальнику войска, летѣли отовсюду жалобы на откупъ: откупа никуда не годны, водка не водка, а просто вода. Завадовскій оставлялъ всѣ рапорты и заявленія у себя, не давая имъ никакого ходу.

Бригадные командиры опять пишутъ, а на ихъ донесенія ноль вниманія. Только лишь когда пришла дислокація отъ Главнокомандующаго арміей о весеннихъ дѣйствіяхъ на правомъ крылѣ, Завадовскій пригласилъ для совѣщанія всѣхъ

начальниковъ въ Ставрополь. Между ними были и знаменитые бригадные командиры, недовольные „откупами“. При прощальномъ визитѣ командиры спросили о своихъ рапортахъ, и на это Заводовскій отвѣтилъ:

— Се братики не помню, що не було отвѣта на ваши рапортицы!

— Почему? — спрашиваютъ удивленные командиры, вѣдь откупа не водку продають, а воду.

— Я се чулъ и горилки не пью, бо вона сквірна, и вы, добродію, нэ пийте, нэхай вона ему скиснетъ!

Возвращаюсь къ Круковскому. Онъ былъ начальникомъ отряда при взятіи аула Шали.

Вначалѣ все пошло хорошо, уже было занято нѣсколько сакель, уже кое-какія подождгли, вдругъ въ этотъ моментъ былъ убитъ Круковскій. Замѣшательство было полное. Былъ поданъ сигналъ отступить. Свита смѣшалась, тѣло Круковского досталось горцамъ, но его бросился выручать урядникъ, казакъ ст. Екатериноградской, Толчанинъ. Онъ соскочилъ съ своего коня, хотѣлъ взять убитаго начальника, но тутъ же самъ былъ убитъ.

Лишь только спустя уже часъ, намъ удалось отбить тѣло Круковского.

Такъ погибъ одинъ изъ славныхъ героевъ Кавказской войны Феликсъ Антоновичъ Круковскій.

Тѣло его было перевезено въ станицу Екатериноградъ, гдѣ находилась штабъ-квартира полка.

Были устроены пышные похороны, сообразно съ должностью покойнаго. Участвовали также и войска, бывшія въ Шалинскомъ дѣлѣ. Они пришли отдать послѣднюю честь, убитому, такъ безвременно, герою.

Тутъ же среди насъ пронесся слухъ, что убитый самъ нарочно искалъ смерти, и хотѣлъ, чтобы его убили...

Я уже служилъ въ Кубанскомъ войскѣ, командовалъ 24 полкомъ. Штабъ-квартира полка была въ станицѣ Пшихской, тамъ же былъ и мѣстный интендантскій военный лазаретъ; врачомъ при немъ былъ Рожичко.

Какъ то случайно упомянули про покойнаго Феликса Антоновича, между прочимъ, я сказалъ, что онъ все время искалъ своей смерти, и нашелъ ее въ Шалинской долині.

— А, вѣдь Вы, Стефанъ Александровичъ, совершенно правы. Круковскій вѣрно искалъ смерти, сказалъ докторъ.

Это насъ всѣхъ очень заинтриговало и заинтересовало, стали просить доктора рассказать, что онъ знаетъ.

Докторъ сначала отговаривался и отнѣкивался, а затѣмъ рассказалъ преинтересную исторію.

— Круковскихъ, я, ихъ хорошо знаю, ихъ было два брата и мы служили вмѣстѣ съ ними въ полку, онъ стоялъ гдѣ-то въ Польшѣ, кажется въ Виленской губерніи.

Штабъ-квартира полка была медвѣжья берлога, а потому всѣ офицеры искали развлеченій на сторонѣ.

Тутъ не далеко, отъ нашей штабъ-квартиры, жилъ помѣщикъ Свентховскій съ своею дочерью.

Барышня Свентховская была очень хорошенькая, даже болѣе, чѣмъ не дурна собою.

Не прошло и недѣли, какъ всѣ офицеры нашего полка познакомились съ семействомъ помѣщика, и всѣ на перебой ухаживали за хорошенькой полькой.

Она благосклонно принимала всѣ ухаживанія, но видно было, что дѣлала предъ всѣми предпочтеніе братьямъ Круковскимъ. Еще бы. Галантные кавалеры, выдавшіе другихъ людей, бывшіе въ другомъ обществѣ, они выдѣлялись предъ другими офицерами, и нѣтъ ничего удивительнаго, что лъстивыми и изящно изысканными, сладкими рѣчами завоевали маленькое сердечко миловидной польки.

Только вотъ одинъ изъ Круковскихъ, какъ то случайно, переговорилъ съ самой барышней, кому она изъ нихъ отдаетъ предпочтеніе.

Не знаю, была ли барышня дипломатка, или нѣтъ, но она только довольно политично отвѣчала:

— Да, вы оба мнѣ нравитесь, вѣдь вы же родственники и я никому изъ васъ, не могу отдать предпочтенія! Вы оба любезны, и ни у васъ, ни у вашего брата я не могу отнять достоинства!

Узнавъ объ этомъ, оба Круковскіе дали себѣ обѣщаніе, кто-нибудь изъ нихъ долженъ умереть, а счастливецъ получить руку и сердце хорошенькой Свентховской.

Разъ поѣхали они въ лѣсъ, съ ними былъ офицеръ, ихъ хорошій пріятель.

Только вдругъ раздается выстрѣлъ, одинъ изъ Круковскихъ бездыханнымъ трупомъ свалился на землю. Феликсъ Антоновичъ, увидѣвъ ужасную смерть брата, выхватываетъ пистолетъ изъ кобура, хочетъ застрѣлиться; вдругъ осѣчка, еще разъ выстрѣлъ, опять осѣчка.

Что же такое?

Оказалось, что въ пистолетѣ не было ни одной пули.

Покойный еще раньше обрекъ себя на смерть, еще раньше зарядилъ себѣ пистолетъ, пистолетъ же брата приказалъ разрядить.

Это обстоятельство сильно подѣйствовало на Феликса Антоновича.

Онъ сталъ рѣже и рѣже бывать у Свентховскихъ, оттягивать подъ всякими предлогами свою предполагаемую свадьбу.

Наконецъ онъ сказалъ, что женится только тогда, когда будетъ генераломъ.

Онъ думалъ, онъ предполагалъ, что до генерала никогда не дотянетъ.

Судьба рѣшила иначе.

Круковскій получилъ генерала, онъ долженъ былъ исполнить свое обѣщаніе...

Свентховская барышня пишетъ ему, чтобы онъ пріѣхалъ повидаться и т. д.

Круковскій же былъ человѣкъ долга, и служба прежде всего. Въ письмѣ пишетъ, не имѣетъ времени и не можетъ явиться, такъ какъ долженъ участвовать въ походѣ.

Послѣ его смерти, его духовная и это письмо его адъютантомъ было передано этой барышнѣ — дочери помѣщика Свентховскаго. По немъ она носила трауръ въ теченіе 3 лѣтъ. Душеприказчикомъ покойнаго былъ Есаулъ Коломышцевъ, бывшій адъютантомъ Круковскаго.

По этому завѣщанію Круковскій опредѣлилъ свой экипажъ, пролетку и пару лошадей, своей крестной дочери, калмычкѣ, княгинѣ Зайсанъ, бывшей замужемъ за полковникомъ Есауловымъ.

Эта княгиня получила очень хорошее образованіе и воспитаніе. Она хорошо играла на роялѣ и чудно пѣла. Я не разъ слушалъ ея музыку и пѣніе, былъ очарованъ, но стоило ей повернуться, очарованіе сразу пропадало, передъ вами настоящая калмычка, съ продолговатымъ лицомъ, косыми, въ видѣ щелокъ, глазами. Словомъ, настоящій монгольскій типъ.

Память о Круковскомъ сохранилась и въ пѣсняхъ. Въ одной изъ нихъ передается, будто бы онъ предчувствовалъ свою смерть въ Шалинской долинѣ.

Генералъ-маіоръ Круковской
Былъ Наказный атаманъ;
Отъѣзжая онъ изъ войска
Оставилъ память вѣчну намъ.

* * *

Отъѣзжая онъ, въ отрядъ Чеченскій,
Все имѣнье раздарилъ;
И что сказалъ, то все сбылося,
Будто Богъ съ нимъ говорилъ!

* * *

Послѣдній день ужъ миновался,
Не быть мнѣ съ вами, милые друзья,
Только вечеръ одинъ лишь остался,
Завтра съ свѣтомъ ѣду я!

* * *

Ѣду, ѣду, это вѣрно,
Оставляю край родной,
Завтра къ свѣту непременно,
Прощусь, ангелъ мой, съ тобой!

* * *

Прощусь съ чистыми полями,
Прощусь, родина, съ тобой,
Съ развеселыми друзьями
И, Кавказъ, съ тобой!

* * *

Генераль-лейтенантъ Ф. А. Круковскій.

Убьютъ меня и забудутъ,
Потомъ вспомнать обо мнѣ!
Вспомнать—вспомнать и потужать,
Что лишился жизни я въ Чечнѣ!

* * *

Придите, братцы, на могилу
Помолитесь обо мнѣ!
Три поклона положите,
Воздайте память вѣчну мнѣ!

* * *

Еще немного о Круковскомъ. Онъ былъ очень настойчивъ.

Въ бытность его командиромъ Горскаго полка, онъ обратился къ моему отцу, покупать ли ему, или нѣтъ, бѣлую лошадь у Агишева. Мой отецъ отсовѣтывалъ, такъ какъ лошадь была упрямая и съ норовомъ, хотя по остальнымъ статьямъ хотъ куда. Тѣмъ не менѣе Круковскій купилъ ее, заплативъ за нее 85 руб., по тогдашнему времени деньги очень большія.

Каждый день онъ ѣздилъ на ней. Только разъ, возвращаясь изъ карантина, въ ст. Екатериноградской, поѣхалъ глухими улицами. Въ одномъ мѣстѣ лошадь остановилась, и дальше ни съ мѣста, ни направо, ни налево.

Круковскій отослалъ своего ординарца, урядника. Тотъ, заѣхавъ за уголъ, долго слѣдилъ за своимъ командиромъ, что будетъ. Среди улицы простоялъ Круковскій болѣе часу. Затѣмъ лошадь хочетъ идти дальше, Круковскій не пускаетъ, но все же минутъ черезъ 5 ѣдетъ дальше, поворачиваетъ лошадь, та сдѣлала шаговъ 20 и опять старая исторія. Лошадь не съ мѣста. Круковскій ждетъ. Лошадь дергается, хочетъ идти дальше, Круковской опять не пускаетъ. Этимъ онъ отучилъ лошадь отъ дурныхъ привычекъ. Спустя немного времени, вернулся отецъ, которому Круковскій рассказалъ, какъ онъ отучилъ лошадь отъ норова, только лишь, благодаря своему терпѣнію.

Теперь ужъ, закончилъ свои слова Круковскій, она больше никогда не остановится.

Урокъ, данный Круковскимъ своей лошади, далъ и мнѣ случай повторить его на практикѣ.

У меня было двѣ тройки. Одна сѣрая, собственнаго завода, а другая—вороная. Въ этой вороной тройкѣ—коренникъ, былъ очень упрямъ и, пожалуй, такой же, какъ и бѣлый конь Круковского.

Коренникъ имѣлъ привычку останавливаться, гдѣ ему хотѣлось и ѣхалъ не туда, куда было нужно.

Разъ случилось такъ, что запрягли тарантасъ, я сѣлъ, а коренникъ везти не хочетъ. Я слѣзъ, приказалъ отпречь пристяжныхъ, оставить одного только коренника. Сказано—сдѣлано. Стоитъ тарантасъ, на козлахъ сидитъ кучеръ и

стоитъ коренникъ. Кучеръ не долженъ былъ шевелить возжами. Просидѣлъ онъ два часа, у него пошла кровь изъ носа, было очень жарко.

Кучеръ перемѣнился, въ этотъ моментъ тронулся мой коренникъ, но я закричалъ, не пускай, удержи и поверни. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа опять тронулся! Я приказалъ не пускать.

Такъ, въ такомъ состояніи, простоялъ онъ до 6 час. вечера, и всѣ плохія наклонности, какъ вѣтромъ снесло. Всякій норовъ пропалъ и получилась прекрасная лошадь!

ГЛАВА V.

Турецкая Кампанія.

(Князь Бебутовъ).

Своими охотничьими разсказами я очень увлекся. Зашелъ очень далеко впередъ, почти что хватилъ болѣе 20 лѣтъ, пора вернуться къ прежнимъ воспоминаніямъ, въ послѣдовательности протекавшихъ событій. Останавливаюсь на 1853 году.

Въ этомъ году было назначено сформированіе полка и отправка его въ Азіатскую Турцію.

Полкъ былъ сформированъ изъ слѣдующихъ частей: сотни Горскаго полка, полсотни Моздокскаго и Гребенскаго полка, сотни Кубанскаго, Хоперскаго, Ставропольскаго и Кубанскаго полковъ. Командиромъ этого полка, былъ назначенъ полковникъ Евсѣевъ, командиромъ Горской сотни — старшина Агишевъ, субалтернъ-офицерами были: я, князь Аргутинскій и хорунжій Макуха. Составъ полка состоялъ изъ дивизіоновъ, первымъ дивизіономъ была сотня Кубанскаго и Кавказскаго полковъ, 2-мъ дивизіономъ — сотни Ставропольскаго и Хоперскаго полковъ, 3-мъ — сотня Горскаго полка и полусотни Моздокскаго и Гребенскаго полковъ.

Сформированъ этотъ полкъ былъ въ станицѣ Екатериноградской и, въ виду особой спѣшности, въ 5-ти дневный срокъ. На 6-й день уже выступили по назначенному маршруту, прямо въ Тифлисъ. Изъ Тифлиса мы должны были идти на Ахалкалаки, но уже на 5-ой станціи направленіе маршрута было измѣнено; мы должны были идти только до города Александрополя, черезъ духоборческія и армянскія селенія. Дорогою армяне насъ очень просили защитить ихъ отъ нападенія башибузуковъ и пограничныхъ курдовъ. Евсѣевъ, командиръ полка, отдѣлилъ нашъ дивизіонъ, отдѣльно отъ остальныхъ, на одинъ переходъ.

И, дѣйствительно, въ одномъ селеніи мы застали 7 башибузуковъ, изъ нихъ 3 убили, когда они безцеремонно хозяйничали, 4 взяли въ плѣнъ, и снова соединились къ полку на 3-мъ переходѣ къ городу Александрополю.

До нашего прихода, въ 8^{1/2} верстахъ отъ Александрополя нашими войсками (4 баталіона пѣхоты, 3 сотни Донскихъ казаковъ, и 2 сотни Кавказскаго Линей-

наго войска и 4 батареи), была сдѣлана вылазка, на только что пришедшій турецкій корпусъ въ 20000 человекъ.

Корпусъ этотъ окопался въ Боэндукъ (въ 8½ верстахъ отъ Александрополя), поставивъ батареи. Артиллерійская канонада длилась цѣлый день, но безуспѣшно. Вылазка наша тоже была неудачна. Намъ она стоила 300 человекъ, туркамъ же только 30, но тѣмъ не менѣе, черезъ 4 дня турки отступили. Къ намъ же въ этотъ день пришли подкрѣпленія, 2 батальона пѣхоты; на слѣдующій день дивизионъ драгунскаго Нижегородскаго полка, еще 2 батальона пѣхоты и, наконецъ, нашъ Александропольскій отрядъ. Всего было 9000 человекъ. Мы стояли передъ турецкой границей.

Передъ переходомъ черезъ границу былъ отслуженъ молебенъ и прочитанъ приказъ генерала Бебутова, нашего корпуснаго командира *).

Первый день прошелъ благополучно и мы ночевали на „Перевалѣ“. На другой день двинулись дальше въ путь. Часамъ къ 11 утра, показался намъ на встрѣчу отрядъ (пѣхота и артиллерія). Мы съ своей стороны полагали, что это наши войска и идутъ они изъ Ахалкалакскаго Округа, но, какъ оказалось, это были турки — турецкій отрядъ.

Казакамъ и драгунамъ приказано остановиться. Пѣхота построилась въ боевой порядокъ. Турки первые открыли артиллерійскій огонь; спустя немного стали отвѣчать и наши. Не прошло и двухъ минутъ, какъ у турокъ взорвался артиллерійскій ящикъ, но тѣмъ не менѣе, огонь все усиливался и продолжался больше часу. Курды и башибузуки стали нападать нестройными таборами. Приказано было съ ними справиться 1 и 2 дивизиону, но курды стали уже обходить въ тылъ 3-й дивизионъ. Тутъ начальникъ Донской артиллеріи, сотникъ Кулгачевъ, своими мѣткими картечными выстрѣлами ослабилъ ихъ военный пылъ; но все же курды атаковали 3-й дивизионъ, и ему приходилось очень плохо. Въ эту минуту подоспѣлъ я съ сотнею Горскаго полка, удачнымъ отпоромъ и выстрѣлами изъ орудій мы отодвинули сплошную стѣну курдовъ и турокъ назадъ. Атака курдовъ увлекла меня и я не видѣлъ, что происходило въ центрѣ.

***) Приказъ Бебутова, № 196.**

Ребята, въ концѣ прошлаго года по объявленіи войны, я пригласилъ мирныхъ жителей Турціи оставаться въ своихъ домахъ и далъ имъ слово, что ихъ собственность не будетъ тронута. Не измѣняйте также данному мною обѣщанію, уважайте ихъ храмы, не касайтесь ихъ имущества, не нарушайте спокойствія ихъ семейной жизни, и не посягайте на беззащитныхъ вдовъ и сиротъ!

Я употреблю все усиліе, чтобы вы не въ чемъ не нуждались; въ замѣнъ того требую отъ васъ строгаго исполненія моихъ приказаній. Будьте страшны только врагамъ, держащимъ вступитъ съ вами въ бой и карайте ихъ безчадно; но не трогайте беззащитныхъ жителей!

Надѣюсь, что вы послушаете моего благого совѣта и приказаній, избавить вашихъ ближайшихъ начальниковъ отъ отвѣтственности, а меня, не поставите въ несправедливое положеніе, — прибѣгнуть къ мѣрѣ строгости.

Подлинный подписалъ Командующій Корпусомъ
Генераль-Лейтенантъ *Князь Бебутовъ*.

Въ этотъ моментъ начались ружейные залпы, громкое ура и сплошные ряды турокъ дрогнули. Наша пѣхота прорвала турецкій центръ. Я и Камковъ, командиръ 3-хъ сотенъ, стоявшихъ какъ бы въ засадѣ, скомандовали казакамъ садиться на коней и быстрымъ маршемъ раздвинули прорванный центръ.

Этотъ прорванный центръ моментально былъ занятъ казаками, отодвигая и совершенно разъединяя турецкую пѣхоту. Началось бѣгство турокъ. Наша кавалерія, больше казаки (6—8 сотенъ) ихъ преслѣдовали. По дорогѣ захватили 7 турецкихъ орудій, одна изъ пушекъ была красная, награда Султана; захватили также болѣе 20 артиллерійскихъ ящиковъ. Линія преслѣдованія очень разширилась и всѣ 9 преслѣдовавшихъ сотенъ потеряли строй. Мы подходили уже къ самому лагерю; какъ вдругъ оттуда вышелъ турецкій полкъ драгунъ и сталъ двигаться къ намъ на встрѣчу. Положеніе наше было не изъ пріятныхъ. Мы не имѣли ни одной сотни въ резервѣ, хотѣли построиться и сомкнуться, а получилась большая нестройная толпа. Принуждены были бросить 2 орудія, а также отступить, при чемъ каждый офицеръ, отступая, хотѣлъ привести свою часть въ порядокъ, но это физически было невозможно. У меня не было и 10 человекъ своихъ казаковъ. Всѣ кричали, стой, стройся, а между тѣмъ никто ничего не слышитъ, рысью отступаютъ. Турецкіе же драгуны на насъ насѣдаютъ. Мы уже подошли къ взводу Кулгачева и раступились, чтобы пропустить его. Это было уже давно пора. Артиллерійскій взводъ стрѣляетъ въ приближающійся отрядъ, сначала картечью, а затѣмъ ядрами и только благодаря этому заставилъ драгунъ сначала остановиться, а затѣмъ повернуть тылъ. Наши же 9 сотенъ повернули на лѣво кругомъ и роли перемѣнились, начали наступать, скорѣе преслѣдовать драгунъ! Смѣю увѣрить, что, пожалуй, только $\frac{1}{5}$ часть ушла, остальныхъ мы зарубили шашками! Передъ лагеремъ мы снова перестроились въ порядокъ.

Курды и башибузуки, еще раньше опередили насъ, и явились первыми для грабежа турецкаго лагеря.

Весь турецкій лагерь достался намъ.

Масса артиллерійскихъ снарядовъ, весь фуражъ, болѣе 1000 палатокъ, 2 знамени, 19 орудій и 1700 турецкаго низама было взято въ плѣнъ.

Полная побѣда.

Простояли мы здѣсь 5 дней. Были заняты похоронами и своихъ и чужихъ, приведеніемъ и построеніемъ частей въ порядокъ. На слѣдующій день послѣ побѣды, прибылъ къ намъ, къ генералу Бебутову, старшина Молоканскаго селенія, Добрынинъ, и поздравилъ генерала съ побѣдой, Бебутовъ показывалъ турецкую артиллерію, значки, знамена и остальные трофеи побѣды.

Этотъ же Добрынинъ прислалъ подводы, и на нихъ была перевезена вся добыча, а также больные и раненые. На 6-ой день мы возвратились въ Александрополь. По дорогѣ, въ деревняхъ насъ встрѣчали молебномъ армянскіе (турецкіе подданные) священники; намъ же былъ объявленъ роспускъ на зимнія квартиры.

Нашъ полкъ расположился въ одной подгородной деревнѣ, три же сотни квартировали въ Александрополѣ.

Зимою къ намъ приѣзжалъ инспектировать кавалерію генералъ Богоутъ. Была

сдѣлана ночная тревога, и наши казаки показали себя молодцами. Послѣ смотра у командира полка была сервирована закуска и выпивка. За столомъ много говорилось о казачествѣ и о военныхъ достоинствахъ казаковъ.

„Да, это самая лучшая кавалерія! Только казака дня 2—3 нужно въ голодѣ держать, не кормить, онъ тогда еще злѣе становится! А попробуй лошадь драгуна оставить безъ фуража, она никуда не будетъ годна!“, говорилъ ген. Богоутъ.

Послѣ обѣда провожали Инспектора Кавалеріи, генерала Богоута, всѣ офицеры и командиръ полка. На полдорогѣ отъ города встрѣтили мы жену Богоута, она ѣдетъ въ саняхъ, кучеромъ былъ свѣтлѣйшій князь Салтыковъ, юнкеръ Нижегородскаго полка. Лишь только генеральша узнала насъ, она взяла и держитъ въ рукахъ концы георгіевской ленты, а посрединѣ виситъ крестъ св. Георгія.— Богоутъ слѣзъ, поцѣловалъ орденъ, а затѣмъ и жену, и надѣлъ георгіевскій крестъ на шею. Мы закричали ура и поздравили его съ наградой. Проводили еще версты двѣ, а тамъ и распрощались. При прощаньи генераль сказалъ:

— Господа, наградой этой я обязанъ Вамъ!

Генеральша же, супруга Богоута, говоритъ, „по русскому обычаю, нужно обмытъ этотъ крестъ“!

Достають изъ саней 6 бутылокъ шампанскаго, щелкають пробки и всѣ присутствующіе выпили за здоровье Государя, кавалера ордена и за его супругу. При прощаніи, супруга Богоута пригласила насъ на блины, такъ какъ черезъ недѣлю начиналась уже масленица...

За первое дѣло съ турками, полковникъ Камковъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. Между прочимъ онъ былъ преданъ полемому суду за самовольную атаку прорваннаго турецкаго центра. На докладѣ князю Бебутовъ заявилъ „побѣдителей не судятъ, дать ему за храбрость Георгіевскій крестъ!“

Начальникъ нашего полка Евсеевъ въ скоромъ времени былъ произведенъ въ генералы и отправленъ въ войско; вмѣсто него былъ назначенъ Камковъ, а начальникомъ 3-хъ сотенъ былъ назначенъ полковникъ Скобелевъ.

Ровно черезъ недѣлю было получено приглашеніе отъ генерала Богоута пожаловать на блины; приглашены были также донцы и офицеры конной артиллеріи. Блины были устроены въ казармахъ, и чтобы не стыли, подавались прямо въ окошко, около которыхъ были устроены и печи. Любезные хозяева не сажались, а подчивали своихъ гостей, стараясь каждому сказать милое, любезное слово, прося кушать блины „по русски“. Насъ отпустили первыхъ, такъ какъ въ полку остался только лишь одинъ офицеръ, да и при томъ нашъ постъ находился въ 28 верстахъ отъ города.

На Новый годъ и Корпусной Командиръ князь Бебутовъ пригласилъ свободныхъ офицеровъ встрѣчать „Новый Годъ“. Среди этихъ счастливицевъ былъ и я. Ровно въ 12 часовъ, при подачѣ шампанскаго, князь Бебутовъ подарилъ каждому офицеру по новому гривеннику говоря: „этотъ гривенникъ, господа, сбережетъ Вамъ большую сумму!“

Этою же зимою Корпусный Командиръ узналъ, что отъ Султана къ курдамъ явилось начальство брать ихъ въ „низамъ“ (пѣхоту). Обстоятельство это очень дурно повліяло на курдовъ, такъ какъ они твердо и категорически заявили мѣстному пашѣ, черезъ депутацію, что до сихъ поръ они вѣрно и право служили султану и будутъ также служить и теперь, въ солдаты же не пойдутъ!

Узнавъ объ этомъ, а также и о томъ, что къ курдамъ посланъ батальонъ, арестовать главныхъ курдинскихъ владѣтелей и начальниковъ, Бебутовъ вошелъ съ курдами въ тайныя сношенія. Это поручено было сдѣлать нашему полковнику Камкову во главѣ съ Лорисъ-Меликовымъ. Съ нашей стороны было высказано, что Государь принимаетъ Курдовъ подъ свое покровительство. Когда нашъ полкъ появился вблизи курдинскихъ владѣній, турецкій батальонъ бѣжалъ.

По дорогѣ къ курдамъ мы проходили бывшую армянскую столицу Ани, расположенную на совершенно гладкой и ровной мѣстности, не доходя до города, версты за 2 стоятъ громадныя ворота, это ничто иное, какъ украшеніе. Дальше идетъ городъ. Въ городѣ много церквей, хорошихъ зданій и домовъ, но въ нихъ никто не живетъ. Со всѣхъ сторонъ городъ обнесенъ большою стѣною, изъ жженого кирпича, кое-гдѣ уже обваливавшаяся, кругомъ города былъ оврагъ, не меньше, во всякомъ случаѣ, саженой 50, на днѣ же оврага протекаетъ рѣка Арапчай. По оврагу разсѣяно много пещеръ; я, съ разрѣшенія командира, осмотрѣлъ эти развалины, въ одну щель въ стѣнѣ вѣхалъ, а черезъ другую выѣхалъ, и уже тамъ догналъ полкъ. Не далеко отъ полуразрушеннаго мертваго города виднѣлась армянская деревня. Жители ея, какъ и вообще всѣ восточные народы не отличались особенною опрятностью и чистотою. Далѣе за отлогимъ берегомъ Арапчая уже виднѣлись владѣнія курдовъ.

На другой сторонѣ нашъ начальникъ Лорисъ-Меликовъ говорилъ съ курдинскимъ главно-владѣльцемъ, о чемъ они говорили для меня и до сихъ поръ осталось тайной. Мы простояли такъ день, а потомъ вернулись назадъ. Изъ всего знаю только то, что курды перегнали весь свой скотъ въ наши владѣнія, весною же турецкій карательный отрядъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ вода въ Арапчаѣ прибыла, а переправляться было дѣло рискованное.

Паша все же имъ грозился, хотя курды и заявили, что будутъ помогать туркамъ, но все же дали обѣщаніе не нападать на русскихъ.

Такимъ образомъ болѣе 30000 человекъ были для насъ, какъ бы полумирными.

Прошла зима, пора уже сниматься съ зимнихъ квартиръ, пора начинать боевую, полную всякихъ опасностей и рискованныхъ подвиговъ и приключеній, службу!

Передъ выступленіемъ изъ Александрополя отслужили молебень, передъ походомъ же во всѣхъ ротахъ, сотняхъ и баттарейхъ читался приказъ Бебутова *).

На первомъ привалѣ послѣ перехода границы устроили закуску отъ имени Командира, на которую были приглашены офицеры. Сюда же пріѣхалъ и инспекторъ кавалеріи генералъ Богоутъ. Онъ заявилъ: гг. офицеры водку можетъ пить тотъ, кто расскажетъ анекдотъ, или какую нибудь смѣшную исторію. Разсказано было очень много анекдотовъ и всякихъ исторій, по большей части, болѣе чѣмъ пикантныхъ, которыхъ къ сожалѣнію, нельзя привести ни одной. Особенно отличался сотникъ Рябовъ и такъ разсмѣшилъ Богоута, что тотъ хохоталъ до слезъ, и за это въ не счетъ Рябовъ выпилъ 2 рюмки.

До 20 іюля были все маленькія стычки съ турками. Помню въ іюнѣ мѣсяцъ была сильная гроза, а потомъ пошелъ градъ. Градъ рѣдкій, но зато больше куриного яйца, солдаты не могли стоять, должны поворачиваться спиною, а головы накрывать ранцами, кавалерія не могла сохранить фронта, а лошади все время сбивались въ кучу. Гроза и градъ прошли, къ намъ же прибѣжало больше 100 лошадей, со стороны турокъ.

У Кюрюкъ-Дара мы стали лагеремъ и стояли до 24 августа, гдѣ и произошло знаменитое Кюрюкдаринское сраженіе.

Раньше все были перестрѣлки на аванпостахъ. 19 іюня Лорисъ-Меликовъ объѣзжалъ съ 2 сотнями армянскихъ дружинниковъ мѣстность за нашими аванпостами. Тутъ на него напала турецкая кавалерія, Меликовъ отступалъ, въ пылу проскакалъ аванпосты, ихъ также проскакала и турецкая кавалерія. Первымъ на турецкую кавалерію бросился нашъ полкъ, опрокинулъ турецкій отрядъ и больше ста человѣкъ остались въ нашихъ рукахъ избитыхъ и изрубленныхъ, 37 человѣкъ было взято въ плѣнъ. За это дѣло я былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст., съ бантомъ, въ то время мечей еще не было.

24-го же числа былъ награжденъ производствомъ въ войсковые старшины.

Въ этомъ дѣлѣ я былъ раненъ, а мой братъ Владиміръ убитъ, также былъ убитъ и субалтернъ-офицеръ, князь Аргутинскій. Изъ 17 офицеровъ, только 5 не было ранено. Въ этомъ сраженіи у турокъ взято 24 орудія, 5 знаменъ, больше 20 значковъ, масса зарядныхъ ящиковъ, припасовъ, трубъ, барабановъ, въ нашихъ

***) Приказъ БЕБУТОВА № 195.**

ХРАБРЫЕ ТОВАРИЩИ!

Наступилъ часъ, съ нетерпѣніемъ вами ожидаемый, мы переходимъ рубежъ края, который со всѣми крѣпостями, въ немъ находящимися, 26 лѣтъ тому назадъ, завоеванъ былъ побѣдоноснымъ Россійскимъ оружіемъ и великодушно уступленъ Государемъ Императоромъ, нынѣ воюющей съ нами, неблагодарной Турціи, и, гдѣ, 6 мѣсяцевъ тому назадъ, свойственною вамъ храбростію, нанесли вы поражение Туркамъ, почти вчетверо числомъ васъ превосходившимъ!

Мы тѣ же солдаты, соединяясь съ пришедшими къ вамъ, по мановенію Великаго Монарха нашего, храбрыми нашими братьями—товарищами, принесемъ теплыя молитвы Господу Богу нашему, осѣняющему знаменіе животворящаго Своего Креста, оружіе Государя Императора, усердно помолимся о здравіи и долголѣтствіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и всей Августѣйшей Фамиліи. Вступимъ въ землю вѣроломной Турціи, пойдемъ впередъ, не щадя живота нашего за Царя, любезное Отечество, за Православную нашу вѣру!

Подлинный подписалъ Командующій Корпусомъ

Генералъ-Лейтенантъ *Князь Бебутовъ.*

Генералъ-лейтенантъ князь Бебутовъ.

рукахъ былъ весь непріятельскій лагерь. На третій день прибылъ староста Добрынинъ и поздравилъ опять съ побѣдой.

Добрынинъ отъ своего селенія и другихъ, составилъ транспортъ изъ 50 подводъ отвезти больныхъ, раненыхъ, трофеи, за это сначала не заплатили, затѣмъ правительство разсчиталось за все очень добросовѣстно.

Казаки объ этомъ сраженіи сложили боевую пѣсню:

Съ Малки, Терека, Кубани,
Довелось собраться намъ,
Чтобы дали басурманы
Честь и мѣсто казакамъ!

* * *

Видно турки въ самомъ дѣлѣ —
Заартачились не въ прокъ,
Позабыть уже успѣли,
Прежде заданный урокъ!

* * *

Лѣзутъ съ грозною замашкой!
Ай, пойдемъ на встрѣчу къ нимъ!
Да казацкой острой шашкой
Турку память подновимъ!

* * *

Для начала, ради скуки,
Мы потѣшимся слегка!
Пусть себѣ башибузуки
Распознаютъ казака!

* * *

То то знатные ребята!
Распотѣшимся слегка!
Гдѣ не глянь, упалъ, ворота!
А у нихъ валить стѣна!

* * *

А когда ряды внезапно
Фронтъ безчестный развернуть,
Имъ же будетъ больше сраму,
Какъ отъ нашихъ побѣгутъ!

* * *

Ихъ, французы обучали,
Англичанинъ былъ кунакъ!
Но доучить ихъ едва ли
Не (линейный) нашъ казакъ!

* * *

Хватимъ строгимъ, ихъ, ударомъ
На казацкое ура,—
Чтобы вслѣдъ за Кадыкъ-Кляромъ
Помнить имъ Кюрюкъ-Дара!

* * *

Этимъ сраженіемъ закончилась кампанія.

Мы снова должны были вернуться къ Александрополю, снова насъ встрѣчали духовенство, горожане. Снова расквартированіе. Мой дивизіонъ расположился въ 23 верстахъ отъ города, вверхъ по Арапчаю, у армянскаго селенія Монастырь. Здѣсь стоялъ, какъ видно, прежде военный постъ, онъ былъ обнесенъ стѣною, съ бойницами, съ амбразурами и казармой, правда, уже полуразрушенной. Это въ общемъ ничего, казарму я привелъ въ порядокъ, а расквартировалъ свой дивизіонъ отчасти въ Монастырь, отчасти и въ другой деревнѣ.

Передъ выступленіемъ изъ Александрополя на зимнія квартиры мы узнали печальную новость. Умеръ Государь, и на престолъ вступилъ Императоръ Александръ II.

Тутъ же былъ полученъ приказъ присягать на вѣрность Императору Александру II. Пріѣхалъ священникъ, сейчасъ же полкъ поставили въ каррэ, обнажились головы, священникъ сталъ читать присягу командирамъ, тѣ же предъ сотнями.

Помню, я плакалъ горькими, горькими слезами, какъ будто я лишился чего то родного, дорогого. Плакали и чины моей сотни.

— Вѣрно служили мы Государю Николаю, вѣрно будемъ служить и Александру! — сказалъ я.

Въ указанномъ пунктѣ сталъ я устраиваться. Позаботился напомнить своимъ сотнямъ о присягѣ, данной вчерашній день. — Мы стоимъ на границѣ, лицомъ къ лицу съ непріателемъ, нужно быть особенно осторожнымъ и бдительнымъ, нужно по первому выстрѣлу, или звуку трубы, выбѣгать въ ночное время.

Затѣмъ, я также установилъ, чтобы дѣлали ночные разъѣзды внизъ и вверхъ по Арапчаю, по 5 человекъ и на разстояніе 5 верстъ. Разъѣзды дѣлать тихо и осторожно, послѣ опредѣленнаго времени возвращаться назадъ, докладывать дежурному въ резервѣ, а затѣмъ смѣняясь съ другими дѣлать тоже. Такъ пріохотился я свои сотни къ дисциплинѣ, порядку и ночной караульной службѣ, ночью же я иногда дѣлалъ примѣрные тревоги.

Спустя немного времени я вернулся въ штабъ-квартиру, донеся обо всемъ командиру Камкову. На другой день Камковъ пріѣхалъ ко мнѣ, осмотрѣлъ по-

стройку саманниковъ, куда выбѣгали нижніе чины во время ночной тревоги, осмотрѣлъ разъѣзды, ученія и тревоги. Найдя все въ порядкѣ, а также одобливъ мои планы, уѣхалъ обратно.

Немного спустя, послѣ отъѣзда командира, ко мнѣ приходитъ юзбашъ (старшина), а съ нимъ переводчикъ, говорящій хорошо по русски. Скоро будутъ везти изъ Турціи большую контрабанду, хочешь хорошій „бакшишъ“ заработать. Будутъ везти вино, сахаръ, табакъ, кофе, коньякъ, рисъ, говорили они мнѣ...

Обо всемъ этомъ я доложилъ начальнику полка, а тотъ донесъ въ Главный штабъ. Тамъ на рапортъ было помѣчено полковникомъ Невѣровскимъ „Смотрѣть на контрабанду сквозь пальцы, продукты намъ необходимы“.

До полученія отвѣта юзбашъ приходитъ ко мнѣ раза три, предлагая большую взятку. Получивъ отвѣтъ благопріятнаго свойства я рѣшилъ пропустить контрабанду недалеко отъ мѣста, гдѣ стояли мои секреты.

На другой день явился ко мнѣ турецкій контрабандистъ и спросилъ, что мнѣ дать за это.

— Въ каждую сотню по 4 боченка коньяку, по 4 пуда сахару, 10 фунтовъ чаю, по 5 пудовъ рису на сотню, для себя и офицеровъ пудъ кофе, 50 бутылокъ ликеру и $\frac{1}{2}$ пуда табаку...

— Больше ничего!

— Нѣтъ еще нужно!

— Что же?

— Червонцевъ, денегъ надо!

— Сколько?

— 100 червонцевъ.

На этомъ дѣло было слажено.

Въ эту же ночь была провезена контрабанда, а на слѣдующее же утро я послалъ и командиру полка и другимъ офицерамъ коньяку и табаку въ подарокъ!

Отъ этого же контрабандиста и юзбаша я узнавалъ расположеніе турецкихъ войскъ, контрабандисты еще не разъ давали своего рода законную дань, лишь бы смотрѣть на всю ихъ операцію сквозь пальцы.

Разъ они мнѣ доложили, что по деревнямъ собираютъ сухой фуражъ и ячмень, хотя объ этомъ еще раньше было сдѣлано условіе.

Сейчасъ же отправился я туда съ своими казаками на рысяхъ. Проѣхали верстъ 10 по Арапчаю, приближаемся къ турецкимъ деревнямъ.

Какъ разъ, въ самый часъ!

По деревнямъ уже были готовы навьюченные транспорты на ешаковъ (помѣсь мула и осла) и быковъ, въ общемъ болѣе ста возиковъ. Все это было забрано, только все же заплатили за это, за каждый вьюкъ было заплачено по 1 р., а юзбашу и контрабандисту—по 50 коп. Послѣ, вернувшись въ штабъ-квартиру, а затѣмъ въ Александрополь я доложилъ по начальству, начальство же объ этомъ было уже предупреждено раньше, какъ сказалъ мнѣ потомъ полковникъ Камковъ.

Въ деревнѣ Монастырь, гдѣ я стоялъ со своимъ полкомъ, хорошая церковь,

только, къ сожалѣнію, нѣтъ колоколовъ и крестовъ. Приходятъ къ сакль, и стучать по доскѣ, это значитъ, собирайся, иди въ церковь, будетъ служба.

Я посѣщаль церковь, хотя въ ней служили по армянски, но не все ли равно! Вѣдь Богъ одинъ! Разъ я былъ на вечернѣ, молящихся было немного, больше женщины. На другой день я снова пошелъ въ храмъ къ обѣднѣ, были и мужчины. Только, смотрю, они стоятъ въ папахъ, обмотанныхъ чалмами, становятся на колѣни, цѣлуютъ полъ. Сначала я думалъ это турки, но скоро увидѣлъ, что ошибся, это были не турки, вставши, мужчины стали креститься. Дальше все шло своимъ чередомъ. Кончилась обѣдня, священникъ вынесъ мнѣ просфору, скорѣе похожую на лепешку, но все же съ изображеніемъ Распятія. Со мною были вѣстовой, казакъ и ординарецъ. Я сейчасъ же послалъ за юзбашемъ, чтобы розыскали переводчика. Народу же я сказалъ остаться около церкви; такъ какъ я хочу сказать нѣсколько словъ.

Собралось много народу, явился и переводчикъ.

Какъ только я вышелъ, всѣ сняли шапки.

Сюда же пригласилъ я и священника. Это былъ почтенный человѣкъ, уже скорѣе старикъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, поклонился, взялъ мою полу и поцѣловалъ, объясняя этимъ черезъ переводчика, что поздравилъ съ Воскресеніемъ.

— Я молился Богу,—говорилъ онъ—за тебя, за всѣхъ христіанъ, и за всѣхъ храбрыхъ воиновъ!

Я поблагодарилъ его. — „Позволь все же тебѣ сдѣлать замѣчаніе, мнѣ молодому! Ты прихожанъ своихъ учишь не по христіански!“

— Ты понялъ, спрашиваю я его. „Да, я, понялъ“, отвѣчаетъ тотъ.

— Смотри, вотъ нѣкоторые изъ нихъ стояли въ шапкахъ въ церкви, я думалъ это турки, это были армяне, какъ оказалось въ послѣдствіи.

— Ты молодой, ты вправѣ дѣлать замѣчанія, — отвѣчаетъ мнѣ священникъ, — тебя я вижу перваго въ церкви, и вотъ, слыша тебя, дѣлаю назиданіе моимъ прихожанамъ! Смотри, одни изъ нихъ оставили вѣру отцовъ, перешли въ турецкую, дочерей отдаютъ за турковъ, и наши женятся на турчанкахъ, но онѣ не крестятся и крѣпко держатся своей вѣры.

Потомъ я указалъ на крестъ, — смотрите, какой чудный, прекрасный храмъ (въ 1828 году эти селенія были завоеваны турками, и повсюду они сняли кресты съ церковей и колокола), теперь вы не подъ властію турокъ, а у русскаго царя, вы можете, вы не позаботились поставить крестъ!

— Прости! — говоритъ священникъ, становясь на колѣни, — прости! — говоритъ народъ, тоже становясь на колѣни.

— Мы ничего не можемъ сказать въ наше оправданіе.

— Ну Богъ васъ проститъ! — Вынимаю кошелекъ и даю полуимперіалъ, передаю его священнику, — это начало, на постройку креста, пусть произведутъ сборъ!

Всѣ кланялись и благодарили.

— Теперь я буду снова ходить въ церковь, только, если кто придетъ въ шапкѣ, въ чалмѣ, того пошлю въ крѣпость, въ Александрополь, и попрошу тамъ, чтобы сослали въ Сибирь. Священникъ передалъ всѣ эти слова въ точности

своимъ прихожанамъ, а мѣстному юзбашу я передалъ, чтобы объ этомъ было сказано въ сосѣднюю деревню, гдѣ также стояли мои казаки.

Но сразу армяне не могли отстать отъ худой привычки и я рѣшилъ отучить отъ этого.

Разъ я былъ въ церкви и снова замѣтилъ, что двое были въ шапкахъ.

Я тихонько сказалъ ординарцу, чтобы онъ вышелъ и позвалъ 3 вооруженныхъ казаковъ, — продѣлать комедію съ непослушными, — какъ бы арестовать ихъ. Это произвело сильное впечатлѣніе. На другой день ко мнѣ явились священники и юзбаши изъ другого села, прося освободить виновныхъ. Я отказалъ, и тутъ же заявилъ, что на слѣдующій день подъ конвоемъ отправлю ихъ въ городъ. На слѣдующій день ко мнѣ снова явились священники, толпа народа и между ними плачущія женщины. Всѣ со слезами на глазахъ просили освободить виновныхъ, заявляя, что они больше никогда не будутъ стоять въ церкви, и при томъ въ шапкѣ. Я отпустилъ виновныхъ, а просители, должно быть, по уговору священниковъ, стали мнѣ присылать каймакъ (буйволиныя сливки), это было кстати и довольно недурно, такъ какъ я люблю и любилъ калмыцкій чай, а сливки къ нему хорошая приправа!

Но вотъ настало и Рождество.

Отпраздновали и мы праздники, но очень скромно, между прочимъ приходили поздравлять и армянскіе священники. Наступало и Крещеніе. Меня очень интересовалъ вопросъ, ходятъ ли здѣсь на рѣку и устраиваютъ „Іорданъ“. Юзбашъ удовлетворилъ мое любопытство, что всѣ изъ двухъ деревень ходятъ на рѣку Арапчай, и здѣсь погружаютъ крестъ. На Крещеніе и мои казаки участвовали въ религіозной процессіи и сдѣлали установленные залпы. Тутъ же недалеко отъ Іордани были устроены столы, гдѣ угощался народъ, туда пошелъ и я и др. офицеры. Мы поздравили сельчанъ съ праздникомъ, послѣ приходили и поздравляли священники, сначала казаковъ, а потомъ насъ, офицеровъ.

Дѣло уже близилось къ веснѣ, и мы получили довольно таки непріятное извѣстіе, что нашъ полкъ долженъ вернуться на родину. Армяне провожали насъ съ хлѣбомъ и солью. Ко всему этому было еще получено предписаніе отъ корпуснаго командира Муравьева сдать полкъ „на законномъ основаніи“, т. е. старшему офицеру, а самому же командиру полка, полковнику Камкову, ѣхать, нигдѣ не останавливаясь, прямо въ Тифлисъ.

Вотъ тутъ и произошли затрудненія, и порядочныя. У насъ было два войсковыхъ старшины, первый Скрипицынъ, а другой Клименко. Да только сдать имъ никакъ нельзя было полка, Скрипицынъ былъ человѣкъ слабый, да больной, а Клименко вѣчно пьянъ. Ну, какъ тутъ быть. А вѣдь придется полкъ представлять строгому Муравьеву. Вдругъ, какая-нибудь оплошность, бѣда, пропало.

Былъ ужъ очень строгъ и требователенъ Муравьевъ.

Только разъ, смотрю, является ко мнѣ ординарецъ Камкова; — пожалуйста Ваше Вскородіе къ командиру, Васъ просятъ.

Являюсь, здороваюсь.

Тутъ Камковъ и говоритъ: Знаете, войсковой старшина, Венеровскій, Вы, конечно слышали, что я долженъ сдать полкъ на законномъ основаніи!

— Знаю, слышалъ, — говорю.

— Знаете, что и Скрипицынъ и Клименко не подходятъ и если они будутъ командовать полкомъ при смотрѣ его Муравьевымъ, полкъ провалится!

— Знаю и это.

— Ну, и вотъ, чтобы слава полка не пропала, его боевыя отличія не пропали даромъ, я посовѣтывалъ старшинамъ подать рапортъ по болѣзни, а полкъ сдаю Вамъ. Вы можете оправдать мое довѣріе и представить въ блестящемъ видѣ и порядкѣ полкъ строгому Муравьеву.

Это заявленіе меня ошеломило. Я могъ ожидать все что угодно, но не этого. Я только что собирался сказать, какъ вдругъ Камковъ поднялся и сказалъ: „Я Вамъ, войсковой старшина, Венеровскій, сдаю полкъ на законномъ основаніи, и сейчасъ же Вы получите предписаніе!

Что же я могъ сказать, полкъ сданъ на законномъ основаніи, противорѣчить было нельзя, дисциплина на первомъ мѣстѣ.

Да, эта минута была тяжела для меня, вѣдь я принималъ какую страшную отвѣтственность, извольте командовать полкомъ, да къ тому же еще долженъ представиться строгому Муравьеву!

Было о чемъ подумать, было о чемъ и задуматься. Но я привыкъ исполнять приказанія начальства и по долгу данной присяги не могъ отказаться. Черезъ часъ полкъ построился въ пѣшемъ строю. Вышелъ впередъ полковникъ Камковъ и полковой адъютантъ прочиталъ приказъ о вытребованіи Камкова въ Тифлисъ. Командиръ скомандовалъ офицерамъ перейти на правый флангъ.

Остались одни лишь казаки. Камковъ спрашиваетъ: не имѣетъ ли кто претензій на него. Оказалось, что никто, никакихъ претензій не имѣетъ. Такимъ же порядкомъ были допрошены и офицеры. И здѣсь тоже не оказалось никакихъ претензій. Тутъ же полковникъ заявилъ офицерамъ, что полкъ онъ сдаетъ мнѣ, заявивъ, что Скрипицынъ боленъ, а Клименко подалъ рапортъ о болѣзни.

— Ну, теперь прощайте, я думаю еще съ Вами господа офицеры свидѣться въ Тифлисъ!

Раскланялся и ушелъ.

Въ это время я скомандовалъ:—1-я и 6-я роты остаются на мѣстѣ, 2-я и 3-я отодвигаются назадъ!

Получилось полковое каррэ.

— Господа офицеры стать передъ своими сотнями!

— Мы возвращаемся въ войско, — говорилъ я казакамъ, — поддержанное честью и славою нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Васъ же г.г. офицеры прошу принять мое приказаніе, не только какъ отъ теперешняго вашего начальника, но и какъ отъ товарища. Мы возвращаемся на родину, возвращаемся къ нашимъ семействамъ, желаю ихъ найти въ радости и благополучіи! Не берите чужого, не ходите въ духаны *), чтобы не подпасть подъ судъ и арестъ, иначе вы отстанете отъ полка, и не видать вамъ вашихъ милыхъ и родныхъ домашнихъ!

*) Кабаки.

Полкъ съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ мои слова, а затѣмъ сталъ собираться къ маршу въ Тифлисъ. На 4-мъ переходѣ я получилъ письмо отъ Камкова. Онъ писалъ о своемъ прїѣздѣ въ Тифлисъ, о прїемѣ Муравьева, о томъ, что онъ получилъ отъ него отпускъ свидѣться съ родными и семьею, а затѣмъ писалъ Камковъ, послѣдними словами Муравьева были: „потомъ Вы, полковникъ, вернетесь въ Александрополь, Вы мнѣ нужны, будете защищать отъ враговъ престолъ и отечество“! Въ заключеніе онъ совѣтовалъ пораньше выслать квартирьеровъ въ Тифлисъ.

Въ день прибытія въ Тифлисъ я послалъ офицера къ коменданту города, отъ котораго долженъ получить приказаніе.

Скоро явился посланный офицеръ съ предписаніемъ входить въ городъ и остановиться на площади „Песте“, объ остальномъ лично переговорить со мною самъ комендантъ, который будетъ на площади. Казакамъ позволено было сойти съ лошадей, минутъ на 15, такъ какъ черезъ полчаса долженъ прїѣхать самъ Муравьевъ. Еще заранѣе было дано знать, что ѣдетъ Муравьевъ. Моментально всѣ казаки посажены на коней, полкъ выравненъ, ждемъ Муравьева. Вдали показался Муравьевъ.

Слушай команду: „Смирно, ружья изъ чехловъ, шашки вонъ“!

Трубачи заиграли встрѣчу.

Я лихо подскакалъ къ главнокомандующему, громко отрапортовалъ и передалъ записку.

Муравьевъ объѣзжалъ полкъ, здоровался съ каждою сотнею, а затѣмъ приказалъ пройти церемоніальнымъ маршемъ, въ сотенныхъ колоннахъ.

Я все ждалъ, что вотъ гдѣнибудь сорвется, что нибудь случится, но все шло хорошо.

Я пропустилъ полкъ повзводно, красиво шли лошади, ступая копыто въ копыто, казалось, что и эти животныя понимаютъ всю торжественность минуты и тяжелой минуты.

Пропустить полкъ съ права по шести на разомкнутыя дистанціи, послышалось приказаніе.

Прошло и это хорошо.

Смотръ оконченъ, но ни слова, ни спасибо, ни плохо, только лишь спросилъ коменданта, гдѣ будетъ остановленъ полкъ и больше ничего.

Суровый человекъ былъ!

На другой день была предложена полку закуска отъ города, а г.г. офицеровъ городской голова пригласилъ на парадный обѣдъ.

Здѣсь же въ Тифлисъ встрѣтились съ Камковымъ. Онъ передалъ, что нашъ славный вождь генераль Бебутовъ желаетъ попрощаться съ полкомъ. На другой день Бебутовъ прїѣхалъ въ коляскѣ, и я представилъ ему полкъ въ пѣшемъ строю. Онъ обходилъ сотни привѣтствуя ихъ, затѣмъ вызвалъ офицеровъ и сказалъ имъ небольшое слово:

„Храбрые казаки, Вы идете на родину, желаю вамъ всего хорошаго. Передайте вашимъ отцамъ отъ меня, что вы сыны тѣхъ отцовъ, которые были въ 1828 году подъ командою Паскевича, въ рядахъ котораго служилъ и я! Въ вашемъ лицѣ цѣлую всѣхъ васъ и вашихъ начальниковъ“!

Этою прочувствованною, небольшою рѣчью обожаемый генераль произвелъ на окружающихъ сильное впечатлѣніе.

Да, это былъ дѣйствительно преемникъ Паскевича, рыцарь безъ страха и упрека, никогда, никто, ни въ чемъ не могъ упрекнуть этого человѣка!

Послѣ прощальнаго смотра, генераломъ Бебутовымъ былъ предложенъ полку обѣдъ. Князь Бебутовъ былъ строгъ и къ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, но справедливъ. Не разъ о немъ вспоминали, но всегда съ похвалою, отдавая ему должное, войска въ честь его не разъ пѣли пѣсню:

ВЕСЕЛИТЕСЯ РЕБЯТА.

Веселитесь ребята,
Веселись нашъ Командиръ!
Мы разбили супостата,
Слава намъ на цѣлый міръ!

Хоръ: Веселитесь ребята,
Веселись нашъ Командиръ!
Мы разбили супостата,
Слава намъ на цѣлый міръ!

* * *

Князь нашъ Бебутовъ любимый
Царской милостью почтенъ,
Корпусъ нашъ неустрашимый
Съ Командиромъ награжденъ!

Веселитесь ребята и т. д...

* * *

Съ бѣлымъ крестикомъ на шеѣ
Князь Барятинскій впередъ!
И солдату веселѣе,
Какъ начальникъ самъ ведетъ!

Веселитесь ребята и т. д...

* * *

А ужъ Бриммеръ не отстанетъ,
Бѣлый крестъ свой обновить —
Бурей огненною грянетъ,
Супостата поразить!

Веселитесь ребята и т. д...

* * *

Мы всегда рады стараться,
Не ударимъ въ грязь лицомъ,
Если драться, такъ ужъ драться, —
Каждый станетъ молодцомъ!

Веселитесь ребята и т. д...

* * *

Пусть пожалуютъ къ намъ гости,
Валять, словно саранча, —
Унесутъ ли гости кости,
Какъ ударимъ мы съ плеча!

Веселитесь ребята и т. д...

* * *

Какъ на ихни черны тучи
Приударитъ русскій громъ,
Мы размечемъ эти тучи
И на славу разобьемъ!

Веселитесь ребята и т. д...

* * *

Битва съ туркомъ намъ забава,
Вспомнемъ Кюрюкъ-Дара!
Князю Бебутову слава!
Войску Русскому ура! *).

Веселитесь ребята и т. д...

* * *

Полкъ нашъ пробылъ въ Тифлисѣ 5 дней и каждый день полкъ получалъ обѣдъ отъ разныхъ лицъ. Тутъ же мы и разстались съ нашимъ прежнимъ командиромъ, полковникомъ Камковымъ, который обратился ко мнѣ съ просьбой оставить и уговорить остаться вахмистра Бигіева и артельщика Балаева. Эти лица были живы до самаго послѣдняго времени, Балаевъ недавно умеръ въ чинѣ сотника, а Бигіевъ живъ и до сихъ поръ въ чинѣ полковника.

Изъ Тифлиса безъ особыхъ приключеній мы добрались до станицы Екатеринодарской, гдѣ полковникомъ Мейеромъ былъ сдѣланъ смотръ полку. Мой полкъ какъ видно очень понравился полковнику, хотя онъ и былъ большой придира и педантъ; такъ онъ заставлялъ дѣлать полку фронтъ при полномъ карьерѣ. Въ заключеніе онъ приказалъ разсѣдлывать лошадей, я же сталъ доказывать, что у насъ

*) Пѣсня у Кюрюкъ-Дара, 24 іюля 1854 г.

лошади не привыкли къ этому, онѣ потныя, ихъ нужно выводить, это не полезно! Почему, да, какъ, сталъ придираться Мейеръ.

Тутъ я доказалъ ему.

Говорю: „Г-нъ полковникъ, у лошадей остаются набитыя спины!“

Мейеръ не вѣритъ. Тогда я показываю ему вѣдомость больныхъ лошадей; тамъ было проставлено 27, а на лицо 26. „Гдѣ же 27-я“ говоритъ Мейеръ.

„На ней уѣхалъ казакъ Ястребовъ, онъ сейчасъ пріѣдетъ“, и дѣйствительно скоро пріѣхалъ, и только тогда Мейеръ былъ вполне удовлетворенъ.

Тутъ намъ было велѣно идти въ лагери, самъ же Мейеръ отправился туда кратчайшею дорогою.

Въ одной палаткѣ онъ замѣтилъ серебрянныя лампасы. „Кто это“!

— Это больной офицеръ Горскаго полка, сотникъ Макуха, — рапортую я.

— Арестовать на 3-ое сутокъ, онъ не былъ на смотру!

Здѣсь я распрощался съ офицерами полка и съ казаками и далъ имъ прощальный обѣдъ, пригласивъ между прочимъ и Мейера, но онъ подъ благовиднымъ предлогомъ отказался.

ГЛАВА VII.

6 сотня Горскаго полка.

Такъ кончился мой первый походъ въ Турцію, я возвращался домой съ полнымъ намѣреніемъ подать въ отставку, чтобы заняться сельскимъ и домашнимъ хозяйствомъ. Этому способствовало и то, что на обратномъ пути я встрѣтился съ моимъ братомъ Николаемъ Венеровскимъ, отправлявшимся въ Турцію отмстить за убитаго брата. Встрѣча была на станціи Военно-Грузинской дороги Казбекъ и довольно трогательная.

Послѣ этого я еще больше укрѣпился, что мнѣ нужно быть сельскимъ хозяиномъ, тѣмъ болѣе и хозяйство было порядочное и приличное. Кому же и хозяйничать, какъ не мнѣ; развѣ можно довѣрять постороннему человѣку, ему что, лишь бы получить деньги! А тутъ все кровное, нуженъ глазъ, да еще какой хозяйскій глазъ. И такъ я буду сельскимъ хозяиномъ!

Но, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Такъ и тутъ. Получить отставку оказалось невозможно, была война, а въ военное время это было очень трудно, почти невозможно и я остался военнымъ.

Вмѣсто хозяйства я получилъ 6-ю сотню Горскаго полка, командиромъ которой и я былъ назначенъ, 6-я сотня составлялась, главнымъ образомъ изъ казаковъ — осетинъ, станицъ Черноярской и Новоосетинской. Я былъ первымъ русскимъ командиромъ, раньше были осетины, моимъ предшественникомъ былъ эсаулъ Елбаевъ, не особенно то пользовавшійся уваженіемъ своихъ сослуживцевъ.

Моему назначенію были довольны всѣ офицеры, особенно же былъ доволенъ войсковой старшина Ив. Ив. Тускаевъ, водившій хлѣбъ-соль съ моимъ отцомъ. Я заѣхалъ къ нему съ визитомъ, а онъ пригласилъ меня на „кувсть“ (обѣдъ). Я согласился, прося немного подождать, чтобы сначала съѣздить и доложить командиру полка о принятіи должности. При представленіи командиръ сказалъ, что казаки будутъ вамъ жаловаться на бывшаго сотеннаго командира, вы не скрываете, а доложите мнѣ все, но никто не жаловался.

Въ назначенный день состоялся парадный обѣдъ, данный Тускаевымъ, по случаю назначенія меня командиромъ сотни. Было много народу, были старые офицеры и масса приглашенныхъ. Вначалѣ отслужили молебенъ, затѣмъ была устроена маленькая закуска, такъ сказать введеніе. Былъ шашлыкъ, который

принесъ древній старикъ осетинъ, долго говорилъ на осетинскомъ языкѣ, а всѣ присутствующіе на каждой остановкѣ отвѣчали „аминь“, послѣ своего длиннаго привѣтствія онъ разрѣзалъ мясо на маленькіе кусочки, угощая присутствующихъ. Затѣмъ говорилъ Тускаевъ, обращаясь главнымъ образомъ ко мнѣ: „Ты знаешь, я былъ друженъ съ твоимъ отцомъ, и онъ мнѣ былъ другъ, и вотъ я, любя тебя, буду просить, послушай добрый совѣтъ, послушай старика! Мы, осетины, народъ пылкій, многіе не умѣютъ говорить по русски, будь къ нимъ снисходительнымъ, а за проступки, вели сначала арестовать, а затѣмъ наказаты!“

— Иванъ Ивановичъ! — отвѣчаю я, — я присягалъ на вѣрность службы, и исполнять таковую обязанъ. Вразумлять, выслушивать съ терпѣніемъ жалобу казака и исполнять, если она справедлива, я буду всегда!

— Вамъ же г.г. офицеры я заявляю, не обращайтесь ко мнѣ за снисхожденіемъ или увольненіемъ вашихъ родственниковъ, я буду снисходить къ тѣмъ, кто будетъ ко мнѣ обращаться, а не съ письмами, или ходатайствами. Онѣ, напередъ говорю, останутся не разсмотрѣнными, этимъ будетъ дана возможность говорить и учиться по русски, а мнѣ — ближе познакомиться съ подчиненными, при этомъ г.г. дайте мнѣ обѣщаніе, что вы исполните мою просьбу и тѣмъ дадите возможность бѣднякамъ, не имѣющимъ въ родствѣ офицеровъ, обращаться непосредственно ко мнѣ. Я долженъ быть равнымъ и справедливымъ ко всѣмъ казакамъ въ сотнѣ! Этимъ я далъ знать, что поблажекъ и заискиваній всякихъ родственниковъ больше не будетъ.

Шестая и вторая сотни Горскаго полка участвовали въ дѣлахъ противъ чеченцевъ, за это дѣло было назначено по два георгіевскихъ креста въ каждую сотню. Было выбрано и время, когда ихъ можно было раздать, кстати приближался полковой праздникъ — 6 декабря. Была отслужена обѣдня, произведенъ церковный парадъ, явилась только 2-я сотня, были награждены по выбору сотни, а такъ какъ 6-я сотня запоздала, то командиръ выбралъ самъ, и назначилъ дать кресты писарю и штабъ-трубачу. Замѣшкалась сотня по собственной винѣ. Есаулъ Елбаевъ сталъ спрашивать кому можно дать, пошли споры, препирательства, появилось вліяніе офицеровъ, и въ виду такихъ осложненій было рѣшено предоставить командиру самому рѣшить кому дать, тому дать, такъ и будетъ...

Сотня запоздала, а командиръ полка распорядился самъ и выдалъ награды по собственному усмотрѣнію. Оказалось, что въ этомъ дѣлѣ небезгрѣшнымъ оказался и есаулъ Занкисовъ. Этотъ господинъ доносилъ обо всемъ командиру полка, былъ сущая баба-торговка, благодаря лишь его совѣтамъ командиръ полка назначилъ рано парадъ и благодаря этому опоздала сотня. Объ этомъ скоро узнали, и г. Занкисовъ сдѣлался предметомъ общаго неудовольствія. Служить ему съ другими офицерами было невозможно, и онъ долженъ былъ перевестись; перевелся онъ въ Варшавскій дивизіонъ, гдѣ принималъ очень дѣятельное участіе противъ возстанія поляковъ и польскихъ конфедератовъ.

Но все же Занкисову это не прошло даромъ.

Въ ночь передъ отправленіемъ изъ сотни украли у него 18 лучшихъ лошадей и бѣжали въ горы.

Въ это время изъ Ставрополя ѣхалъ наказный атаманъ Ротзевичъ, по

тракту, на Екатериноградъ. Ему на посту Новопавловскомъ приказнымъ Сансіевымъ отъ сотни было подано прошеніе съ объясненіемъ причинъ и мотивовъ кражи. Въ Екатериноградѣ Ротзевичъ прошеніе передалъ командиру полка Товбичу. На слѣдующій же день мною было получено предписаніе арестовать Сансіева и представить его въ ст. Екатериноградскую, въ штабъ-квартиру. Я потребовалъ приказнаго Сансіева къ себѣ, въ станицу Солдатскую; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали и по 2 казака съ каждого сторожевого поста.

Выхожу къ нимъ, хочу разспросить въ чемъ дѣло. Выборный отъ пришедшихъ заявляетъ:

Сансіевъ подалъ прошеніе отъ всей сотни, сотня за все отвѣчаетъ, если Сансіевъ въ отвѣтѣ, то въ отвѣтѣ и вся сотня. Если арестуютъ Сансіева, то пусть наказываютъ сотню! Мы дали клятву отвѣчать вмѣстѣ, а не по одиночкѣ!

Я все же добиваюсь въ чемъ ихъ жалоба, и только послѣ большихъ трудовъ удалось мнѣ узнать, что сотня не довольна распределеніемъ награды, виновать во всемъ есауль Занкисовъ. Вотъ, наши товарищи взяли у него лошадей и бѣжали въ горы.

Обо всемъ этомъ я донесъ командиру полка, Сансіева же оставилъ при себѣ. На другой день пришла бумага отъ командира полка замѣстить посты отставными казаками, всю же сотню собрать въ штабъ-квартирѣ, ст. Солдатской. Сотня собрана, построена въ порядкѣ, ждемъ командира полка. Томительное и непріятное ожиданіе. Ждешь какой то непріятности, самое скверное состояніе духа.

Казаки-осетины удрученно молчатъ.

По дорогѣ показалась пыль, это командиръ полка, но вотъ на минутку пыль какъ будто успокоилась, а затѣмъ изъ облаковъ сѣрой пыли показался экипажъ. Изъ тарантаса, вопреки ожиданіямъ, вылѣзъ войсковой старшина Тускаевъ.

Здороваемся. Онъ спрашиваетъ, скажите, что у васъ тутъ, дѣлается. Извольте сами спросить у казаковъ! Но тутъ въ свою очередь я спросилъ его, а гдѣ же командиръ? — А, командиръ, онъ поѣхалъ къ вамъ, на квартиру... Ну вотъ тебѣ и разъ, какъ же онъ поѣхалъ, квартира заперта на ключъ. На это Войсковой старшина пожалъ плечами, но я уже сообразилъ, что дѣлать, посылаю казака, чтобы отперъ квартиру, если понадобится, то поставилъ командиру и самоваръ.

Тускаевъ же уже говорилъ съ сотней.

— Бай рай локунта (здравствуйте ребята), дальше, ниче захта, ниче захта, и т. д...

Говорилъ долго, очень долго, и въ конецъ снимаетъ шапку, бьетъ ее объ руку и заключаетъ уже по русски:

— Эй, послушайте моей сѣдой головы, оставьте упорствовать, и сознайтесь въ чемъ вы виноваты!

Выборный говоритъ: если вы арестуете Сансіева, то и мы пойдемъ за нимъ, оставимъ наши посты, и пусть насъ всѣхъ арестуютъ и пусть судятъ.

Всѣ наши увѣщанія ни къ чему не повели. (Въ это время пріѣхалъ къ намъ командиръ полка).

— Сансіевъ здѣсь? спрашиваетъ командиръ полка.

— Здѣсь, г-нъ полковникъ, заявляю я.

Является Сансіевъ.

— Сансіевъ, садись на лошадь, отправляйся въ Екатериноградъ къ адъютанту и ожидай меня.

— Слушаю Ваше Высокоблагородіе! — Сансіевъ садится на лошадь и ѣдетъ... а... за нимъ и вся сотня. Остаемся я, полковникъ Товбичъ, Тускаевъ, казакъ, державшій лошадь командира, да трубачъ.

Дѣло скверное, думаю я, невольно закрадывается сомнѣніе, и мысль, что же будетъ дальше!

Положеніе становится невозможнымъ.

Всѣ опѣшили, хотя сотня и говорила, но никто не думалъ, что она перейдетъ къ дѣлу. Первымъ опомнился Тускаевъ. Подходить къ трубачу и говорить по осетински, скачи скорѣе, верни сотню.

Товбичъ, отвернувшись въ это время въ противоположную сторону, спрашиваетъ Тускаева, зачѣмъ онъ послалъ трубача.

Тотъ отвѣчаетъ, вернуть сотню. Это вы хорошо сдѣлали, старшина!

Трубачъ догналъ, и сотня шедшая толпою, возвращается назадъ развернутымъ фронтомъ.

Сотня подошла на взводное разстояніе, вахмистръ скомандовалъ: стой!

Началъ говорить Товбичъ.

Еще раньше Тускаевъ просилъ меня приказать сотнѣ сойти съ лошадей.

Около меня, около Тускаева, составилъ большой кругъ казаковъ—осетинъ. Еще бы! Любопытно, вѣдь рѣшалась судьба товарища, а также и ихъ судьба, вѣдь и они были прикосновенны къ этому дѣлу. Во время самыхъ оживленныхъ разговоровъ, неожиданно въ кругъ вѣхалъ командиръ полка; судя по его лицу, можно было подумать, что онъ уже рѣшилъ дѣло, онъ однимъ ударомъ разрубилъ мудреный Гордіевъ узелъ.

— Войсковой старшина!

— Что угодно, г-нъ полковникъ?

— Сансіевъ, здѣсь?

— Здѣсь, въ сотнѣ.

— Слушайте, войсковой старшина, я научу васъ, какъ исполнять приказаніе начальства!..

— Прошеніе, поданное вами наказному атаману у меня, вы пишете про кресты! Это хорошо. Но во всемъ виноватъ вашъ сотенный командиръ, приведшій васъ очень поздно, парадъ же уже кончился.

— Вы еще жалуетесь, что васъ оторвали отъ своихъ близкихъ и отъ домовъ. Хорошо!

— Вы будете освобождены, на ваше мѣсто придутъ другіе, другая сотня; вы же пока, — обращаясь ко мнѣ, — скомандуйте занять посты.

— Живо встать и занять свои посты, — командую я.

Инцидентъ казалось былъ исчерпанъ. Товбичъ отправился въ Екатериноградъ, а я домой.

Но тутъ то и начались мои волненія и мои безпокойства.

Товбичъ предъ всею сотней заявилъ, что я не могъ арестовать Сансіева. Каково это было перенести мнѣ, моя гордость была уязвлена въ высшей степени, если бы это былъ письменный выговоръ, съ этимъ возможно было мириться, а тутъ публичный выговоръ, это ужасно, я не могъ больше терпѣть...

Я сдалъ сотню субалтернъ-офицеру, а самъ подалъ рапортъ, съ заявленіемъ, что сотня вышла не изъ моего повиновенія, а изъ повиновенія Его Высокоблагородія, г. командира полка, и, кромѣ того заявилъ, что при извѣстныхъ условіяхъ я больше не въ состояніи служить.

Въ эти моменты мною руководило оскорбленное самолюбіе, мой разумъ былъ занятъ нанесеннымъ мнѣ оскорбленіемъ, такъ какъ врядъ ли мои поступки можно назвать благоразумными. Я оставилъ сотню и уѣхалъ въ ст. Павлодольскую, гдѣ у меня былъ домъ.

Черезъ 3—4 дня ко мнѣ пріѣзжаетъ мой зять, полковникъ Дятковъ. Послѣ первыхъ же словъ привѣтствія онъ сталъ удивляться моему поступку, а также и рапорту; удивляются и твои товарищи Кулаковъ и Платоновъ. Это было бы еще ничего, но только зять обо всемъ случившемся разсказалъ матери, и притомъ въ такихъ ужасныхъ черныхъ краскахъ, что совершенно привелъ ее въ удрученное состояніе. Эта печальная, разыгравшаяся со мною, исторія, причинила ей немало горя и слезъ.

Сижу я въ кабинетѣ, смотрю отворяется дверь, входитъ Дятловъ и мать. Лицо ея было все въ слезахъ.

— Что ты сдѣлалъ, несчастный! Андрей Филипповичъ говоритъ, что за твой рапортъ тебя разжаловать могутъ!.. А, ты это слышалъ! Каково это твоей матери будетъ, когда ея сынъ, сынъ который меня долженъ утѣшать, и онъ будетъ разжалованъ, будетъ простымъ казакомъ! Ты объ этомъ подумалъ, какое горе ты принесешь своей старой матери. — И тутъ же залилась горькими, неутѣшными слезами.

Эта сцена произвела сильное впечатлѣніе. Такъ стало непріятно, тяжело, и еще тяжелѣе, когда знаешь, что плачетъ мать.

Я въ волненіи цѣлую руку матери, прошу ее успокоиться.

Мама, милая успокойся, твой сынъ не сдѣлалъ преступленія, противнаго законамъ. Онъ ничего не сдѣлалъ, онъ только не могъ идти въ разладъ съ своею совѣстью, я долженъ быть честнымъ исполнителемъ воли нашего Государя! Ты же, Андрей Филипповичъ, напрасно разстраиваешь маму, и напрасно приводишь въ такое удрученное состояніе; прошу тебя мама успокоиться, плохо не будетъ!

Казалось убѣжденный тонъ подѣйствовалъ и она повидимому, только повидимому, успокоилась.

Послѣ обѣда я уѣхалъ на хуторъ (на р. Курѣ) и пробылъ тамъ 5 дней. Спустя 5 дней я возвратился.

Дятковъ уже успѣлъ съѣздить въ Екатериноградъ и разсказалъ Товбичу о томъ отчаяніи и горѣ матери, а также и обо мнѣ. Товбичъ и Дятковъ пріѣхали къ моей матери. Между прочимъ Товбичъ говорилъ ей, что это онъ дѣлаетъ, чтобы я, такой славный, аккуратный и исполнительный службистъ не пропалъ

даромъ, да и относясь съ большимъ уваженіемъ къ моей матери пріѣхалъ, чтобы она повліяла на меня: взять свой рапортъ назадъ.

Мать была очень благодарна и сказала, что все, что въ ея силахъ, она сдѣлаетъ, чтобы повліять на меня, чтобы меня не предали суду. Я пріѣхалъ. Мать просила, слезно просила, но всѣ просьбы были напрасны.

— Я, явиться къ командиру, который меня кровно оскорбилъ предъ всей сотней, никогда! Ты, мама, сама не понимаешь, о чемъ ты просишь!

Но она все просила. — Ты, только съѣзди въ Екатериноградъ, повидайся съ своими пріятелями, а тамъ дѣлай какъ знаешь. Наконецъ, послѣ долгихъ и упорныхъ упрашиваній, я согласился.

Остановился я въ Екатериноградѣ, по обычаю, у зятя. Здѣсь же меня навѣстили мои хорошіе друзья-пріятели и всѣ они въ одинъ голосъ совѣтывали взять свой рапортъ назадъ. Я долго раздумывалъ, долго колебался, идти или не идти. Ну, какъ быть; идти въ сдѣлку съ своею попоранною гордостью, нѣтъ нельзя, одна мысль объ понесенномъ мною оскорбленіи заставляла меня отказаться отъ даннаго обѣщанія. Чтобы сразу покончить я пошелъ къ командиру полка, Товбичу. Тотъ принялъ меня отменно любезно. Между прочимъ сообщилъ, что бѣжавшимъ казакамъ въ горы ничего не будетъ, если они вернутся назадъ, таково распоряженіе говорилъ онъ, главнокомандующаго.

Вотъ, видите, докладывалъ онъ мнѣ, само начальство хочетъ замять и потушить эту непріятную исторію! А, вы хотите подать рапортъ, опять эта несчастная, непріятная исторія всплыветъ наружу!

Возьмите вашъ рапортъ назадъ! Посудите сами!

Вамъ придется отвѣчать, вѣдь и вы виноваты! Не правда ли?

Согласитесь съ этимъ!

Разныя чувства волновали мою душу, какъ тутъ быть! Казалось бы полковникъ хотѣлъ извиниться. Я ждалъ.

Ну, посудите, конечно и я погорячился, но, повѣрьте, я не хотѣлъ этими, сказанными словами, нанести вамъ какое бы то ни было оскорбленіе!

Я думалъ, что такъ будетъ лучше!

Я думалъ, что это повліяетъ на казаковъ, когда послалъ Сансіева въ Екатериноградъ!...

Ну, что мнѣ было дѣлать.

Полковникъ продолжалъ: забудемъ прошлое, и будемъ вмѣстѣ служить, какъ велитъ Богъ и какъ приказываетъ долгъ!

Положеніе мое было крайне непріятное.

Помириться здѣсь, какъ будто бы не позволяла гордость, а не помириться было нельзя, такъ какъ полковникъ уже извинился достаточно, самое лучшее, что я могъ сдѣлать, это попросить отсрочку!

— Дайте, мнѣ г-нъ полковникъ, сроку на два дня, я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ.

Дѣло было улажено и недавняя ссора была забыта черезъ два дня.

Много бываетъ въ жизни человѣка непріятныхъ минутъ.

Служба въ 6-й сотнѣ доставила мнѣ немало непріятныхъ минутъ, но это

было не все. Я свой рапортъ взялъ назадъ, а мою сотню перевели съ Малки на Терскую дистанцію.

Моему возвращенію обрадовались и казаки.

Спустя немного времени полковникъ сдѣлалъ смотръ моей сотнѣ у поста Колодезнаго. Смотръ прошелъ блестяще, и казаки и я получили не разъ полную благодарность отъ командира полка, казалось все прошло благополучно, казалось всѣмъ непріятностямъ насталъ конецъ, долженъ былъ наступить полный миръ, но не тутъ то было.

Проводивши командира полка, я въ свою очередь сказалъ сотнѣ теплое, чувственное слово. Послѣ слова я вызвалъ впередъ двухъ казаковъ Тотикаева и Дигоева.

Скажите мнѣ, почему вы не исполнили приказанія и распоряженія вашего вахмистра Тускаева?

Полное молчаніе.

Я повторилъ снова вопросъ, слегка возвысивъ голосъ, заключая свой вопросъ словами, — оружіе долой!

Тутъ произошло что то необычайное и необыкновенное.

Тотикаевъ моментально выхватилъ шашку, намѣрѣваясь нанести мнѣ ударъ. Я остолбенѣлъ первое время, такъ какъ никогда даже и не могъ предполагать такой дерзости отъ нижняго чина, закричалъ на него и ударилъ нагайкой.

Что бы дальше случилось, одинъ Богъ знаетъ.

Но только его движеніе было моментально замѣчено, Тотикаева и другого казака, схватили и арестовали.

Вотъ и спокойствіе и вотъ конецъ непріятностямъ. А я только поздравилъ казаковъ съ миромъ и спокойствіемъ. Ужасно непріятная картина и положеніе.

Я сейчасъ же отправилъ арестованныхъ, при форменной запискѣ, въ Екатеринодаръ къ полковому адъютанту, сотнику Атарщикову, намѣрѣваясь подать рапортъ командиру, уже по возвращеніи его въ должность. По служебной надобности Товбичъ пробылъ въ Наурѣ 4 дня и возвращаясь назадъ, заѣхалъ къ моей матери, съ которой я жилъ вмѣстѣ. Родные и родственники виновныхъ казаковъ просили и меня, а больше мою мать, повліять и похлопотать за арестованныхъ.

Я далъ слово, что буду просить Товбича, чтобы онъ сдѣлалъ съ нихъ взысканія, суду же виновныхъ не предавать.

Съ Товбичемъ пріѣхалъ и мой пріятель Платоновъ. Платоновъ мнѣ сказалъ, что Товбичъ уже знаетъ всю эту исторію. На другой же день послѣ, какъ на тебя поднялъ шашку казакъ, пріѣхалъ отъ эсаула Занкисова посланный съ запиской и все по секрету разсказалъ командиру, послѣ же онъ самъ подробно узналъ о случившемся происшествіи.

Утромъ Платоновъ уллучилъ минуту и сказалъ мнѣ, что Товбичъ очень беспокоится и удивляется, что я ничего не говорю и молчу.

Я уговорилъ мать пойти и разсказать все по порядку, лишь кое-гдѣ смягчить отдѣльныя мѣста этого происшествія. Мать все разсказала и въ концѣ стала просить о помилованіи виновныхъ. Тутъ же былъ и я. Полковникъ обращается ко мнѣ со словами: Что такое! Скажите, что случилось! какъ будто все

услышанное для него большая новость, и все онъ слышитъ въ первый разъ. Я рассказалъ подробно, и заявилъ, что виновныхъ отправилъ къ полковому адъютанту при формальной запискѣ. — Ну, а копія съ этой записки у васъ есть? Нѣтъ, говорю нѣтъ, и сталъ просить его только сдѣлать домашнее взысканіе, суду же виновныхъ не предавать.

— Вѣдь князь Барятинскій простилъ и помиловалъ 23 бѣжавшихъ казаковъ, я думаю, полковникъ, вы простите и этихъ арестованныхъ казаковъ, развѣ только подвергнете ихъ дисциплинарному взысканію!

Полковникъ подумалъ, подумалъ и сказалъ: Завтра я буду въ Екатериноградѣ и буду говорить съ вами, какъ начальникъ... Этимъ и закончились наши разговоры. По приѣздѣ въ Екатериноградъ я очень просилъ Товбича посмотрѣть на это дѣло другими глазами, но полковой командиръ не согласился, а я въ концѣ-концовъ долженъ былъ подать рапортъ. Виновныхъ казаковъ судили, послѣ суда каждого наказали, дали первому 1000 ударовъ шпицрутенами, а другому 500 и обоихъ сослали въ Сибирь, перваго на 5 лѣтъ, а второго на 2 года, но не прошло и мѣсяца, какъ случилось новое событіе.

Казакъ станицы Черноярской Сеоевъ, вернувшись изъ „секретнаго поста“ повздорилъ съ своимъ сосѣдомъ. Повздорили и поругались. Обиженный сосѣдъ сказалъ, что пойдетъ жаловаться войсковому старшинѣ Хорцеву. Это былъ почтенный старикъ-осетинъ, уважаемый всѣми станичниками. Сеоевъ въ отвѣтъ сталъ ругать и сосѣда и Хорцева. Обиженный рассказалъ объ этомъ оскорбленіи другимъ казакамъ — старикамъ. У осетинъ же брань, а тѣмъ болѣе поношеніе почтеннаго и всѣми уважаемаго человѣка считалось большимъ оскорбленіемъ. Хорцевъ узналъ объ этомъ и подалъ рапортъ командиру полка. Получилась новая непріятность; но я еще ничего не зная о ней, былъ крайне удивленъ требованіемъ командира Сеоева къ себѣ. Взявши сотенный списокъ, увидѣлъ, что по росписанію Сеоевъ находился на секретномъ посту; чтобы провѣрить справедливость и вѣрность списка я рѣшилъ послать вахмистра Тускаева провѣрить ихъ и привезти съ собой казака Сеоева.

Вахмистръ розыскалъ Сеоева и приѣхалъ съ нимъ ко мнѣ (Тускаевъ былъ въ родствѣ съ Сеоевымъ).

— А, я, знаешь, все равно, живымъ въ руки не дамся! заявляетъ Сеоевъ.

— Да, что ты, бѣлены объѣлся, — замѣчаетъ вахмистръ, — вѣдь сотенный командиръ всѣхъ насъ защищаетъ, а если ты заочно выбранилъ Хорцева, то тебѣ до самой смерти ничего не будетъ!

— Да, это такъ, а я все же живымъ не дамся, заладилъ Сеоевъ.

Явился ко мнѣ вахмистръ и Сеоевъ. У меня былъ въ гостяхъ сотникъ Фроловъ. Проводивши гостя я занялся прибывшими, спрашивая въ чемъ было дѣло, зачѣмъ требуетъ командиръ Сеоева и т. д. до самыхъ мелочей.

— Успокаивая его сказалъ, завтра же я ѣду въ Екатериноградъ и общаю, что ровно тебѣ ничего не будетъ!

Написалъ рапортъ, передалъ его вахмистру и говорю, ну теперь поѣзжайте, только пусть арестованный предварительно оставить оружіе при конвойной командѣ.

Лишь только они вышли, а Сеоевъ опять за свое, „Я живымъ въ руки не дамся и оружія не положу и не отдамъ“.

— Вотъ, дуракъ то, — говоритъ вахмистръ — ты вмѣсто глупыхъ словъ, подалъ бы мнѣ лошадь!

Сѣли на лошадей и поѣхали.

Тутъ невдалекѣ встрѣтился урядникъ конвойной команды.

Вахмистръ передалъ ему конвертъ съ рапортомъ и говоритъ: „вотъ арестованный, возьмите у него оружіе, и поѣзжайте въ Екатериноградъ“, обращаясь къ Сеоеву, „ну, а ты молодецъ, слѣзай ка съ лошади и отдай сейчасъ же оружіе уряднику“!

Это были послѣдними словами вахмистра. Въ мгновеніе выхватилъ Сеоевъ пистолетъ и стрѣляетъ въ вахмистра въ упоръ. Пуля ударила въ кинжалъ, рикашетомъ отскочила немного выше, пробила желудочную полость и выскочила около послѣдняго ребра. Безъ единого слова вахмистръ свалился съ лошади, и упалъ безъ движенія. Сеоевъ же, воспользовавшись минутнымъ замѣшательствомъ, соскочилъ съ лошади и бросился бѣжать, караульный же казакъ, часовой на вышкѣ, сдѣлалъ выстрѣлъ по бѣгущему Сеоеву, но неудачно. Когда же урядникъ, онъ уже успѣлъ сбѣгать въ конвойную команду, взять оружіе и пригласить казаковъ, сталъ стрѣлять въ бѣглеца, его уже и слѣдъ простылъ.

Стрѣляли такъ, уже больше для очистки совѣсти.

Сеоевъ бросился бѣжать въ лѣсъ. Всѣ такъ растерялись, что никто не замѣтилъ, какъ на убитомъ вахмистрѣ загорѣлся ватный бешметъ *). Когда я прибѣжалъ, я первый увидѣлъ горящій бешметъ и затушилъ его. Оказалось, что вахмистръ тяжело раненъ и его перевезли въ госпиталь, въ Екатериноградъ. Преступникъ, какъ оказалось, уже успѣлъ переправиться черезъ Терекъ и скрылся въ горы, переправился онъ не далеко отъ Кабардинскаго поста. Въ этихъ мѣстахъ караулы и посты занимали казаки и мирные кабардинцы, подъ начальствомъ Азепшева. Я пригласилъ Азепшева и разказалъ ему — гдѣ переправился преступникъ, заявилъ, что онъ на основаніи Ермоловской прокламаціи долженъ доставить преступника или живымъ, или мертвымъ, за неисполненіе приказанія, — добавилъ я, — ты отвѣчаешь!

На девятый день Сеоева связаннаго по рукамъ и ногамъ, привели ко мнѣ, за это я отблагодарилъ кабардинцевъ, а арестованнаго же отправилъ въ Екатериноградъ. Здѣсь его судили, прогнали сквозъ строй 3-хъ тысячъ шпицрутеневъ и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы, на 10 лѣтъ.

Вахмистръ же черезъ 1^{1/2} мѣсяца поправился, но уже не могъ быть на дѣйствительной службѣ, вышелъ въ отставку хорунжимъ, имѣя за 25-юю службу георгіевскій крестъ. Служба въ этой, 6-ой сотнѣ, доставила мнѣ немало непріятностей. Но все же я всегда вспоминаю станицы Черноярскую и Новоосетинскую, гдѣ, въ 1-ой станицѣ, моими стараніями былъ поставленъ отличный запрестольный образъ Св. Николая, память котораго воспоминается 9-го мая, въ этотъ же день въ Новоосетинской церкви празднуется и престоль.

*) Верхняя одежда казака, родъ, видъ кафтана.

ГЛАВА VIII.

Служба въ Кубанской Области.

Въ Горскомъ полку я прослужилъ сравнительно не долго, но за то воспоминаній осталось довольно. Въ 1864 году я на долгое время покидаю Терскую область и перехожу въ Кубанскую.

Вскорѣ я былъ назначенъ командиромъ второго Урупскаго полка.

Много предстояло мнѣ дѣла въ должности командира. Первымъ моимъ дѣломъ было заселеніе богатаго, пустыннаго края. Мною былъ поселенъ полкъ въ совершенно незнакомой горной мѣстности и основаны станицы Подгорная, Спокойная, Удобная, Передовая, Исправная и Сторожевая; не прошло и года, пришлось устроить еще двѣ станицы Зеленчукскую и Карданикскую, на третій же годъ была основана станица Преградная.

Тяжело жилось здѣсь. Постоянно приходилось жить на чеку, малѣйшая оплошность, и смотри вышла какая-нибудь непріятная исторія. Сосѣди у насъ были очень непокойный и ненадежный народъ—горцы.

Въ первый же годъ угнали они скотъ изъ ст. Сторожевой, а во второй—изъ ст. Передовой и Зеленчукской. Но платились также и горцы, мы платили имъ тою же монетою. Въ это же самое время угналъ я у нихъ до 2000 головъ лошадей, которыхъ и отдалъ пострадавшимъ станицамъ.

Вотъ это дѣло помню хорошо; какъ сейчасъ. Это было уже въ сентябрѣ второго года, былъ предпринятъ походъ подъ начальствомъ полковника Войтинскаго, бывшаго начальника Лабинской линіи.

Прибывъ въ станицу Передовую, ночью мы отправились горною дорогою къ мѣстности, называемой горцами, Псимень. Передъ утромъ былъ очень сильный туманъ, горы и всѣ предметы приняли странныя очертанія; вдали мнѣ показалась масса барановъ, но проводникъ сейчасъ разсѣялъ мою ошибку, это были не бараны, а громадный табунъ лошадей. Въ этой мѣстности протекали соляные источники, въ этихъ же мѣстахъ горцы устраивали варницы, добывали соль, здѣсь же и пасли своихъ лошадей.

Такой массы животныхъ, такого громаднаго табуна я еще не видывалъ. Тихо и осторожно, надъ опушкой лѣса, пробирался съ тремя взводами, какъ вдругъ наткнулись на двухъ табунщиковъ. Моментально раздается выстрѣлъ,

табунщики въ сторону, испуганный же табунъ не бѣжитъ, летитъ въ противоположную сторону. Я старался нагнать лошадей, это было невозможно, и только лишь благодаря 3-мъ взводамъ кое-какъ успокоили взволновавшихся животныхъ; благодаря лишь большимъ усиліямъ намъ удалось пригнать лошадей—табунъ къ нашему главному пункту, нашей полевой штабъ-квартирѣ. Тутъ же, немного спустя, соединился съ нами батальонъ Брестскаго полка съ 2-мя орудіями. Я долженъ былъ съ 3-мя сотнями и отбитымъ табуномъ, по теченію рѣки Урупа, достигнуть Кувинскаго редута. Урупъ, быстрая горная рѣка, стремительно протекающая среди громаднхъ скалъ; на 10-ти-верстномъ разстояніи встрѣчаются всего только лишь 3 спуска къ рѣкѣ, и вотъ въ этихъ мѣстахъ я и оставилъ взводъ казачковъ. За мною долженъ былъ слѣдовать Войтинскій, и не займи я мѣстъ спуска, было бы плохо.

Но все же отрядъ Войтинскаго не сдобровалъ. Горцы заняли болѣе удобныя мѣста, и изъ отряда Войтинскаго было убито 17 человѣкъ, да ранено 52; тѣмъ не менѣе наши трофеи были громадны, нами было взято до 2000 лошадей, 60 буйволовъ и быковъ, да, кромѣ того, 6 человѣкъ плѣнныхъ.

Буйволовъ и быковъ отдали войскамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи, Войтинскому—60 матокъ и 5 жеребцовъ, мнѣ 24 матки и 2 жеребца, офицерамъ по самой лучшей верховой лошади. Остальныхъ же лошадей продали съ аукціоннаго торга, полученныя деньги дали пострадавшимъ станицамъ (Сторожевой, Зеленчукской и Передовой) и все же еще осталось 1117 рублей. Эти деньги были отправлены командующему войсками ген.-лейт. Филиппсону, для записи въ экстраординарный капиталъ.

Горцы старались не разъ отбить у насъ этотъ табунъ обратно, но это было не такъ-то легко, его стерегли 400 казаковъ, а на ночь табунъ загонялся въ станицу Отрадную. Изъ этого же табуна покупали себѣ лошадей и горцы, лошади были очень хороши, за нѣкоторыхъ платили 132 и болѣе рублей, а это цѣны, и очень большія въ то время.

При устройствѣ станицъ въ каждой полагалось по 300 дворовъ, причемъ дворъ составляли 3-ое мужчинъ, способныхъ носить оружіе, такъ что, если войска, или, сотню вывести изъ станицы, все же оставалось населеніе, способное обороняться. При постройкѣ каждой станицы полагалось по 2 батальона пѣхоты и по 5 сотенъ казаковъ, и, кромѣ того, на каждую станицу полагалось еще по два полевыхъ орудіа. Въ каждой такой вновь оборудованной и устроенной станицѣ полагалось по 3 офицера; этимъ офицерамъ-поселенцамъ давались подъемныя деньги, усиленное жалованье, а также и „провіантъ“ на все семейство, наравнѣ съ жителями. Жители же, мужчины, отъ 18 и до 70 лѣтъ, получали по 2 р. 37 к. ежемѣсячно.

Въ началѣ контингентъ офицерства былъ очень слабый во всѣхъ отношеніяхъ; шли старые, слабые здоровьемъ, пьяницы и т. д. Бывало не разъ, что офицеръ, уставъ служить въ полку, а просто и такъ, наскучивъ полевой бивуачною жизнью, съ охотою шелъ въ поселенцы, тѣмъ болѣе устроить это было не трудно; стоитъ только подать докладную записку и разрѣшеніе командира на увольненіе.

Въ моемъ 2-мъ Урупскомъ полку служило много такихъ переселенцевъ. Изъ особенно хорошихъ и выдающихся офицеровъ былъ штабсъ-капитанъ Брестскаго полка баронъ фонъ-Норденштейнъ, онъ у меня служилъ въ 3-ей сотнѣ, былъ ея командиромъ и командиромъ сотни станицы Передовой. Командиромъ первой сотни и ст. Сторожевой былъ Евсѣевъ, второй — Агibalовъ, третьей — Штейнъ, четвертой — Тимоновъ, пятой — Логвиновъ, шестой же — Пустошкинъ.

Селились выходцы изъ Донскихъ казаковъ, изъ Черниговской и Полтавской губ., со своими священниками.

Началъ я сначала разбираться съ анапскими поселенцами; кто они, что хотятъ и т. д. Оказалось, что они жили по берегу Чернаго моря до 1853 года, у нихъ было имущество, церковное имущество, все это они закопали, и прослышавъ, что открылись новыя поселенія на Усть-Лабѣ, а также зная обѣщанія начальства заплатить за всѣ протори и убытки, отправились сюда. У нихъ оказались также и книги—ревизскія сказки. Только тамъ слова попадались мало понятныя: „водворенные“, „не водворенные сироты“. Кое какъ и съ большимъ трудомъ удалось узнать, что не водворенные „это не имѣющія ни хаты, ни жинки“, такихъ оказалось порядочное количество.

Я еще раньше послалъ въ г. Ставрополь узнать, какъ поступать съ поселенцами, дѣйствовать ли на основаніи данной инструкціи, или же еще какимъ-нибудь образомъ. Къ новымъ прибывшимъ 1000 семействамъ я примѣнилъ старую инструкцію, на основаніи которой заселялись станицы; т. е. отецъ и два сына должны считаться по одной сказкѣ, трое отдѣльныхъ братьевъ тоже должны считаться въ одной сказкѣ. Холостые же могутъ жениться, а тогда лишь могутъ составить дворъ. Но и тутъ, въ брачныхъ дѣлахъ, вышли недоразумѣнія. Священники, прибывшіе вмѣстѣ съ поселенцами, въ количествѣ 5 человекъ, потребовали за каждую свадьбу 50 руб. При моемъ объясненіи съ ними, они заявили, что въ продолженіе 4-хъ лѣтъ никакихъ доходовъ не получали. На всѣ мои убѣжденія взять меньше, они не согласились, всѣхъ же желающихъ повѣнчалъ станичный священникъ, довольный и трехрублевымъ гонораромъ, новыхъ, неожиданныхъ прихожанъ; въ теченіе 6-ти дней было обвѣнчано 46 паръ, всѣхъ же желающихъ было повѣнчано 53 пары.

Къ концу сентября 1867 года прибылъ ко мнѣ командированный чиновникъ изъ города Ставрополя, г. Сухоруковъ. Онъ заявилъ мнѣ, что наказный атаманъ исполнѣ входитъ въ мое трудное положеніе, и надѣется, что я самъ устрою и разберу это дѣло, на основаніи данной инструкціи.

Разсмотрѣвъ ревизскія сказки 1200 семействъ, мы съ совѣтникомъ Сухоруковымъ, съ большими натяжками, собрали только 180 семействъ, остальные же не могли составить сказокъ, на основаніи данной мнѣ инструкціи.

Поэтому, не пожелавшихъ записаться въ общія сказки я отправилъ въ вновь устраиваемыя станицы и на благоусмотрѣніе войскового начальства „сиротъ же и неводворенныхъ“ отправить въ Анапу и Черноморье, доживать тамъ остатки дней своихъ, совсѣмъ же не подходящихъ къ инструкціи отправить на линію Кавказскаго войска, гдѣ они и были устроены, но уже гораздо позже. Обо всемъ

этомъ я, конечно, донесъ Филиппсону, командиру лѣваго фланга и наказному атаману бывшаго Черноморскаго войска.

Случайно я встрѣтился съ нимъ, хотѣлъ ему представиться, но когда онъ узналъ, что это я, то притворился спящимъ. Вѣрно, хлопотъ и непріятностей съ этими „сиротами и не водворенными“ я ему доставилъ не мало. Такъ дѣло и кончилось.

Спустя лишь только довольно продолжительное время ко мнѣ явились полковникъ Корсунъ и шт.-кап. генеральнаго штаба Чернявскій, бывший начальникъ Ананскихъ переселенцевъ, Маскинъ. Отрекомендовавшись, они заявили, что явились проконтролировать мои дѣла, такъ какъ до ген.-лейт. Филиппсона дошли слухи, что я де очень строгъ и сурово отношусь къ переселенцамъ. Они просили меня показать списки переселенцевъ и также всѣ необходимыя бумаги.

Я показалъ имъ также и инструкцію, утвержденную Наказнымъ Атаманомъ Кавказскаго линейнаго войска, и заявилъ, что на основаніи вотъ этой инструкціи и дѣйствую. Со всѣмъ этимъ неожиданные ревизоры согласились и всѣ поступки и постановленія нашли правильными, о чемъ ими и былъ составленъ актъ. Актъ этотъ былъ подписанъ тремя, я же просилъ присоединить къ этимъ тремъ подписямъ и мою, и пожелалъ также снять съ нея копію. Такъ и кончилось это достопамятное дѣло о переселенцахъ.

Все же о поселенцахъ я не кончилъ.

Поселенцы, по крайней мѣрѣ, изъ Анапы и остальнаго Черноморія были бѣглые крестьяне изъ Россіи. Сначала они устраивались сами, а затѣмъ устраивали и свои семьи; никто имъ не мѣшалъ, никого они не боялись, такъ какъ жили они подъ прикрытіемъ 10-ти линейныхъ батальоновъ. Изъ-за этихъ то переселенцевъ я лично послужилъ не малымъ раздоромъ между ген. Родзевичемъ и наказнымъ атаманомъ Филиппсономъ.

Послѣдній упрекалъ Родзевича въ назначеніи меня на такой отвѣтственный постъ, какъ заселеніе станицъ. Родзевичъ же очень, даже очень хорошо отзывался о моей дѣятельности, донесъ о моихъ дѣйствіяхъ въ послѣдствіи намѣстнику Кавказа. Все это было въ высшей степени непріятно Филиппсону, онъ даже не захотѣлъ и разговаривать со мной въ ст. Усть-Лабинской, чрезъ которую проѣзжалъ—притворился спящимъ, иначе чѣмъ бы могъ я объяснить его такое странное поведеніе. Также остался недоволенъ Филиппсонъ и дѣйствіями ревизіонной комиссіи, въ особенности моею подписью на актѣ, а также и снимкой съ него копій.

Во время этихъ исторій случился очень печальный фактъ въ крѣпости Надеждинской, въ послѣдствіи ст. Сторожевой.

Здѣсь находились переселенцы, ночь они проводили подъ прикрытіемъ крѣпости. Случайно въ этой крѣпости былъ и Филиппсонъ. Онъ собирался уже уѣзжать, какъ вдругъ горцы угнали весь скотъ у поселенцевъ. Была послана погоня, но толку было мало, было сдѣлано нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ, было нѣсколько убито, а все же отбить угнаннаго скота не могли, маловато было кавалеріи.

Филиппсонъ пробылъ здѣсь еще нѣсколько дней, и благодаря его настояніямъ

составъ кавалеріи при каждой станицѣ былъ увеличенъ до 3-хъ сотенъ казаковъ, взвода конной артиллеріи, количество пѣхоты осталось то же.

Въ 6 станицъ, расположенныхъ по теченію рѣки Урупа, прибыло 42 семейства Анапскихъ поселенцевъ.

Эти поселенцы порядочно досадили мнѣ и раньше, а теперь еще больше. Безконечные рассказы и канюченія у начальства и жалобы, чтобы заплатили имъ за оставленное имущество, прямо отравили всѣмъ существованіе. Мало того. Два старика изъ хлопцевъ, подъ предлогомъ богомолья въ Кіевъ, отправились въ Петербургъ хлопотать предъ Государемъ о возмѣщеніи потерь и убытковъ. Тамъ узнали, что это были „за гуси“, и препроводили ихъ снова назадъ, мнѣ же была прислана бумага съ поясненіемъ, разъяснить поселенцамъ, что всѣ ихъ ходатайства ни къ чему; а также потребовать подписки, что претензій никакихъ они больше не имѣютъ.

Я пріѣхалъ въ первую же станицу, Спокойную, собралъ сходъ. На сходѣ прочитали бумагу, я обращаюсь къ анапцамъ: „Ну, слышали, что пишетъ начальство“?—„слышали!“ „Ну подписывайтесь!“ „Николи! Не можемъ! И руки не дадимъ!

Хорошо, говорю я есаулу Логинову, присутствовавшему здѣсь.

Мы составимъ два списка, вы, есауль будете записывать въ рай, кто подпишется, а кто нѣтъ, тотъ будетъ записанъ въ адъ.

Доходитъ очередь до писаря, завѣдывавшаго списками въ адъ.

— Я хоть и завѣдую адомъ, а хочу въ рай, говоритъ онъ, росписывается въ списокъ Логинова.

Это подѣйствовало.

Остальные подписывались тоже, и этимъ, кажется, инцидентъ исчерпанъ.

Осталось не подписавшихся только 2, но и тѣ, видя, свое положеніе, стали на колѣни, стали просить о прощеніи. Простилъ. Другія станицы неповиновенія не оказали.

Слава Богу, раздѣлался, кажется, съ этими поселенцами, досадили мнѣ немало.

Во время формированія сотенъ, командиръ 3-ей сотни фонъ-Штейнъ попросилъ запечатлѣть на картинѣ всѣхъ присутствующихъ. Получилась довольно интересная и оригинальная картина, всѣ поселенцы въ своихъ національных костюмахъ (выходцы изъ Донского, Оренбургскаго войска, изъ внутреннихъ губ. и др.) тутъ же линейные казаки и я верхомъ на лошади. Вышло не дурно!

Во время составленія сотенъ мною были получены и винтовки, для вооруженія станичниковъ, новой бельгійской системы, такъ называемыя винтовки Танера, всего 50 ящичковъ. Винтовки эти сослужили не малую пользу въ дѣлахъ съ горцами. Въ началѣ, казаки съ Дона, да и другіе съ большимъ неудовольствіемъ, а то и прямо не хотѣли брать Танеровскихъ ружей. Правда, оно было тяжелѣе азіатской винтовки, но все же я рѣшилъ испробовать.

На не большомъ разстояніи, 200 шагахъ, всѣ преимущества были за нашею, азіатскою винтовкою, на разстояніи 400—600 шаговъ она уступала, на разстояніи 1200 шаговъ она совершенно не могла соперничать съ Танеровской.

Казакѣ, увидавъ ея преимущество, охотно брали, но все же въ виду ея тяжеловѣсности, я разрѣшилъ на джигитовкахъ брать свои азіатскія ружья. Не разъ служили эти винтовки, Танеровскія, хорошую службу. При встрѣчахъ съ горцами, они не могли отвѣчать намъ на такое далекое разстояніе и должны были уходить во свояси...

Все же нужно сказать, что горцы прилагали всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать заселенію станицъ. Возлѣ самыхъ станицъ они ставили пикеты и сторожевые посты, и всякаго, удалившагося, или отставшаго отъ главной колонны убивали, или брали въ плѣнъ.

Разъ случилось лихое дѣло у ст. Сторожевой. Предъ станицей возвышалась порядочная гора, подъ нею, или за нею постоянно скрывалась засада и ввиду этого на горѣ постоянно дежурилъ нашъ пикетъ.

Вотъ и въ этотъ разъ, дежурная была сотня Донского полка, Ооминъ, дежурный командиръ, отправилъ 6 человѣкъ казаковъ, занять пикетъ на горѣ. Но не успѣли казаки достигъ горы, какъ трое было убито, а 3-е взято въ плѣнъ; самъ же Ооминъ, поѣхалъ осматривать дозоромъ мѣстность по рѣкѣ Кефаръ. Услышавъ выстрѣлы, Ооминъ сейчасъ же поворачиваетъ лошадей, бросается въ догонку за хищниками. Услышавъ тревогу и выстрѣлы, я съ резервной сотней, а также 3 сотнями казаковъ бросились по той же дорогѣ; тревога была полная! Пѣхота была тоже готова, но ей я приказалъ слѣдовать по дорогѣ Бежгона, къ такъ называемой, мечети.

Горцы, ихъ было 1000 человѣкъ, а можетъ быть и больше, были хорошо скрыты, пропустивъ и кавалерію и пѣхоту (имъ показалось, что кавалеристовъ у насъ еще больше, чѣмъ у нихъ) бросились къ станицѣ. Въ станицѣ сначала подумали, что это возвращаюсь я, но, замѣтивъ свою ошибку, сейчасъ же стали стрѣлять изъ орудій. Выстрѣлы были очень удачны, картечь падала въ самую толпу и не смотря на свое желаніе горцы не могли захватить и угнать скотъ.

Послѣ мы собрались у мечети, но горцевъ уже не было. Тутъ же я сталъ выговаривать Оомину, отчего онъ не послалъ большее количество казаковъ занять гору, онъ говорилъ, что только было лошадей. Потомъ сталъ говорить про убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ.

Вѣдь, подумайте, говорилъ онъ мнѣ, что будутъ говорить на Дону, когда узнаютъ, что Донцы съ пиками взяты въ плѣнъ! Вѣдь весь Донъ возмутится! Это стыдъ. Вѣдь догнать не жалко, не трудно, а вотъ жаль, что пики взяли, — и долго еще сокрушался на эту тему.

На другой день ко мнѣ пріѣхалъ уздень-Тазартуковъ, тоже участвовавшій въ этомъ дѣлѣ, только со стороны горцевъ.

— А, ты знаешь, кунакъ, тебя вчера убить хотѣли. Благодарѣ Аллаху что живъ остался!.. — рассказывалъ онъ мнѣ. Только благодаря какой-то счастливой случайности я остался живъ, а то не сносить бы буйной головушки. Все же нападеніе было отбито, а плѣнные (наши) были выпущены.

Такія тревоги случались очень часто, и разъ благодаря вмѣшательству полковника Чихачева, измѣнившему мои распоряженія, у насъ угнали скотъ, а также и полковыхъ лошадей. Прогнали скотъ и лошадей, почти, что, передъ нашимъ

носомъ, но это ужъ не моя вина, не вмѣшайся Чихачевъ, мой хорошій знакомый, пожелавшій дать понять, что онъ старшій, а не я! Я долженъ былъ повиноваться, дисциплина прежде всего, но... отъ этого вышли печальные результаты.

Были также угнаны полковые лошади изъ ст. Сторожевой и Зеленчукской.

Тутъ же я далъ слово освѣтить (познакомиться) всѣ эти мѣста, чтобы хотя немного расчистить мѣстность; а то прямо невозможно, кругомъ засады, горцы, того и гляди подстрѣлятъ.

Сдѣлавъ представленіе по начальству, получился вполнѣ благопріятный отвѣтъ.

Экспедиція эта была въ 1869 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Участвовали въ ней много кабардинскихъ князей, жившихъ на лѣвомъ берегу Большого Зеленчука, Кайтуковы, Беслановы и др. Еще въ сороковыхъ годахъ они бѣжали изъ Кабарды и поселились здѣсь на берегахъ Кубани.

Сначала мы поѣхали всѣ на лошадяхъ, но затѣмъ, по совѣту кабардинцевъ, двинулись пѣшкомъ. Всего насъ было народу порядочно, человѣкъ 300. Первые дни никого не видали, только лишь по пути занялись охотою. Охота была очень удачная, въ то время лѣса вездѣ были первобытные, звѣря всякаго водилось множество, но на всякій случай взяли съ собою аптеку, доктора, 2 фельдшеровъ и 10 ведеръ водки.

Намъ предстояло, или обогнуть вершины Бежгона, или обойти дальнимъ окольнымъ путемъ, чтобы выйти къ берегамъ рѣки Кефаръ. На третій день мы уже ночевали на вершинѣ Бешгона, а затѣмъ рѣшили спуститься и подняться на вершины Большого Зеленчука.

На утро, наши „мирные“ горцы, стали подниматься въ гору. Но кое-кто и остался.

Только лишь князь Кайтуковъ осматривается по сторонамъ, потираетъ руки, и обращаясь ко мнѣ говорить:

— А, знаешь кунакъ, будетъ „хабаръ!“ (добыча).

Удивляюсь, откуда онъ его видитъ, нюхомъ, что ли слышитъ!

Правда, черезъ 10—15 минутъ прибѣжалъ къ намъ горецъ, лопочетъ что то, и только повторяетъ „медовѣй, медовѣй“.

Дѣло быстро объяснилось, они нашли медовѣевъ*). Сейчасъ же было рѣшено, что князя Беслановъ, Кайтуковъ и 50 чел. казаковъ обогнуть гору и зайдутъ въ тылъ. Казаки освободились отъ излишней ноши, сняли полушубки и отправились, простоявъ 3 часа подъ горою, чтобы дать возможность Бесланову и казакамъ обойти ее кругомъ.

Я же, съ своей стороны, приказалъ 10 горцамъ и 5 казакамъ, лучшимъ стрѣлкамъ, обогнуть бугоръ и спуститься, по направленію медовѣевцевъ. Разстояніе было версты три, спустились съ горы и снова поднялись. Все стало видно, какъ на ладони, увидѣли и медовѣевцевъ. Ихъ было человѣкъ 9—10, да съ ними три лошади, должно быть были охотники.

Имъ стали кричать:—И мы охотники, и русскіе съ нами пришли охотиться, покажите гдѣ удобно, и гдѣ можно найти зубровъ!

*) Племя чеченцевъ, еще не покоренное.

Медовѣвцы ни слова, стали выючить своихъ лошадей и уходить въ гору.

Я скомандовалъ. Два урядника и 3 казака прицѣлились, и... двухъ медовѣвцевъ не стало. Дистанція была самая дальняя, больше 1200 шаговъ.

Медовѣвцы, снимаютъ вьюки, торопятся положить убитыхъ, но не тутъ то было...

На противоположныхъ горахъ показались Беслановъ, Самойловъ, Дугинъ и казаки. Началась перестрѣлка. У насъ убили казака и одного горца, всѣ же медовѣвцы были перебиты. Спустившись къ Зеленчуку, мы нашли три балагана медовѣвцевъ; въ этихъ балаганахъ нашли вяленыхъ козъ и оленей, видно заготовляли запасы, а для чего! Спускаясь по Зеленчуку, мы дошли до старыхъ церквей.

Объ этихъ древнихъ храмахъ мнѣ еще и раньше говорили горцы. Этимъ неожиданнымъ явленіемъ я былъ очень обрадованъ. Вотъ они, эти древніе храмы, генуэзцевъ или венеціанцевъ, воздвигнутые въ V—VI вѣкѣ по Р. Х. Дѣйствительно, это были великолѣпные памятники прошлаго. Жаль только, что они отдали дань времени, штукатурка обвалилась, но все же прекрасная, изящная живопись сохранилась довольно хорошо.

Отъ времени и запущенія стѣны поросли кустарникомъ, а въ одной изъ церквей выросли два дерева, одно изъ нихъ красное, называемое мѣстными жителями „нигной“. Всѣхъ церквей 5, въ настоящее время церкви эти реставрированы; устроенъ Александро-Зеленчукскій монастырь. Спустя 30 лѣтъ я былъ снова въ этихъ мѣстахъ, смотрѣлъ монастырь, а также ревизовалъ его, согласно данной инструкции, но уже все имѣло другой видъ!

Этимъ наша экспедиція была закончена, половина отряда раздѣлилась, Самойловъ и казаки пошли въ ст. Зеленчукскую, я же и горцы отправились въ ст. Сторожевую.

Не доходя 5 верстъ ст. Зеленчукской Самойловъ убилъ 2 великолѣпныхъ барсовъ. Барсы не мало принесли вреда Зеленчукцамъ, частенько уносили барановъ и мелкій скотъ. Теперь одинъ изъ нихъ у меня: шкура виситъ на стѣнѣ, хвостъ и заднія лапы растянуты по потолку, другого же звѣря — шкуру я подарилъ Леонтьеву.

Случались въ станицахъ и ложныя тревоги, такъ случилась разъ ложная тревога, гдѣ командиромъ сотни и воинскимъ начальникомъ былъ фонъ-Штейнъ — въ ст. Передовой. Изъ сигнальной пушки выстрѣлили нѣсколько разъ, количество выстрѣловъ, необходимое для тревоги. Въ станицѣ не была пирушка. Я узналъ о тревожныхъ выстрѣлахъ, на рысяхъ прискакалъ съ сотнями въ станицу, думалъ тамъ найти Богъ знаетъ что, а увидѣлъ, что вся публика преспокойно бражничаютъ, оказалось недоразумѣніе, артиллерійскій офицеръ, хорунжій Аверинъ, переборщилъ!

Фонъ-Штейнъ сталъ просить простить виновнаго, виновать не онъ, а я, такъ какъ я просилъ его ради потѣхи стрѣлять, а онъ, возьми, да закати всѣ положенныя сигнальныя выстрѣлы, ужъ лучше, Вы, меня, Ваше Высокоблагородіе, отправьте на гауптвахту! Ну, что прикажете дѣлать съ такою публикою!

Кстати прибавлю, фонъ-Штейнъ былъ прекрасный и исправный офицеръ, пользовавшійся всеобщею любовью своей сотни.

Казаки и горцы были непримиримые враги, постоянныя вылазки, постоянныя нападенія ожесточали и безъ того черствыя сердца суровыхъ воиновъ. Успѣхъ былъ переменный, сегодня казаки сдѣлали удачный набѣгъ, завтра горцы. Но бывало и такъ, что было много раненыхъ и убитыхъ и съ той и другой стороны.

Близъ станицы Исправной, у Хоперскаго полка была настоящая битва съ горцами. Сравнивая настоящія войны и то ничтожное, конечно, сравнительно количество убитыхъ, всякая мало-мальски порядочная схватка съ горцами была битвой.

Казаки спѣшившись, отстрѣливались, какъ могли, но все же потеряли 65 человекъ, но зато и горцамъ не посчастливилось, у нихъ вышло изъ строя 100 человекъ, не считая раненыхъ...

Не разъ наши казаки устраивали партизанскіе походы, чтобы отогнать чрезмѣрно насѣдавшихъ горцевъ. Особенно удачны были партизанскія движенія сотника Дугина и хорунжаго Содлуцкаго. Три раза они поднимались отъ ст. Самурской вверхъ по рѣкѣ Цицѣ и постоянно съ большимъ успѣхомъ, обыкновенно забирали много скота, сжигали сакли, убивали сопротивлявшихся. На третій разъ такихъ охотниковъ пошло болѣе ста пятидесяти человекъ. Начало движенія было тоже удачное, неостанавливаясь прошли сожженные прошлый разъ сакли. По дорогѣ показалось селеніе, сожгли и его, но бѣда была уже близко. Въ таинственномъ молчаніи по всюду слышалась тревога, а тутъ еще отрядъ раздѣлился на двѣ части. Врагъ же не дремалъ, скрытый отъ взоровъ балками, лѣсами, онъ постоянно стерегъ казаковъ.

Идутъ казаки подъ командою сотника Дугина, вдругъ изъ подъ земли, неба ли, раздается залпъ. Повалились съ лошадей казаки и сотникъ. Это было началомъ конца. Казаки бросились въ разсыпную, хорунжій Содлуцкій старается какъ можно скорѣе перебраться черезъ оврагъ, чтобы соединиться съ остальною частью отряда, но тутъ же наткнулся на другую толпу горцевъ. Началась перестрѣлка, Содлуцкій получилъ 6 ранъ, три ружейныхъ и три шашечныхъ; всѣми мѣрами и способами казаки отступаютъ отъ насѣдавшихъ горцевъ, но въ концѣ концовъ должны сдаться въ плѣнъ. Изъ всѣхъ 150 человекъ осталось только 63, которые, съ громадными трудностями, забрались въ горы, и засѣли здѣсь въ скалахъ, рѣшивъ лучше погибнуть, чѣмъ сдаться.

Къ вечеру горцы обложили со всѣхъ сторонъ эту небольшую кучку храбровъ. По временамъ горцы кричали сдавайтесь, осажденные отвѣчали выстрѣлами. Прошла ночь. На другую ночь рѣшили сдѣлать вылазку: рѣшили послать одного въ противоположную сторону, а самимъ отвлечь вниманіе горцевъ въ другую; въ случаѣ неудачи посланный пусть выстрѣлитъ; тогда все кончено, тогда смерть.

Попытка эта удалась какъ нельзя лучше. Рисковавшій жизнью, получившій еще раньше двѣ раны, казакъ благополучно пробрался сквозь сонное кольцо, обложившихъ несчастныхъ храбрецовъ, горцевъ.

Такъ онъ шелъ трое сутокъ, на третьи сутки встрѣтилъ отрядъ князя Амилахвари, возвращающагося обратно, послѣ неудачныхъ поисковъ, пропавшихъ безслѣдно казаковъ. Сейчасъ же драгуны, это былъ драгунскій, Нижегородскаго драгунскаго полка, отрядъ, повернулъ обратно и было уже давно пора. Казаки вели самую слабую стрѣльбу, не хватало патроновъ. Горцы еще раньше замѣтили спѣшившій на выручку отрядъ, рѣшили повторить атаку на засѣвшихъ, но безрезультатно, были удачно отражены, даже трое убито. При приближеніи отряда, горцы поспѣшно отступили въ горы.

Князь Амилахвари освободилъ казаковъ и вмѣстѣ съ ними вернулся въ ст. Самурскую. Оказалось потомъ, что Содлуцкій былъ взятъ живымъ и черезъ 20 дней былъ выкупленъ у горцевъ.

Оказавшіеся въ такомъ критическомъ положеніи казаки избрали храбраго Самурца, казака Евтушенко, который былъ душой маленькаго, состоявшаго изъ 63 человекъ, отряда. Благодаря его благоразумнымъ распоряженіямъ, онъ отобралъ у всѣхъ патроны и выдавалъ каждому по 3, а затѣмъ по мѣрѣ надобности, казаки отсидѣлись, и не дали себя въ обиду горцамъ.

По донесенію князя Амилахвари отряду было дано 5 георгіевскихъ крестовъ. Первый былъ данъ Евтушенко, два другихъ далъ самъ Евтушенко своимъ сотоварищамъ по несчастію; относительно двухъ послѣднихъ команда сама распорядилась второй крестъ дать тоже Евтушенко, и тому казаку, который привелъ подкрѣпленіе. За этотъ подвигъ Евтушенко былъ произведенъ въ урядники, и былъ ординарцемъ въ моемъ полку, стоявшемъ въ ст. Пшихской, при проѣздѣ Великаго Князя Михаила Николаевича. Содлуцкій же былъ назначенъ воинскимъ начальникомъ. Во время представленія Его Высочеству г.г. офицеровъ, онъ очень дивился и все время смотрѣлъ на шею Содлуцкаго, гдѣ зіяли страшныя раны. Содлуцкій прожилъ лѣтъ 15, и благодаря моимъ хлопотамъ получилъ болѣе покойное мѣсто, онъ былъ назначенъ комиссаромъ госпиталя города Георгіевска. Тамъ же онъ и женился и у него было два сына. Они имѣютъ право получить, если только не получили, земельный надѣлъ въ 200 дес. и 50 дес., каковой надѣлъ былъ назначенъ всѣмъ офицерамъ-поселенцамъ 24 полка. Содлуцкій числился по войску въ станицы Пшихской, нынѣ ст. Черниговской.

Пишу эти строки на всякій случай, можетъ быть дѣти Содлуцкаго случайно прочитаютъ эти строки, быть можетъ они не знаютъ, что имъ принадлежитъ по праву службы отца.

Кавказъ русскія войска хотя и покорили, но все же между мирными племенами встрѣчаются и не мирныя; такимъ не мирнымъ племенемъ въ мое время были Хакучинцы. Генералу Своеву приказано было разузнать, что изъ себя представляетъ племя Хакучей, а если они не мирныя, то взять ихъ въ плѣнъ. Хакучи вредили нашимъ горнымъ станицамъ, а также и станицамъ, расположеннымъ по берегу Чернаго моря.

Вначалѣ бесплодно ходилъ отрядъ по невозможнымъ горнымъ трущобамъ, тщетно стараясь найти Хакучей, только лишь на третій день двое изъ дежурныхъ Севастопольскаго полка, внизу, въ горной долині, замѣтили какое то движеніе.

Полковникъ Гейманъ, командиръ Севастопольскаго полка, сдѣлалъ распоряженіе послать роту своего полка и 50 казаковъ пѣшими, да и кромѣ того еще 21 конныхъ. Два дозорныхъ казака замѣтили дѣтей и женщинъ, должно быть Хакучинцевъ. Одинъ изъ дозорныхъ пошелъ и доложилъ Гейману, онъ выслушавъ казака послалъ еще 50 чел. солдатъ и 20 чел. казаковъ. Они должны были занять вершины и проходы. Гейманъ же съ остальнымъ отрядомъ спустился внизъ въ ущелье. Здѣсь имъ были найдены пещеры, въ этихъ пещерахъ и ютились Хакучинцы. Изъ пещеры выскочило 5—6 вооруженныхъ мужчинъ, имъ кричали, чтобы они бросали оружіе и сдавались, но они, какъ полоумные бѣжали на главную колонну.

Въ этихъ пещерахъ было взято до 18 человѣкъ дѣтей и женщинъ, это были совершенно нагія существа, лишенные человѣчности.

Бѣжавшихъ мужчинъ убили, но и они также убили троихъ. Тутъ стали ходить и подниматься по всевозможнымъ балкамъ, воробынымъ дорожкамъ, всюду отыскивали пещеры, а въ нихъ Хакучей. Было взято человѣкъ 50 стариковъ, женщинъ и дѣтей, молодые же пробовали сопротивляться, но за сопротивленіе были всѣ перебиты. Къ вечеру собрали всѣхъ плѣнныхъ, ихъ было человѣкъ до 100 и вернулись къ главному отряду, расположенному подъ командою ген.-лейт. Своева.

На другой день узнали, что въ сосѣднемъ ущельѣ живутъ тоже Хакучи.

Стали просить взятыхъ въ плѣнъ стариковъ быть проводниками, но они отказались; но все же пошли съ отрядомъ. Въ сосѣднемъ ущельѣ также найдены были пещеры и совершенно нагіе старики, женщины и дѣти. Тутъ же въ ихъ пещерахъ были найдены каштаны и волоцкіе орѣхи. Вездѣ, по этимъ горамъ, гдѣ жили Хакучи, росли громадныя каштановыя и орѣховыя (волоцкія) деревья. Плоды ихъ служили Хакучамъ пищею. Вооруженные мужчины убѣжали, хотя ихъ и розыскивали нѣсколько дней, но безуспѣшно.

Вечеромъ собрали всѣхъ Хакучинцевъ въ одинъ лагерь; какъ вдругъ раздался страшный плачъ и прямо ревъ, это плакали и ревѣли Хакучинцы. Они думали, что ихъ сейчасъ же всѣхъ перерѣжутъ; испуганныхъ и трясущихся дикарей успокаивали какъ могли, давали имъ одежду, одѣвали въ нижнее мужское бѣлье женщинъ, стараясь показать какъ можно болѣе участія къ несчастнымъ плѣнникамъ. Всѣхъ ихъ переселили въ Армавиръ, но и тутъ бѣднымъ Хакучинцамъ не повезло. На бѣду случился тифъ, страшная эпидемія больше половины унесла въ могилу. Оставшихся переселили въ Коноковскій аулъ, сиротъ—мальчиковъ и дѣвочекъ разобрали русскіе поселенцы, впослѣдствіи ихъ крестили, и они вполнѣ ассимилировались съ русскимъ населеніемъ.

Командиромъ и начальникомъ отряда былъ Своевъ. Не понимаю почему, а только Своевъ не могъ спокойно и равнодушно переносить перестрѣлку. Какъ только начиналась перестрѣлка, его начинала бить лихорадка, онъ блѣднѣлъ,

голосъ его дрожалъ, и онъ едва, едва, слышнымъ голосомъ отдавалъ приказанія. Вначалѣ Своевъ служилъ въ гвардіи, въ Петербургѣ, и потому очень удивлялся, какъ такъ Кавказская армія совершенно не знаетъ, ни тактики, ни службы. Это вполне понятно, все время приходилось проводить въ горахъ, всѣ парады, ровный, мѣрный шагъ отсутствовалъ.

Вначалѣ Своевъ удивлялся, а потомъ понялъ, это говорить всему виною Кавказская война.

— Ну, это ничего, я васъ научу маршировкѣ! говаривалъ онъ.

Онъ подтягивалъ солдатъ, подтягивалъ офицеровъ, даже командировъ полковъ. Исполдволь, и понемногу, онъ вводилъ въ вѣренныхъ ему войскахъ правильную маршировку, тактику, не исправныхъ офицеровъ, онъ сначала переводилъ въ другія вѣренныя ему части, и если офицеръ и послѣ не исправлялся, то заставлялъ уже подавать въ отставку. Правда, вначалѣ требованія Своева были тяжелы, сначала роптали всѣ, было очень тяжело, а когда постепенно втянулись и освоились, то уже больше не роптали на Своева. Особенно онъ былъ тяжелъ въ Майкопскомъ лагерѣ, гдѣ я командовалъ полкомъ. Въ этомъ лагерѣ впервые участвовало 9 сот. казаковъ, 3 сотни Екатеринодарскаго, 3—Урупскаго и Таманскаго полковъ, пять батарей Кубанскаго войска, 19 дивизія (пѣх. полки: Крымскій, Ставропольскій, Кубанскій и Севастопольскій) и 4 батареи пѣшей артиллеріи.

Но все же, долженъ сказать, что Своевъ не былъ боевымъ генераломъ, и къ войнѣ былъ мало способенъ. Пока оставляю этого генерала, съ нимъ еще придется встрѣтиться уже послѣ окончанія кавказской войны, въ бытность мою атаманомъ Темрюкскаго Отдѣла.

Но опять я забѣжалъ впередъ, ворочаюсь къ эпизодамъ Кавказской войны и ея дѣйствующимъ лицамъ.

ГЛАВА IX.

Генераль Едлинскій и графъ Евдокимовъ.

Зимою обыкновенно устраивались экспедиціи. Цѣлью этихъ экспедицій было устроить просѣки. Одной изъ самыхъ важныхъ экспедицій была устроена подѣ начальствомъ генерала Несторова, за рѣкою Аргуномъ, по Шалинской долины. Обыкновенно на рубку лѣса отрядъ назначался только на однѣ сутки, а на другіе обыкновенно войска занимали опушку лѣса и вырубленные мѣста, всегда предупреждая горцевъ. Это было тѣмъ болѣе удобно, что всегда сопровождалось меньшею потерей людей. По табельнымъ днямъ на рубку лѣса войска не назначались.

Въ этой экспедиціи и я принималъ участіе, когда еще былъ въ небольшихъ чинахъ. Помню, моя сотня была расположена около ставки начальника войскъ. У Несторова не было палатки, была же калмыцкая кибитка. Въ этомъ же отрядѣ служилъ и штабъ-ротмистръ Едлинскій, этотъ человѣкъ былъ замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ, и вотъ ему я и посвящаю слѣдующія строки.

Въ отрядѣ всѣ ходили неряшливо, а Едлинскій превосходилъ всѣхъ. У него была папахъ, но отъ походовъ, отъ дыма она стала неопредѣленного цвѣта, и если бы не знали по фамиліи этого офицера, то многіе могли бы принимать его за что угодно, а только не за офицера.

Едлинскій по дѣламъ службы долженъ зайти къ Несторову, но ординарецъ загородилъ дорогу прикладомъ и кричитъ:

— Куда ты лѣзешь, татарская морда!

Тотъ ни говоря ни слова, поворачивается назадъ и уходитъ.

Только Несторовъ видитъ эту сцену и кричитъ: „Едлинскій, Едлинскій, куда вы, вернитесь назадъ“. Обращаясь къ ординарцу говоритъ:—„а ты, что же не разглядѣлъ офицера!“

— Да, онъ не виноватъ, — говоритъ Едлинскій, — его шуба моя ввела въ заблужденіе, онъ не мэнэ билъ, а шубу.

Едлинскій все время служилъ на Кавказѣ, былъ командиромъ Моздокскаго полка, впоследствии дослужился до генерала и былъ бригаднымъ командиромъ. Онъ былъ также предсѣдателемъ на испытаніяхъ Тифлискаго Юнкерскаго училища.

На вопросы начальства, какое впечатлѣніе произвели на него юнкера и ихъ отвѣты, Едлинскій говорилъ — о, они молодцы, всѣ могутъ быть бригадными командирами!

Въ это время онъ былъ командиромъ Сунженскаго полка и начальникомъ Сунженской линіи. При немъ были основаны и оборудованы станицы Дотыжская, Голашевская и Тарская.

Только что стали эти станицы приходить въ порядокъ, какъ вдругъ было получено открытое предписаніе, что генераль Евдокимовъ будетъ смотрѣть вновь устроенныя станицы, предписывалось повсюду заранѣе заговлять четверку лошадей, должны были дать лошадей и въ ст. Тарской. Какъ на бѣду всѣ жители станицы Тарской выѣхали за провіантомъ; воинскій же начальникъ, командиръ драгунскаго эскадрона Сѣверскаго полка, призвалъ завѣдующаго станицей офицера Дыдымова и заявляетъ ему:

— Вы должны дать четверку лошадей Евдокимову, я буду его экскортировать, вы должны дать лошадей, непременно!

— Какъ же я могу дать лошадей, говоритъ Дыдымовъ, когда нѣтъ ни одной.

— Ну это ваше дѣло, откуда хотите. Мнѣ дѣла нѣтъ, а только лошади должны быть, — горячится драгунъ.

— Не могу же я изъ коровъ понадѣлать лошадей, посудите вы сами!

— Драгунскія лошади не могутъ ходить въ упряжи, не умѣютъ!

— Тогда давайте обозныхъ!

Разговоры пожалуй продолжались бы и дальше, но ихъ пререканіямъ помѣшалъ самъ Евдокимовъ, подѣзжавшій къ станицѣ.

Драгунскій ротмистръ встрѣтилъ Евдокимова, о чемъ они говорили, это неизвѣстно, только Евдокимовъ сталъ пушить Дыдымова, какъ говорится на всѣ корки.

Дыдымовъ оправдывается, — Да я, Ваше Превосходительство, Ваше приказаніе получено поздно и т. п.

Евдокимовъ не выслушалъ офицера, выругалъ его еще больше и выругался не цензурными словами; но тѣмъ не менѣе долженъ былъ ѣхать на драгунскихъ обозныхъ лошадяхъ.

Обиженный Дыдымовъ подаетъ рапортъ Едлинскому, — я не могу продолжать больше службы, тѣмъ болѣе, получивъ оскорбленіе, брань, скверными словами, въ присутствіи трехъ драгунскихъ офицеровъ, пусть меня предають суду, пусть судятъ, что я сдѣлалъ плохого, это будетъ мнѣ по заслугамъ, но вѣдь и начальству сквернословить не полагается.

Едлинскій, получивши рапортъ, вызвалъ самого Дыдымова.

— Знаете, что я вамъ скажу. Вы поступаете вполне справедливо, но я все же совѣтую вамъ взять вашъ рапортъ назадъ.

Дыдымовъ не согласился.

Спустя немного времени Едлинскій по дѣламъ службы былъ опять въ станицѣ Тарской.

— Охота вамъ, — говоритъ онъ опять Дыдымову, — связываться съ Евдоки-

мовымъ, ну, самое большее, что сдѣлають ему выговоръ, вѣдь вы знаете, что Евдокимовъ на Кавказѣ весьма необходимъ, не думаете же вы, что изъ за какого то сотника уберутъ Евдокимова. Сотниковъ на Кавказѣ много, а Евдокимовъ одинъ. Предоставьте ужъ мнѣ, любезный, объясниться съ нимъ, повѣрьте вы не будете обижены!

Случилось Евдокимову снова проѣзжать эти мѣста, но на этотъ разъ онъ ѣхалъ верхомъ, устраивать посты, лежащіе выше упомянутыхъ станицъ; его сопровождалъ Едлинскій, 2 эскадрона драгунъ, 3 казачьихъ сотни и два орудія. Разсматривая мѣстность по картѣ, Евдокимовъ опредѣлялъ мѣста новыхъ постовъ.

Едлинскій по необходимости отлучился. Намѣтивъ на картѣ постъ, который долженъ былъ строить Едлинскій, но не видя его нигдѣ, Евдокимовъ сталъ громко звать:

— Полковникъ Едлинскій, гдѣ вы? Гдѣ же полковникъ?

Увидавъ подходившаго полковника, и обращаясь къ нему говорить:

— А васъ, полковникъ, по батюшкѣ величаютъ Артуровичемъ!

— Покорнѣйше васъ благодарю, Ваше Превосходительство, что вы меня по батюшкѣ величаете, а вотъ офицеровъ, такъ по матушкѣ величаете, это не хорошо, такъ по матушкѣ величать, а по батюшкѣ, ничего, можно!

Евдокимовъ проглотилъ эту пилюлю, но, ничего, ни слова не сказалъ. Къ слову сказать, Едлинскаго считали всѣ дуракомъ, только умнымъ и опаснымъ. Такъ онъ сдержалъ свое слово, данное сотнику Дыдымову.

Да, Евдокимова начальство не смѣнило бы, благо услуги такого генерала были велики. Съ его именемъ считался даже самъ Имамъ, великій повелитель Кавказа, Шамиль. Разнеслись слухи, что онъ назначилъ 100 руб. тому, кто убьетъ Евдокимова, за голову же его обѣщалъ 200 руб. Евдокимовъ поступилъ очень оригинально, находчиво и талантливо. Онъ призвалъ старшинъ и того горца, который по слухамъ, рѣшилъ убить Евдокимова.

— Вы убьете, — говорилъ онъ горцамъ, — меня, на мое мѣсто явится другой генераль, 10 генераловъ, о, ихъ много у Великаго царя! Вотъ, я, вы можете меня убить, вамъ отомстятъ еще больше! Вотъ, возьмите 100 рублей, отвезите ихъ Шамилю и отдайте!

Поступокъ въ высшей степени тактичный, обнаруживающій непреклонную волю и твердость характера. Въ войскахъ, узнавъ объ этомъ поражались, удивлялись также и тому, что Евдокимовъ ѣздилъ почти одинъ, имѣя очень маленькій и незначительный конвой.

У него въ карманѣ 1000 милиціонеровъ, говорилъ Едлинскій, въ одну минуту онъ ихъ вынетъ, и никакая пуля его не тронетъ. Услышавъ объ этомъ Евдокимовъ уменьшилъ количество милиціонеровъ съ 50 на 25.

По поводу предполагаемаго графства Евдокимова, потомъ состоявшагося, Едлинскій очень удачно острилъ.

— Это вполне понятно! Вѣдь Евдокимовыхъ три брата. Первый—Евграфъ, второй—топографъ, а третій,—Евдокимовъ долженъ быть непременно графъ!

Зимою была устроена экспедиція. Начальникомъ экспедиціи былъ Евдокимовъ; начальникомъ кавалеріи Едлинскій.

Генералъ отъ Инженернъ Генералъ-Адъютантъ.
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ
ГРАФЪ ЕВДОКИМОВЪ.

Едлиньскій привезъ фуражъ и зерновой хлѣбъ на трое сутокъ. Подвозъ былъ изъ мирныхъ ауловъ, и не скоро предвидѣлся, Евдокимовъ дѣлаетъ распоряженіе растянуть довольствіе на шесть дней, самъ же даетъ инструкцію адъютанту позаботиться о скорѣйшей доставкѣ фуража и хлѣба. Проходятъ и шестыя сутки, а хлѣба нѣтъ, Едлиньскій снова идетъ къ Евдокимову. Тотъ говоритъ, я снова сдѣлаю распоряженіе.

Едлиньскій и говоритъ адъютанту, — сдѣлайте распоряженіе о скорѣйшей доставкѣ сѣна; начальникъ отряда Евдокимовъ, сдѣлалъ распоряженіе о доставкѣ фуража и сѣна, а вы отдайте приказаніе прочитать во всѣхъ сотняхъ, на коновязяхъ, чтобы „лошади“ слышали это.

Начальникъ отряда сдѣлалъ распоряженіе о доставкѣ фуража.

Въ 1852 году, по Кавказу пронесся слухъ, что на предполагаемомъ трактѣ, Лабинской линіи, по которой долженъ проѣхать Наслѣдникъ, собрались громадныя полчища горцевъ, желавшихъ, во что бы ни стало взять въ плѣнъ Наслѣдника престола.

Маршрутъ измѣненъ, но ничего не было. Послѣ уже проѣзда Наслѣдника, Едлиньскій, онъ въ это время командовалъ Лабинскимъ полкомъ, взялъ свой полкъ да батальонъ пѣхоты съ 4-мя орудіями, переправился чрезъ Лабу. Пройдя верстъ 10, построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ, приказалъ произвести атаку по находящемуся предъ нимъ лѣсу.

Была также и артиллерійская стрѣльба, выпущено было 20 снарядовъ, съ пѣхотою же Едлиньскій ходилъ и въ лѣсъ.

Вечеромъ вернувшись обратно въ станицу, дѣлаетъ донесеніе начальству.

Войска очень храбро дрались съ непріятелемъ, полагаю наградить нѣкоторыхъ офицеровъ, потери 6 лошадей; полагаю также прислать и по три солдатскихъ Георгіа на роту и на сотню. Всѣ войска оказывали чудеса храбрости.

Начальство получивъ его реляцію, сдѣлало запросъ гдѣ онъ сражался, въ какомъ мѣстѣ и съ какимъ непріятелемъ!

Отвѣтъ былъ удивительный и вполнѣ подходилъ къ Едлиньскому.

— Дѣло было за Лабой, съ тѣми горцами, которые помѣшали проѣхать Наслѣднику по Лабинской линіи,—горцевъ этихъ разбили на голову!

И, ничего не было, этому молодцу все сошло!

Послѣ Едлиньскій служилъ въ Моздокскомъ отдѣлѣ.

Начальникомъ Едлиньскаго былъ Мейеръ, когда то инспектировавшій мой полкъ, вернувшійся изъ Турціи.

Мейеръ пишетъ Едлиньскому три секретныя бумаги; не получая долго отвѣта ѣдетъ самъ узнать, что за причина.

Пріѣхали, поздоровались, все какъ слѣдуетъ.

— Ну, а полковникъ, вы получили мои бумаги, и до сихъ поръ не даете отвѣта!

— Не можетъ этого быть. Это никакъ не возможно!.. Мой адъютантъ вполнѣ исправный человекъ. Сейчасъ же хотѣлъ послать.

— Да вамъ, полковникъ, это три мѣсяца тому назадъ писано, это бумаги секретныя.

— О, о, о, теперь понимаю, да, они г-нъ Полковникъ, — говоритъ Едлинскій, у меня здѣсь, въ столѣ.

Отмыкаетъ, подаетъ конвертъ.

— Вотъ, полковникъ, я Васъ и поджидаю, конвертъ секретный, я его не распечатывалъ, Васъ все ждалъ, когда Вы прїѣдете! Онъ хранится у меня, Васъ же прошу сказать, какъ на него отвѣчать.

— Да, Вы развѣ не читали!

— Да, да, я и не распечатывалъ, все Васъ ждалъ!

Въ бумагѣ было писано про двухъ арестантовъ, бѣжавшихъ изъ Сибири, съ описаніемъ ихъ примѣтъ.

— Какъ только полковникъ открою ихъ, посажу на цѣпь и Вамъ сейчасъ же пришлю!

Ночью, Мейеръ прислалъ Едлинскому записку, что онъ утромъ будетъ смотрѣть, въ 7^{1/2} час. Наурскую, Калиновскую и Ищерскую сотню. Едлинскій сейчасъ же позвалъ адъютанта, показалъ записку Мейера, велѣлъ приготовить сотни, а также запастись на день провіантомъ. Все было сдѣлано, Мейеръ могъ сдѣлать смотръ.

Только въ 5 часовъ Едлинскій заставилъ бить тревогу. Бьютъ въ церкви колокола, трубачи играютъ, минутъ черезъ 10—15 всѣ казаки на коняхъ. Въ шестомъ часу переправился черезъ Терекъ и въ верстахъ въ 5 отъ станицы остановился.

Самъ же къ вечеру послалъ узнать у адъютанта Сафонова, какъ поживаетъ Мейеръ, что подѣлываетъ! Мейеръ остался на сутки, все поджидалъ сотенъ, но такъ и не дождался, на слѣдующее же утро отправился въ Екатериноградъ, Едлинскій, прослышавъ объ отъѣздѣ Мейера, преспокойно вернулся въ Науръ. Мейеръ поѣхалъ въ Ардонъ, а Едлинскій въ гости къ Товбичу, командиру Горскаго полка, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ. Такъ и не удалось Мейеру сдѣлать смотръ тремъ сотнямъ Моздокскаго полка, проклятые горцы, помѣшали, рассказывалъ онъ. Только Мейеръ хотѣлъ произвести смотръ, какъ, чертъ ихъ знаетъ, откуда появились горцы между Сунжею и Терекомъ...

Сидѣли мы за чаемъ у Товбича, я, ротмистръ Кулаковъ и есаулъ Платоновъ. Больше слушали Едлинскаго, хорошо и остроумно онъ рассказывалъ. Только среди его разговора прискакалъ на взмыленной лошади казакъ.

Товбичъ встревожился, что случилось, что такое?

Ѣдетъ полковникъ Меринъ, казаки такъ называли Мейера.

— Гдѣ же онъ?, спрашиваетъ Едлинскій.

— Да я его бросилъ у Чернорѣченскаго поста, простодушно говоритъ казакъ.

Зубатому Едлинскому только того и надо.

Остальная публика предчувствуя что-нибудь, какую-нибудь штуку, начала заранѣе улыбаться.

Это, что же ты братецъ мой, такое добро бросилъ?! А!

Собесѣдники не выдержали, я и Кулаковъ хохотали чуть не до слезъ.

Не мало курьезовъ бывало съ Едлинскимъ. Онъ умѣлъ острить умно, и если на кого обрушивался его острый, какъ бритва, языкъ тому приходилось плохо.

Ужъ высмѣетъ, такъ что даже иногда больно становилось за пострадавшаго.

Мейеру не разъ доставалось отъ него. И по дѣломъ, Мейеръ скорѣе былъ чиновникъ, чѣмъ военный. Придирчивый до мелочностей, прямо до буквы, онъ не былъ любимъ ни служащими съ нимъ, ни съ подчиненнымъ персоналомъ.

Изъ ст. Екатериноградской выбирали казаковъ, ихъ отправляли потомъ въ Петербургъ, въ конвой Его Величества. Инспектирующимъ былъ назначенъ Мейеръ, онъ осматривалъ у казаковъ оружіе. Осматривая его, онъ придрался къ казаку ст. Курской, Калининкову, что у него шашка переломлена; моментально разразился гнѣвомъ.

— Какъ ты, старый казакъ, съ такою шашкою будешь служить Государю, ты, будешь служить съ поломанною шашкою!

— Ваше Высокоблагородіе, этой шашки я перемѣнить не могу, это подарокъ Государя!

Сразу же утихъ гнѣвъ Мейера.

— При какихъ же обстоятельствахъ она у тебя сломалась.

— Вы сами, Ваше Высокоблагородіе, ее сломали.

— Мой братъ служилъ въ 5-ой сотнѣ, на время онъ взялъ мою, а свою отдалъ поправить, Вы тогда сломали три шашки, сломали между прочимъ и мою.

Это совсѣмъ обезкуражило Мейера.

— Сколько же стоитъ твоя шашка, допытывалъ онъ Калининкова.

— Не могу знать, Ваше Высокоблагородіе.

— Въ Петербургъ поѣдешь, узнаешь, тамъ скажешь эскадронному командиру Кулакову; чтобы онъ написалъ мнѣ, а теперь иди къ моему адъютанту, отъ него получишь сто рублей!

Его нравственныя качества еще лучше характеризуетъ слѣдующій случай.

У Товбича стояли въ конюшнѣ полковые производители — жеребцы, одинъ изъ нихъ очень понравился Мейеру и красотою и кроткимъ темпераментомъ.

Въ одинъ день онъ доѣхалъ до города Ставрополя, тогда резиденція Наказного Атамана была еще въ городѣ Ставрополѣ.

Черезъ дорогу пробѣжала собаченка, лошадь остановилась на мгновенье и насторожилась, Мейеръ перепугался, не смогъ удержаться и свалился прямо на каменные плиты. Сломалъ себѣ правую ключицу. Поѣхалъ сначала въ городскую больницу, но тамъ докторовъ не засталъ, поѣхалъ на квартиру и тамъ съ большою трудностью разыскалъ сначала ветеринара, а затѣмъ доктора. Дней черезъ 5—6 сталъ просить докторовъ написать ему свидѣтельство, чтобы представить его при рапортѣ командующему войсками Завадовскому, все время прося внести это увѣчье въ его послужной списокъ. Факты сами за себя довольно краснорѣчиво говорятъ, что это былъ за человекъ.

Въ 60 годахъ упразднили должности бригадныхъ командировъ, и Едлинскій долженъ былъ тоже выйти въ запасъ. И здѣсь Едлинскій остался вѣрнымъ себѣ. Онъ подаетъ рапортъ въ корпусный штабъ, прося ему выдать прогоны, а также маршрутъ съ указаніемъ, гдѣ можно найти штабъ запаса и къ кому онъ дол-

женъ явиться. Всѣ просятъ денегъ на подъемъ, я же прошу на спускъ. Такой курьезный рапортъ былъ доложенъ Воронцову, тотъ назначилъ Едлинскаго начальникомъ Тифлискаго госпиталя.

Едлинскій частенько обѣдалъ у Воронцова. Онъ и здѣсь продолжалъ свои шутки. Воронцовъ хвалилъ вино.

— Виновать, Ваше Сіятельство, хорошенько не распробовалъ! Позвольте попробовать изъ вашей бутылки. Извините, Ваше Сіятельство, по вашему разговору могу предположить, что это вино вы недавно достали.

— Нѣтъ, оно было еще въ прошломъ году.

Тогда, позвольте мнѣ ужъ дюжину бутылокъ, я уже никогда не буду ошибаться, буду всегда разбирать.

Не смотря на хорошее жалованье Едлинскій всюду былъ долженъ.

Разъ какъ то Воронцовъ гулялъ. Едлинскій предложилъ ему свою руку, чтобы тому было легче гулять.

— Сначала, я Ваше Сіятельство, предполагалъ попросить у васъ денегъ, а теперь спасибо, мой кредитъ поднимется повсюду, а то больше нигдѣ въ лавкахъ не хотѣли давать въ долгъ.

При отъѣздѣ своемъ, между прочимъ, Воронцовъ уплатилъ всѣ долги Едлинскаго. Служилъ Едлинскій и при князѣ Барятинскомъ до самого своего выхода въ отставку и уѣхалъ онъ вмѣстѣ съ нимъ за границу, но пробылъ тамъ не долго, черезъ полъ-года умеръ.

Да, это былъ въ высшей степени оригинальный человѣкъ, не даромъ всѣ прозвали его „умный дуракъ“. Этотъ дуракъ никому не спускалъ и иногда больно доставалось тому, кто чѣмъ либо досадилъ ему, или имѣлъ несчастіе подпасть подъ его неблаговоленіе.

О Едлинскомъ казаки тоже сложили пѣсню, въ шутливомъ тонѣ „Круты горы и ущелья“:

Круты горы и ущелья.

Вспомнимъ, братцы, про бывшее,
Какъ мы жили безъ воды,
Трое сутокъ мы стояли
Въ ожиданіи войны.

Загремитъ слава трубой,
Какъ дралися за Лабой,
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Прогремитъ слава о насъ!

* * *

Удалой нашъ Едлинскій
Повелъ нашъ отрядъ
Къ темному лѣсу, за Лабой,
Горцевъ дерзкихъ разогнать,

Загремитъ слава трубой и т. д.

* * *

Провѣдавъ замыселъ враговъ,
Орудія велѣлъ снять съ передковъ.
Обстрѣлявши этотъ лѣсъ,
Батальонъ пошелъ въ штыки.

Загремитъ слава трубой и т. д.

* * *

А двѣ сотни казаковъ, съ шашками въ атаку
Подъѣхалъ онъ къ войскамъ,
Спасибо вамъ ребята,
Удаль вашу я узналъ!

Загремитъ слава трубой и т. д.

* * *

Горцевъ дерзкихъ разогналъ,
И начальству написалъ,
Въ темномъ лѣсѣ, за Лабой,
Прогремѣлъ Едлинскій удалой!

Загремитъ слава трубой и т. д.

* * *

ГЛАВА X.

Темрюкскій отдѣлъ.

Послѣ я былъ назначенъ командиромъ Екатеринодарскаго полка, но назначеніе и командованіе полкомъ продолжалось очень короткое время; не успѣлъ я и оглянуться, какъ получилъ новое назначеніе. Я былъ назначенъ атаманомъ Темрюкскаго отдѣла. Свой пріѣздъ и первые шаги по административно-военной службѣ я помню очень хорошо; даже больше, чѣмъ хорошо. Да, Темрюкскій отдѣлъ оставилъ неизгладимыя воспоминанія и испортилъ мнѣ не мало крови. Какъ сейчасъ я помню, пріѣхалъ я въ субботу и не давая никому знать о своемъ пріѣздѣ, остановился у своего стараго сослуживца, полковника Мирова, бывшаго въ то время помощникомъ Темрюкскаго отдѣла. Начались воспоминанія, разговоры о совмѣстной службѣ, друзьяхъ, о начальникахъ, такъ провели вечеръ. Прощаясь и собираясь на сонъ грядущій я просилъ Мирова представить мнѣ мѣстное офицерство, показать всѣ учрежденія, вѣдать которыя мнѣ надлежало, какъ атаману отдѣла.

На другой день я отправался въ церковь. Церковь поразила меня своимъ благолѣпіемъ. Служили очень хорошо, въ особенности понравился мнѣ акцентъ дьякона, по фамиліи Попка, изъ Малоросовъ. Все это хорошо, одно только мнѣ не понравилось—это внѣшній видъ Темрюкской церкви. Обвалившаяся по мѣстамъ штукатурка, слѣды отъ дождевой воды по стѣнамъ, отсутствіе ремонта, все это производило непріятное впечатлѣніе.

При выходѣ изъ церкви случился курьезный прецедентъ. Меня сопровождалъ, какъ полицейскій чиновникъ, станичный атаманъ. Увидя его я спросилъ: „Кто вы такой?“ „Я здѣшній атаманъ“. На его же вопросъ „А, кто вы изволите быть? Я атаманъ отдѣла!...“

Познакомившись такимъ оригинальнымъ образомъ, я просилъ его прислать къ моей квартирѣ человѣкъ 10 уважаемыхъ стариковъ. Не прошло и получаса, какъ собралось ихъ человѣкъ 40—50. Вышелъ, поздоровался. Поздравилъ ихъ съ праздникомъ.

— Спасибо вамъ старики, за ваше усердіе, и усердіе вашихъ отцовъ, вы прекрасно украсили иконостасъ, спасибо вамъ и за пѣвчихъ, а теперь повернитесь назадъ (квартира полковника Мирова была на площади, противъ церкви) и посмотрите на вашъ храмъ! Стыдно, старики, имѣть такой грязный храмъ

Божій! Прошу общество изыскать средства на внѣшній ремонтъ храма, отъ себя же жертвую 50 рублей.

Очень благодарили, благодарили и за напоминаніе о благолѣпіи храма.

Потомъ пошелъ къ гг. офицерамъ. Между представлявшимися было двое Даниленковыхъ. Фамилія извѣстная между казаками—знаменитый герой Севастопольской обороны, есаулъ Даниленко. Сталъ спрашивать кто доводится имъ этотъ есаулъ.

— Этотъ есаулъ не вашъ ли родственникъ!

Оказалось, что есаулъ Даниленко былъ ихъ отцомъ, жива оказалась и матушка.

Спрашиваю, а она получаетъ пенсію послѣ смерти мужа!

— Хлопотали вездѣ, — говорили они — но во всѣхъ прошеніяхъ отказано, такъ какъ покойнаго пользовалъ фельдшеръ, а начальство фельдшерскаго свидѣтельства не принимаетъ!

— Дайте мнѣ копію съ отказаннаго прошенія, я все сдѣлаю, что возможно, и я увѣренъ, что вашей матушкѣ будетъ дана пенсія!

Спустя немного времени я поѣхалъ въ Екатериноградъ представляться начальству. Наказнымъ атаманомъ и начальникомъ области былъ Цокни. Представляясь ему, я между прочимъ рассказалъ и объ есаулѣ Даниленко. Еще раньше я былъ въ медицинскомъ отдѣленіи областнаго правленія и мнѣ тамъ сказали, что Даниленко пенсіи получить не можетъ. Это меня не обезкуражило, разъ что я затѣялъ, я долженъ довести до конца.

Долго я говорилъ съ начальникомъ области, приводилъ ему всякіе доводы, и казалось подѣйствовалъ на него. Можно было думать, что дѣло это рѣшено, и дѣйствительно пенсія была выхлопотана. При прощаніи Цокни просилъ меня зайти еще разъ.

Не о чемъ особенномъ я не думалъ; думалъ, что еще какія нибудь служебныя дѣла заставили генерала пригласить меня еще разъ зайти къ нему. На другой день, какъ было условлено, я явился къ нему въ 7 часовъ вечера, у него былъ начальникъ штаба, полковникъ Цитовичъ.

„А, вы знаете, полковникъ, обращается онъ ко мнѣ, у васъ въ отдѣлѣ не все ладно!

— Въ чемъ же, говорю я, дѣло!

— Да, въ томъ, что станица Полтавская не признаетъ надѣла земли, и распахиваетъ офицерскіе участки! Тоже дѣлается и въ станицахъ Джираліевской, Петровской и Ивановской!

Ладно, думаю, чего же это онъ мнѣ говоритъ объ этомъ, это меня совершенно не касается, я военный, а это дѣло гражданское! Это, думаю, меня не касается! Къ чему это онъ говоритъ, не понимаю!

Да, продолжаетъ дальше Цитовичъ, и вотъ эти самые казаки составили депутацію изъ стариковъ и представлялись Его Высочеству, Намѣстнику, проѣзжавшему станицу Славинскую. Представлялись старики ст. Полтавской и принесли ему жалобу. Намѣстникъ уже зналъ о существѣ этой жалобы отъ наказнаго атамана; ему же, Цокни, доложилъ еще раньше о броженіи и недовольствѣхъ надѣлами уѣздный начальникъ Калери.

Намѣстникъ принялъ депутацію и спросилъ: „чего же вы хотите, о чемъ хлопчете, о землѣ! Если о землѣ, такъ земли на сѣверѣ много!“—Такъ кончилась эта депутація ни съ чѣмъ. Намѣстникъ вернулся въ Екатеринодаръ и говорилъ по поводу этого съ начальникомъ области. Разговоръ ихъ остался мнѣ не извѣстенъ, извѣстны только послѣдствія его. Вотъ видите въ чемъ дѣло, закончилъ Цитовичъ. Да, теперь понятно, оно касается и меня, а я поторопился сдѣлать заключеніе, дѣло столько же и гражданское, сколько и военное.

Тутъ же генераль Цокни, онъ же и начальникъ области, по секрету объявилъ мнѣ, что рѣшено станицу Полтавскую объявить на военномъ положеніи, а зачинщиковъ,—стариковъ, арестовать и чтобы не было возмущенія въ ст. Полтавскую туда придутъ 3 сотни коннаго Таманскаго полка и 3 сотни Екатеринодарскаго. Ознакомившись еще раньше съ элементами населенія моего отдѣла я сразу рѣшилъ, что казаки 2-ой и 3-ей очереди должны быть непременно изъяты отъ соприкосновенія съ виновными стариками.

Не долго думая, я сейчасъ же привелъ свою мысль въ исполненіе.

— Разрѣшите Ваше Превосходительство, изъять казаковъ 2-ой и 3-ей очереди отъ соприкосновенія съ казаками—стариками ст. Полтавской!

Что Вы, полковникъ, развѣ это можно! заволновался Цокни.

Но меня поддержалъ Цитовичъ и мы вмѣстѣ убѣдили генерала, что это мѣропріятіе, „отдѣлить овецъ отъ козловъ“, даже необходимо.

Онъ согласился. Я развивалъ свою мысль дальше, — „Вы только дайте мнѣ заранѣе знать, чтобы можно вызвать казаковъ 2-ой и 3-ей очереди Таманскаго и Полтавскаго полковъ, маневрировать—исполнить тактическую задачу, первому полку наступать на Красный (знаменитый и богатый дичью) лѣсъ, защищать Хомутовскую переправу на Кубани (рѣкѣ), второй же долженъ наступать и овладѣть лѣсомъ и переправою. Довольствіе, провіантъ—фуражъ должны имѣть на 3 дня.

Моимъ планомъ были довольны и начальникъ области и начальникъ штаба.

Цокни назначилъ 23 марта, день когда должны войти части въ ст. Полтавскую, а я 20 числа долженъ послать предписанія къ командующимъ полками, войсковымъ старшинамъ Подгурскому и Дьякову. Мною уже было и заготовлено подробное предписаніе обо всемъ этомъ, но къ сожалѣнію планъ не удался. Еще до полученія моего распоряженія одинъ изъ командующихъ полкомъ, Дьяковъ, сообщилъ мнѣ, что казаки станицы Полтавской получили свѣдѣнія о прибытіи солдатъ и что тѣ грабятъ жителей. Я послалъ ординарца къ Дьякову съ устнымъ приказомъ успокоить жителей и передать имъ, что я самъ встрѣчу ихъ передъ станицей и напому, чтобы они не забывали долгъ службы и присяги. Отъ моего же имени передайте имъ, что семейства ихъ я не позволю обидѣть никому.

Еще на разсвѣтѣ я выѣхалъ верхомъ и встрѣтилъ казаковъ, тамъ уже были и сотенный командиръ, есаулъ Немира и командующій полкомъ Дьяковъ. Командующій полкомъ Дьяковъ въ присутствіи всѣхъ воинскихъ чиновъ объявилъ: — Полтавская станица съ сегодняшняго дня находится на военномъ положеніи, а къ этому еще я прибавилъ: отнынѣ, казаки, не ходятъ на сходъ къ старикамъ и не вмѣшиваться въ ихъ совѣты и дѣла.

— Они будутъ отвѣчать за себя и за свои преступленія, они подлежатъ гражданскому суду, вы же и ваши преступленія будутъ судимы военнымъ судомъ, попомните же хорошенько мои слова и повторяю еще разъ, вы должны подчиняться своимъ начальникамъ..., каждый взводный урядникъ долженъ докладывать вахмистру, а вахмистръ сотенному командиру. Васъ же, гг. офицеры, прошу о нуждахъ казаковъ докладывать мнѣ; по прїѣздѣ же въ свою семью узнайте и доложите сотенному командиру, было-ли насиліе и оскорбленіе со стороны солдатъ въ прошлую ночь!

Съ пѣснями вернулись казаки въ станицу и разошлись по домамъ. Все было чинно и мирно. Ночью же пришли войска, арестовали челоуѣкъ десять стариковъ, коноводовъ; вывели ихъ на площадь, а здѣсь ихъ уже и тройки запряженные ждали. Только ихъ и видали! Спустя недѣлю узнали, что всѣхъ арестованныхъ отправили въ Оренбургское войско. Пришли войска, и власть земскаго начальника перешла ко мнѣ. Было запрещено собирать сходы, церковь запечатана. Грустно было; было Благовѣщеніе. Каково это выносить православному челоуѣку. Приближалась Пасха. Изъ станицъ никого не впускали, никого и не выпускали. Строгости были большія.

А между тѣмъ время настало пахать и сѣять хлѣбъ. Строевые казаки обратились черезъ сотенныхъ командировъ ко мнѣ за разрѣшеніемъ выѣхать изъ станицы для полевыхъ работъ. Съ своей стороны я разрѣшилъ, но все же донесъ объ этомъ воинскому начальнику. Этотъ же господинъ написалъ мнѣ форменную бумагу, что я поступаю незаконно, подрываю его авторитетъ, какъ начальника. Но этимъ дѣло не кончилось, онъ донесъ обо всемъ наказному атаману. Предвидя все это, и я съ своей стороны послалъ командующаго полкомъ Дьякова, что я разрѣшилъ строевымъ казакамъ 2-ой и 3-ей очереди заниматься пахотными дѣлами, они же, добавлялъ я, не будутъ находиться въ общеніи съ стариками. Благодаря стараніямъ начальника штаба наказный атаманъ нашелъ все вполне законнымъ.

Главная опасность, грозившая казакамъ остаться безъ хлѣба, была устранена, но кто же виноватъ, что они сами себя лишили свободы.

Была Страстная недѣля, было грустно, такъ привыкъ и я и сельчане проводить эти святые дни, въ церкви, предстояли 12 евангелій, страсти, плащаница, а между тѣмъ церковь стояла запечатана. Душа алкала хлѣба духовнаго, хотѣлось смириться и примириться, а между тѣмъ нельзя. Я и еще кое-кто изъ интеллигенціи ѣздили на церковную службу въ сосѣднюю станицу Джираліевскую. Тамъ слушали Страсти и тамъ же были на выносъ плащаницы. Служба въ Великій четвергъ, когда читается 12 евангелій очень и очень длинная и здѣсь приключилась непріятная исторія. Всѣ миряне стоятъ съ зажженными свѣчами. Читаютъ долго, протяжно. И вотъ одинъ изъ станичниковъ — стариковъ, утомленный долгимъ, непривычнымъ стояніемъ, сталъ дремать, свѣчку же держалъ въ рукѣ. Незамѣтно голова старика стала склоняться на грудь и... загорѣлась длинная борода. Произошло небольшое замѣшательство, но слава Богу, это приключеніе не кончилось трагически, бороду потушили и служба шла дальше.

Молодые же парни, — парубки, замѣтили это, а дурной примѣръ заразите-

лень, стали поджигать другъ другу волосы. Поднялась гарь, вскрикиванья и заглушенный смѣхъ. Вся торжественность и величіе богослуженія было нарушено.

На другой день я заявилъ атаману, чтобы онъ сдѣлалъ выговоръ тѣмъ неприлично стоявшимъ въ церкви—хлопцамъ—парубкамъ.

Пасху я встрѣчалъ въ ст. Полтавской. Но нужно кончить о станицѣ Джираліевской. На Пасху я пріѣзжалъ сюда и здѣсь меня привѣтствовали и поздравляли съ праздниками.

— Спасибо, старики, говорю я, обращаясь къ порядочной толпѣ представителей Джираліевской станицы. Вотъ я былъ у васъ и слушалъ службу на Страстной недѣлѣ, а у Полтавцевъ церковь закрыта и запечатана; вы бы, старики, повлияли на вашихъ сосѣдей! Больно смотрѣть на Полтавцевъ, оставшихся безъ церкви, вы бы поговорили съ ними, чтобы они сознали свою ошибку и подчинились волѣ начальства.

— Мы такъ же виноваты, какъ и Полтавцы, слышалось мнѣ въ отвѣтъ...

Продолжаю о полтавцахъ. Тяжело было. Передъ Пасхой часовые и патрули разѣзжая по станицѣ кричали, — пусть женщины приносятъ пасхи святить на площадь.

Я съ своей стороны сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тамъ же святили пасхи и присланныя войска.

Въ положенное время освятили пасхи, а въ 2 часа я пригласилъ къ себѣ все офицерство разговѣться, попросилъ я также разрѣшенія отъ военного начальника собраться у меня и пѣвчимъ. Въ два часа началось пѣніе пасхальныхъ тропарей и кондаковъ, это умиляетъ сердце, ниспосылаетъ миръ, даже на самыя злыя сердца.

На разсвѣтъ, для войска были приготовлены столы; батюшка и я проходили и святили пасхи, но невольно и у священника и у меня потекли слезы при воспоминаніи, что этотъ, великій, торжественный день мы встрѣчаемъ не такъ какъ слѣдовало... Спустя недѣлю, на Ёминой, наказный атаманъ, проѣзжая чрезъ ст. Уманскую, сдѣлалъ распоряженіе собрать всѣхъ казаковъ ст. Полтавской на сходъ. Собрались. Ждемъ.

Пріѣхалъ наказный атаманъ, появился на площади, съ нимъ я, воинскій начальникъ и др. офицеры.

— Что вы, старики, раскаиваетесь въ вашихъ ошибкахъ! Покоритесь волѣ начальства!

Изъ толпы раздаются голоса, — Мы также, виноваты, какъ вотъ сейчасъ тутъ стоимъ на площади. Какъ и прежде мы пахали землю и служили съ гг. офицерами, такъ и теперь будемъ. По новому нарѣзу, намъ и 10 десятинъ не будетъ земли, она вся въ плавняхъ и въ камышахъ.

— Послушайте, покоритесь, я выпущу вашихъ стариковъ, они теперь сидятъ въ тюрьмѣ, а не покоритесь, я сошлю ихъ въ Оренбургское войско; убѣждалъ ихъ Цокни.

— Мы всѣ одинаково виноваты, и также и не виноваты, преступленій никакихъ не дѣлали и не сдѣлаемъ, отвѣчаетъ толпа.

Такъ разговаривалъ съ ними Цокни часа 2, но безуспѣшно! Уходя онъ все еще уговаривалъ Полтавцевъ сознаться въ своей винѣ.

— Я еще буду здѣсь часа три, если сознаетесь, то доложите воинскому начальнику, а онъ рапортомъ доложитъ мнѣ.

Послѣ своей бесѣды Цокни пошелъ ко мнѣ, еще ранѣе приглашенный мною на обѣдъ.

За обѣдомъ онъ не разъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ.

— Скажите, полковникъ, сознаются они, или нѣтъ, вѣдь, воинскій начальникъ говоритъ, стоитъ только прислать войска и вытребовать зачинщиковъ и все будетъ кончено.

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, дѣло не такъ то просто, а отвѣтить на вашъ вопросъ я не могу, я здѣсь недавно, Черноморскій же народъ знаю очень мало.

Послѣ обѣда приходитъ Калери (воинскій начальникъ), очень взволнованный, и докладываетъ наказному атаману.

— Я знаю, Ваше Превосходительство, есть законъ, разрѣшающій виноватыхъ съѣчь.

Цокни только пожалъ плечами и сказалъ:

— Ну, этого еще не доставало, а вотъ лучше оцѣпить станицу, можетъ будетъ лучше.

Пытался онъ еще разъ убѣдить Полтавцевъ, но на всѣ его доводы и рѣчи былъ одинъ отвѣтъ, „Мы столько же виноваты, сколько и не виноваты“.

Не добившись толку и раздосадованный генераль уѣхалъ въ Екатеринодаръ, предупредивъ держать крѣпче и сильнѣе караулы и патрули.

Я не разъ думалъ, что за причина, что Полтавцы и сосѣднія станицы такъ упорны въ распредѣленіи земли. Вѣдь не съ вѣтра же они такъ говорятъ! Что за причина. Это меня болѣе, чѣмъ интересовало.

Разъясненіе совершенно неожиданно дали мнѣ старики станицы Джиралійской.

Года три раньше тому назадъ, пронесся между нами, говорили старики, слухъ, что назначенъ чиновникъ Гонтарь, онъ будетъ отмежевывать станицамъ юртовую землю. Возрадовались мы. Только мѣсяца 3—4 спустя приходитъ циркуляръ, что назначенъ межевой чиновникъ Венеровскій, онъ будетъ отмежевывать землю изъ юртоваго надѣла офицерамъ, церквамъ, а также и нашимъ 4-мъ станицамъ. Вотъ и ждали мы ихъ. Приѣхалъ чиновникъ. Тотчасъ же собрался сходъ, чиновникъ обратился къ писарю, онъ стоялъ рядомъ съ атаманомъ (въ прошломъ году этотъ писарь былъ атаманомъ) на те вотъ бумагу, приготовить плуги, понятыхъ, будемъ рѣзать землю, и передайте въ сосѣднія станицы пакеты.

— Сходъ радъ и доволенъ, вотъ, наконецъ, слава тебѣ, Создателю! Дождались. Сталъ писарь читать бумагу:

— Оце-не Гонтарь, оце Венеровскій, оце вынъ долженъ отмежевывать землю, яка раньше була, получена за Гонтаря! Вишь, вотъ вона що! Задумался и писарь, задумался и сходъ. Стали судить и рядить какихъ же депутатовъ послать чиновнику, а еще сказано въ бумагѣ, что дѣлать нарѣзы изъ юртовой земли, а мы не знаемъ, какая юртовая.

Судили, рядили, и вотъ что присудили, такъ рассказывали мнѣ старики.

На другой день приходитъ писарь къ чиновнику и говоритъ, въ станицѣ все благополучно, рапортую Вашему Благородію.

— А депутаты, а плуги гдѣ, спрашиваетъ чиновникъ.

— Да, вони, Ваше благородіе, поѣхали пахать, должны собраться скоро!

— Тогда сообщите, когда соберутся!

А между тѣмъ писарь сказалъ хозяйкѣ, ты его корми хорошенько. Пообѣдалъ онъ добре, хорошо заснулъ, проснулся и посылаетъ за станичнымъ атаманомъ.

Писарь же, сейчасъ вѣстовому, доложи барину, что атаманъ уѣхалъ на происшествіе.

Такъ онъ пробылъ въ Джиралійской безъ всякаго дѣла 3 дня.

Объ этомъ чиновникъ Венеровскій донесъ воинскому начальнику: въ ст. Джиралійской атаманъ не грамотный, его не слушаютъ, я сидѣлъ здѣсь 3 дня, ничего не могъ добиться, ѣду въ ст. Полтавскую. Пріѣхалъ чиновникъ въ ст. Полтавскую. А здѣсь обо всемъ знали и рѣшили поступать по примѣру Джираліевцевъ.

Въ правленіи атаманъ ст. Полтавской, на вопросъ гдѣ понятые и плуги, заявилъ, что согласно его бумагъ онъ отправилъ ихъ въ ст. Джираліевскую. Чиновникъ видитъ здѣсь неповиновеніе и написалъ обо всемъ подробно уѣздному начальнику, прося его пріѣхать и лично помочь заварившемуся дѣлу. Самъ же снова уѣхалъ въ Джираліевскую.

Къ 12 часамъ явился и самъ уѣздный начальникъ, Калери, производить дознание въ ст. Полтавской. Началъ съ того, что обругалъ ни за что, ни про что атамана, и сходилъ, что выбрали такого дурака набитаго. Старики очень обидѣлись и подошли вплотную къ нему: за что же, и какое вы имѣете право ругать того, кого мы выбрали!

Калери очень сконфузился, ничего не нашелся сказать, а только крикнулъ, запрягайте тарантасъ, я сейчасъ же поѣду къ наказному атаману, это бунтъ въ ст. Полтавской. Тарантасъ подали, и Калери прямо покатилъ къ Цокни, въ Екатеринодаръ, съ жалобой на „бунтующихся“ полтавцевъ. Явился къ Цокни, видно, очень горячился, но только Цокни выслушалъ его и говоритъ:—заходите завтра.

На слѣдующій день Калери явился первымъ на пріемъ. И съ первыхъ же словъ, бунтъ и все такое, возвышаетъ голосъ, Цокни, его останавливаетъ, что съ вами, успокойтесь, но это еще больше подливаетъ масла въ огонь, наконецъ Цокни, слушавшій рѣчь, полную злобы и страсти, говоритъ: очень хорошо, только вы подайте мнѣ рапортъ и обо всемъ напишите спокойно: — и зайдите ко мнѣ завтра. На другой день снова былъ принятъ Калери, но содержаніе разговора осталось для меня неизвѣстнымъ. Полтавцы слѣдили за пріемомъ Калери, на обратномъ пути онъ не заѣхалъ въ станицу, а проѣхалъ мимо. Въ народѣ же разнесся слухъ, что всѣ толки неправильны о надѣлѣ земли, требуютъ рабочихъ, будутъ нарѣзы только гг. офицерамъ! Такъ рассказывали мнѣ старики, станичники Джираліевцы.

Теперь все стало ясно, землю нарѣзали офицерамъ, а ее тѣмъ не менѣе, продолжаютъ распахивать станичники. Выслушавъ все это я говорю:

Все это вѣрно, что передали вы мнѣ, и если вы правы, то подайте записку уѣздному начальнику, этимъ вы исправите ошибку, и освободите Полтавцевъ.

Старики на все согласились, только не хотѣли свою записку отдать уѣздному начальнику, а непосредственно мнѣ. Это не по праву, говорю я, я не могу отъ васъ принять, а вы должны подать вашему ближайшему начальству, иначе раскаяніе будетъ не полное.

Старики просили подумать, я разрѣшилъ имъ пріѣхать ко мнѣ, въ ст. Полтавскую. Сказано, сдѣлано. Обо всемъ я сообщилъ своему помощнику Мирову, а также и воинскому начальнику, такъ началось недоразумѣніе и о томъ, что Джираліевцы общались завтра пріѣхать. Дѣйствительно, пріѣхало два почетныхъ старика и объявили мнѣ приговоръ:

Казаки ст. Джираліевской просятъ вашего слова и вашего совѣта. Я сказалъ имъ и посовѣтовалъ въ приговорѣ оговорить, что виновныхъ въ распахкѣ офицерскихъ участковъ будутъ штрафовать.

При отъѣздѣ старики благодарили за доброе слово и хорошій совѣтъ; общались все исполнить въ приговорѣ, какъ я говорилъ: но только на отрѣзъ отказались подать приговоръ Калери.

Такъ тогда ваше раскаяніе будетъ неполное, и г. наказный атаманъ не приметъ его.

Да, мы, Ваше Высокоблагородіе, его зовемъ не Калера, — а Холера. Этимъ обиднымъ названіемъ казаки старались выместить все свое неудовольствіе на уѣзднаго начальника.

Недѣли черезъ двѣ я получилъ предписаніе встрѣтить на почтовой станціи Урганской, начальника Штаба, генерала-маіора, свиты его Величества, Свистунова, командированнаго разслѣдовать дѣло о надѣлѣ станицъ земельными участками. Пока перепрягали лошадей, Свистуновъ все время меня спрашивалъ о Полтавцахъ и объ ихъ волненіяхъ. Я, съ своей стороны, прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы обълить станичниковъ, и всѣ ихъ вины выставить въ болѣе свѣтломъ фонѣ, по моему, вины никакой не было. Между тѣмъ экипажъ и лошади были готовы, генералъ Свистуновъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ ст. Полтавскую, туда еще раньше былъ посланъ нарочный собрать сходъ, а также и положенныя войска.

Дорогою мнѣ Свистуновъ разсказалъ, что, если полтавцы будутъ упорствовать, рѣшено еще 80 семействъ переселить за Кубань, на новые поселки.

Не дай Богъ этого, воскликнулъ я, не доводите этого, это было бы самое худшее.

Дорогою я рѣшилъ открыть церковь въ станицѣ, отслужить молебенъ; обо всемъ этомъ я сказалъ Свистунову.

— И это хорошо, слово Божіе вразумляетъ человѣка, и отъ дурныхъ словъ и поступковъ, приводитъ къ добрымъ, добавилъ онъ.

Въ ст. Полтавской мы всѣхъ уже застали въ полномъ сборѣ. На площади стояли старики съ хлѣбомъ — съ солью, который и поднесли Свистунову. Тутъ же былъ воинскій начальникъ Калери и другія долженствующія лица.

Свистуновъ началъ говорить: „Вы, старики, не исполняете предписанія ва-

шего начальства, вы распахиваете участки, предназначенные офицерамъ. Это не законно и за это законъ строго наказываетъ.—

— Ваше Превосходительство, намъ Государь Императоръ опредѣлилъ земли удобной отъ 20 до 30 десятинъ, а не удобной до 60 — наша же земля, больше половины неудобная, больше въ плавныхъ и камышахъ, да кромѣ того къ намъ въ надѣлъ зачислено больше 10 офицеровъ, намъ не знакомыхъ, намъ же приходится не больше 10 десятинъ на душу. Мы всегда вѣрно и право служили Его Императорскому Величеству, такъ говорили старики.

— Вы видите, говоритъ Свистуновъ, указывая на свой погонъ, на немъ вензель и Императорская корона, и я говорю именемъ Государя, вы должны исполнить все, требуемое начальствомъ!

Въ этотъ моментъ всѣ старики и казаки, ихъ было болѣе полутары тысячи, сняли шапки и стали на колѣни.

Свистуновъ говоритъ: встаньте!

Повторилъ еще два раза: встаньте!

Всѣ казаки говорятъ: мы стоимъ на колѣняхъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ, и просимъ васъ, просить за насъ милости у Государя Императора.

Вышла большая пауза.

Видимъ Свистуновъ растерялся и не ожидалъ, спустя немного онъ пришелъ въ себя и приказалъ открыть церковь служить молебенъ. Священникъ началъ служить молебенъ. Нужно было видѣть лица молящихся и поющихъ.

Проникновенное пѣніе и настроеніе молящихся невольно передалось мнѣ.

Такой службы я никогда не услышу. По моимъ щекамъ катились слезы.

Послѣ молебна я пригласилъ генерала на закуску. Уходя онъ обратился къ казакамъ:

Я видѣлъ, какъ вы молились, переговорите между собою и о вашемъ рѣшеніи передайте уѣздному начальнику, онъ потомъ доложитъ мнѣ.

Я угощалъ своего важнаго гостя закуской, а затѣмъ обѣдомъ. Послѣ обѣда былъ предложено кофе, во время кофе явился Калери.

— Что скажете, встрѣтилъ его генералъ, что надумали, одумались!

— Они и слышать не хотятъ, Ваше Превосходительство, мы ни въ чемъ не виноваты,—говрятъ они.

— Въ такомъ случаѣ придется поступить, какъ мнѣ приказано. Придется 80 семействъ перевести за Кубань, на новыя станицы, а вы, полковникъ, распорядитесь пригласить роту пѣхоты, и изъ нея составить на площади цѣпь.

Вы будете вызывать по списку самыхъ ненадежныхъ, они будутъ арестованы и отправлены въ Екатеринодаръ.

Свистуновъ и Калери пошли на площадь, а я пошелъ къ командиру роты съ приказаніемъ явиться на площадь и составить тамъ цѣпь. Солдаты быстро явились, составили цѣпь, тутъ же стояли Свистуновъ, Калери, я и другія начальствующія лица. Свистуновъ опять сталъ уговаривать, но на всѣ его рѣчи было полное нѣмое молчаніе.

— Вы сами виноваты, продолжалъ онъ, сами себя губите, вы не желаете исполнять приказанія начальства, и вотъ Государь рѣшилъ 80 семействъ выслать за Кубань...

Сейчасъ же стали вызывать по списку.

Вызванные входили въ кругъ.

Такъ вызвали всѣхъ. Подъ конецъ Свистуновъ еще разъ рѣшилъ испытать, можетъ быть виновные опомнятся.

— Вотъ смотрите, вы уже арестованы, васъ можетъ ждать еще худшая участь!!

Затѣмъ вошелъ въ кругъ. Арестованные стали просить о помилованіи. Генералъ опять свое, — тогда арестованные уже повысивъ голосъ и съ большею долею озлобленія стали роптать. Одинъ старикъ даже всталъ и сказалъ:

— Какое мы сдѣлали преступленіе!..

Тутъ уже я, видя, что дѣло можетъ зайти далеко, и могутъ расходиться страсти, почти насильно вывелъ генерала изъ круга.

Арестованныхъ, сейчасъ же, по моему приказанію, отправили съ ротою солдатъ, да кромѣ того, на всякій случай приказано конвоировать и сотнѣ казаковъ. Арестованные ночевали въ ст. Ивановской, а на слѣдующее утро уѣздный начальникъ отправилъ ихъ въ Екатеринодаръ.

Послѣ этого проишествія я получилъ извѣщеніе немедленно же явиться въ Екатеринодаръ, къ наказному атаману. Меня спрашивали и начальникъ области и Свистуновъ вмѣстѣ и отдѣльно, не волнуются ли Полтавцы, хорошо ли все это устроено ими. На всѣ такіе вопросы Свистунова я заявляю, что Черноморцевъ я мало знаю, все время я пробылъ на линіи. Потомъ собирався у наказнаго атамана совѣтъ изъ Свистунова, Калери, начальника штаба, Унковича и меня, какъ поступить съ арестованными. Больше всѣхъ ораторствовалъ Калери, онъ даже брался отправить и имущество арестованныхъ и ихъ семьи по два эшелона, но только при моей помощи...

Я заявилъ, что съ моей стороны будетъ сдѣлано все, я, какъ начальникъ, сдѣлаю все, а остальное пусть онъ беретъ на себя. На томъ и порѣшили. Такъ, и пусть будетъ такъ! Все это время въ Екатеринодарѣ я проводилъ у Цитовича, у него встрѣчался я и съ Свистуновымъ. Не разъ мы говорили объ этихъ печальныхъ исторіяхъ. Между прочимъ отъ высшаго начальства мнѣ была объявлена благодарность, что казаки 2-й и 3-й очереди остались въ сторонѣ. Съ своей же стороны скажу, хорошо, что всѣ эти дѣла дѣлались мною лично, или при участіи наказнаго атамана, не пришлось обнажить ни разу оружія. Чтобы было при другихъ, не знаю!

Это то и хорошо. А не дай Богъ, если бы пришлось имѣть дѣло съ Областнымъ правленіемъ, то не миновать вооруженнаго столкновенія. Но все хорошо, что хорошо кончается.

Въ бытность мою атаманомъ Темрюкскаго отдѣла мнѣ пришлось присутствовать на освященіи знамени, дарованнаго Высочайшею властію 24 полку. Присутствовалъ потомъ и на другихъ освященіяхъ, но церемоніи мало чѣмъ разнятся отъ той, о которой я собираюсь рассказать.

Это было въ 1869 году. Въ день освященія знамени казаки съѣздили въ горы, нарубилы сосновыхъ и еловыхъ деревьевъ и украсили ими площадь станицы. По срединѣ площади устроили павильонъ, отъ этого павильона побѣжали красивыя дорожки, засыпанныя сѣрымъ и краснымъ пескомъ.

Печальная, не уютная площадь на рѣкѣ Пшехсу, на этотъ разъ оживилась, точно молодая передъ вѣнцомъ, приукрасилась, принарядилась. Сюда же были вызваны ученики и старики-ветераны — бывшіе георгіевскіе кавалеры, первыми командовалъ учитель, а ветеранами, отставной подполковникъ Анисимовъ.

Въ 2 часа состоялась прибавка знамени, въ этомъ изукрашенномъ флагами и цвѣтами павильонѣ. Всѣ офицеры, по старшинству, вбивали по гвоздю въ дерево, молотокъ же, которымъ вбивали гвозди цѣль и находится у меня для памяти и назиданію потомству. Знамя красовалось и развивалось вѣтромъ часа два.

Вечеромъ была устроена церемонія зари; а такъ какъ 24-й полкъ былъ молодой, у него были только трубачи, музыки не было, то пригласили музыку изъ Майкопа. Прослушавъ зорю, всѣ гости отправились въ войсковое правленіе, гдѣ была предложена закуска и чай.

Самая церемонія была на слѣдующій день. Утромъ, этакъ часовъ въ 7, явился полкъ въ конномъ строю. Тутъ же стояли ветеринары и ученики. Въ 8 час. собрались офицеры къ знамени, у котораго стоялъ почетный караулъ. Было совершено молебствіе. Духовенство пришло съ хоругвями и иконами. Я стоялъ на колѣняхъ и держалъ древко, священникъ прочиталъ надъ знаменемъ молитву и окропилъ его св. водой, только лишь послѣ этого я передалъ знамя — знаменосцу. Была совершена присяга, и спѣшившіеся казаки вмѣстѣ со знаменемъ прошли въ церковь. Здѣсь была отслужена Божественная литургія съ молебномъ, гдѣ провозглашено многолѣтіе Государю и всѣму Царствующему дому. Тутъ то, по окончаніи и началось полное торжество, торжественный обѣдъ. Безъ обѣда, никакое торжество не будетъ полнымъ.

Казаковъ и стариковъ ждали убранные и накрытые столы, офицерство же было приглашено въ нарядно-убранную палатку. Столъ былъ накрытъ на 100 кувертовъ. Первый тостъ былъ за Государя, за всѣхъ Царствующихъ особъ, за Кубанское войско, за наказного атамана, онъ между прочимъ не могъ присутствовать на торжествѣ, а прислалъ бумагу *), за молодой полкъ и т. д.

*) Милостивый Государь

СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ!

Депутація отъ вѣреннаго Вамъ полка просила меня быть участникомъ торжества освященія знамени, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожалованнаго полку.

Не имѣя возможности отлучиться изъ Екатеринодара, гдѣ задерживаютъ меня дѣла необходимо требующія моего личнаго здѣсь присутствія, я съ душевнымъ прискорбіемъ вынужденъ отказаться отъ участія въ столь знаменательномъ для полка торжествѣ, и поручаю Вамъ поздравить полкъ отъ Меня съ Монаршею милостію и передать всѣмъ чинамъ мою увѣренность, что они вѣрно своею службою постараются вполнѣ заслужить такое высокое довѣріе къ полку ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

М. Цокни.

7 Октября 1869 г.

Г. Екатеринодаръ.

Его В-ю С. Ал.

Венеровскому.

Его Императорское Высочество Великий Князь
Михаилъ Николаевичъ.

Въ темрюкскомъ отдѣлѣ я прослужилъ сравнительно не долго, послѣ я былъ назначенъ атаманомъ Ейскаго отдѣла.

Въ составъ этого отдѣла входили многіе полковые округа, входили Уманскій, Ейскій, Кубанскій и Кавказскій; по своему пространству и разстоянію мой отдѣлъ былъ пожалуй больше всей теперешней Терской области.

Съ моимъ назначеніемъ перемѣнили и наказного атамана, вмѣсто Цокни, въ 1874 г. былъ назначенъ Кармалинъ.

На своемъ вѣку я видѣлъ не мало начальниковъ областей, нѣкоторые изъ нихъ были умные, добрые, хитрые, простые, талантливыхъ же было немного. Изъ всѣхъ же одинъ Кармалинъ выдавался своими способностями. Человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, гордый, очень умный, даже больше, чуть не оказался роковымъ для всего Кавказскаго казачества. Онъ уже давно лелѣялъ мысль и всѣми мѣрами старался осуществить свои желанія. Онъ проповѣдывалъ, что Кавказъ давно пора сравнить съ русскими войсками, отнять всѣ привеллегіи, коими до сихъ поръ пользовались казаки, уравнивать ихъ съ содержаніемъ прочихъ русскихъ войскъ. Постепенно, понемногу Кармалинъ сталъ осуществлять свой планъ. Уже при немъ въ войскѣ очутились чуждые, казачьему словію, лица; казачьи земли стали арендовать выходцы изъ Бессарабской и Таврической губерній; на необозримыхъ поляхъ Сѣвернаго Кавказа появились тысячи овецъ, количество послѣднихъ съ году на годъ все увеличивалось. Сначала эти земли арендовали, а при попустительствѣ Кармалина стали пріобрѣтать ихъ въ недвижимую собственность. Между прочимъ онъ не забылъ и себя, была продана съ торговъ земля, принадлежавшая прежде горцамъ, выселившимся въ Турцію. За Кармалинымъ были утверждены 1400 дес. земли, которыя онъ, какъ опытный дѣлецъ, передалъ своей женѣ.

Но о всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ было доложено Государю. Въ бытность Кармалина въ С.-Петербургѣ его судьба была уже рѣшена.

Распроставшись со всѣми должностными лицами, довольный собою и своими дѣлами, Кармалинъ уже собирался покинуть Петербургъ, какъ вдругъ по приказанію военнаго министра долженъ нѣкоторое время пребыть еще въ столицѣ.

Это было непонятно Кармалину, что же случилось, горизонтъ былъ совершенно ясенъ и подвоховъ и непріятностей онъ ожидать ни откуда немогъ. Полный недоумѣнія онъ пишетъ письмо военному министру, что дѣла службы заставляютъ его экстренно спѣшить въ Екатеринодаръ и т. д.

Въ отвѣтъ онъ получилъ, что военный министръ ничего не имѣетъ, если ему отпускъ разрѣшитъ князь Дундуковъ-Корсаковъ.

Отправился Кармалинъ къ Дундукову-Корсакову и говоря о своей ревности къ службѣ, о спѣшности, тотъ слушалъ его, долго слушалъ, подъ конецъ же заявилъ, что наказнымъ атаманомъ назначенъ ген.-лейт. Шереметевъ, который уже и отправился къ мѣсту своей новой службы.

Кармалинъ былъ совершенно обезкураженъ, повергнутъ въ прахъ, всѣ его надежды и вождѣленія разлетѣлись въ пыль.

Онъ только лишь могъ выпросить разрѣшенія увезти семью, и то лишь съ большимъ трудомъ.

Возвращаясь въ Екатеринодаръ, Кармалинъ пробылъ тамъ всего лишь 2 дня, на третій пріѣхалъ новый наказный атаманъ, Кармалинъ не медля долженъ былъ покинуть и Екатеринодаръ и Кавказъ.

Такъ погибъ гордый человѣкъ, съ своими честолюбивыми планами, если бы удался планъ Кармалина, то казачества уже больше бы не существовало.

ГЛАВА XI.

Майкопъ и поѣздка Государя Императора Александра III на Кавказъ.

Кончилась Кавказская война, кончилась бивуачная жизнь; дорого она стоила намъ денегъ, людей и времени, тянулась она болѣе полвѣка. Горцы были почти что замирены, я нарочно говорю замирены, потому что при первомъ же удобномъ случаѣ они бы возстали. Война окончилась, теперь должна начаться колонизаторская дѣятельность, нужно сломить послѣднія попытки сепаратизаціи горцевъ, нужно культивировать русскую гражданственность! Объ этихъ стремленіяхъ я говорилъ уже раньше, о поселеніяхъ и устройствѣ станицъ. Теперь нужно было привести войско въ болѣе блестящій видъ. Нужно ему придать наружную шлифовку. Кавказская армія была закалена, она родилась и воспитывалась во время войны, но она плохо знала технику военного дѣла, на плоскости. Не даромъ генераль Своевъ сначала удивлялся кавказцамъ, а затѣмъ уже сталъ переучивать, согласно новѣйшимъ требованіямъ техники военного дѣла. Начались ученія, маршировки, учащенные лагерные сборы. О первомъ лагерномъ сборѣ я упомянулъ вскользь.

Въ 1874 году лагерный сборъ былъ снова устроенъ подъ Майкопомъ, онъ былъ въ особенности интересенъ тѣмъ, что въ лагерь ждали Великаго Князя Михаила Николаевича. Въ этомъ лагерномъ сборѣ я участвовалъ, какъ начальникъ кавалеріи.

Въ предшествующіе годы замѣчались пробѣлы по кавалерійскимъ учебнымъ занятіямъ; меня же, какъ специалиста, рекомендовалъ начальникъ штаба Кубанскаго войска, Духовской. Особенное вниманіе было обращено на двухсторонніе маневры. Случались не разъ на этихъ маневрахъ недоразумѣнія, примирять противоположныя стороны приходилось мнѣ. Чѣмъ ближе приближалось время пріѣзда Великаго Князя, тѣмъ болѣе и болѣе нервничалъ Своевъ, больше волновался, и все свое вниманіе обращалъ на односторонніе маневры, на церемоніальный маршъ.

Тутъ же, на церемоніальныхъ маршахъ, Своевъ на первыхъ порахъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе. Кавалерія проходила церемоніальнымъ маршемъ, я, какъ ѣхавшій

во главѣ, подскакалъ и остановился сбоку Своева, а за мною командиръ полка. Своевъ мнѣ дѣлаетъ замѣчаніе.

— Неправильно трубачи играютъ походъ. Они должны подъѣхать раньше къ музыкантамъ и тамъ остановиться! А не играть, не доѣзжая меня! Покричать, какъ журавли, а затѣмъ ужъ скачутъ и останавливаются!

— Я на это замѣчаніе промолчалъ, только лишь сказалъ командиру полка, чтобы онъ прислалъ мнѣ чрезъ адъютанта казачій уставъ.

Былъ сдѣланъ второй заѣздъ. Опять Своевъ дѣлаетъ замѣчаніе.

— Вы не приняли во вниманіе мое замѣчаніе! —

Не говоря ни слова, я достаю присланный мнѣ казачій уставъ изъ кармана и передаю его начальнику штаба, полковнику Шаликову. —

— Убѣдите, пожалуйста, старика, что трубачи заѣзжали правильно, а также и въ томъ, что адъютантъ заѣхалъ по уставу. Своевъ понялъ, что замѣчаніе его, по всей вѣроятности, неправильно, но промолчалъ, ни сказавши ни слова. Кончился церемоніальный маршъ. Подали сигналъ всѣмъ начальникамъ собраться; начальство всѣхъ частей и родовъ оружія окружило Своева.

Вотъ господа офицеры, нервность въ прохожденіи, малый шагъ, нижніе чины не держатъ вѣрной дистанціи! Прошу всѣхъ обратить на это особенное вниманіе, скоро уже ожидается къ намъ пріѣздъ Его Высочества, а равенія нѣтъ! Не хорошо-съ!

Послѣ завтра, послѣ полевыхъ учений мы еще разъ повторимъ церемоніальный маршъ!

А затѣмъ, обращаясь ко мнѣ говоритъ:

— А когда писанъ Вашъ уставъ?

Я говорю, что давно, измѣненій въ немъ нѣтъ!

Да, я помню, продолжалъ Своевъ, когда я командовалъ Семеновскимъ полкомъ, бывалъ на смотрахъ и парадахъ въ присутствіи Самого Государя, а этихъ „журавлей“, не слыжалъ!

Ваше Превосходительство, а въ какихъ годахъ Вы командовали Семеновскимъ полкомъ!

— Въ 1843 году. —

Нашъ же казачій уставъ написанъ только въ 1845 году, а до того никакихъ уставовъ не было... —

Наконецъ, день, котораго я съ такимъ страстнымъ желаніемъ ждалъ и въ тоже время боялся, насталъ. Лишь только пробили вечернюю зорю, вдали въ клубахъ пыли показались экипажи высокихъ гостей.

Всѣ нижніе чины встрѣчали Великаго Князя, стоя на линейкахъ. Проѣзжавшіе экипажи привѣтствовали громогласными криками „ура“. Великому Князю представился Своевъ, а также представилъ и начальство.

— Сегодня я осматривать ничего не буду, и завтра то же, буду смотрѣть городъ и его учрежденія, а когда отдохну, тогда можно и дѣломъ заняться, такъ говорилъ долгожданный Высокій Гость.

Вечеромъ Его Высочество пригласилъ Своева и командировъ отдѣльных частей къ себѣ на квартиру. Передъ квартирой былъ выставленъ почетный ка-

рауль отъ Крымскаго полка со знаменемъ и ординарцами отъ всѣхъ полковъ и родовъ оружія. Поздоровавшись и обойдя фронтъ, принявъ также рапортъ Его Высочество отпустилъ карауль. Вечеромъ для начальства былъ сервированъ чай въ громадномъ залѣ.

Возвращался я съ тремя командирами полковъ и бригаднымъ командиромъ Кубанской артиллеріи, между прочимъ зашли къ начальнику Кубанской Области, Цокни, пріѣхавшему съ Великимъ Княземъ. Онъ спрашивалъ все ли спокойно, нѣтъ ли жалобъ какихъ-нибудь. На всѣ вопросы и безпокойства Наказнаго Атамана я поспѣшилъ его успокоить говоря, что все спокойно, а также и жалобъ никто не подавалъ.

При прощаніи я улучилъ минуту сказалъ Цокни, что моя супруга, пріѣхавшая въ Майкопъ, и имѣвшая здѣсь домъ, должна жить въ гостинницѣ. Вначалѣ въ домѣ жилъ судебный слѣдователь Волковъ, и когда городъ предложилъ ему перейти на городскую квартиру, онъ ужъ вотъ какъ 8 мѣсяцевъ не желаетъ очистить домъ.

— Его просили, я доносилъ Вамъ, Ваше Превосходительство; но все безъ толку. Цокни выслушалъ это внимательно.

— Жена моя рѣшила подать докладную записку Его Высочеству.

— Вы, г. Полковникъ, извините меня за мою медлительность, а также попросите за меня извиненія у вашей супруги! Пусть Ваша супруга не подаетъ докладной записки, все, что будетъ въ моихъ силахъ, я сдѣлаю! Даю вамъ честное слово!

Одно время я хотѣлъ было явиться съ своими людьми, выбросить вещи Волкова вонъ, а самого — нахала высѣчь!

Конечно, это говорено было въ пылу негодованія, но Волковъ, какъ говорится, и въ усь себѣ не дулъ.

— Ну-ка, пускай меня Венеровскій высѣчетъ, это не бѣда, а домъ то будетъ мой!

Что прикажете дѣлать съ такими людьми! Человѣкъ образованный, юридически образованный, призванный быть защитникомъ всего законнаго, первый же попираетъ законъ! Не даромъ въ народѣ баютъ, законы святы, а исполнители лихіе супостаты...

Въ тотъ же вечеръ Цокни говорилъ съ уѣзднымъ начальникомъ и городскимъ головою Шапошниковымъ. О чемъ начальникъ области говорилъ съ ними, они только рассказали, что полковникъ Венеровскій грозился высѣчь Волкова, но этотъ и такого позора не устршился.

Утромъ, на слѣдующій день, Его Высочество осматривалъ городъ Майкопъ, а также и городскія учрежденія. Осматривалъ лазаретъ, конское депо, вновь построенныя казармы и, наконецъ, тюрьму. Рядомъ съ дежурнымъ офицеромъ сталъ и слѣдователь Волковъ.

Цокни, сопровождавшій Великаго Князя, сказалъ вслухъ, но такъ громко, чтобы слышалъ и дежурный офицеръ.

— Не мѣшало бы и Васъ засадить сюда, въ эту тюрьму и сейчасъ же пошелъ прочь.

Волковъ хоть бы что, какъ будто эти слова и не къ нему относились, лишь только могъ плоско съострить.

— Эге, а видно то начальникъ области успѣлъ съ утра изрядно напиться!

Вышло и плоско, и грубо, и тупо.

Въ скоромъ времени Волковъ былъ удаленъ отъ должности.

Генераль Своевъ въ присутствіи Великаго Князя терялся, путалъ свои распоряженія, забывалъ свои приказанія; хотя Великій Князь и называлъ его своимъ дядькой, Своевъ, въ бытность свою въ Гвардіи, обучалъ Великаго Князя Михаила Николаевича и Николая Николаевича военной выправкѣ и маршировкѣ, но это нисколько не помогало, генераль робѣлъ. По приѣздѣ Великаго Князя изъ 19-ой дивизіи былъ сформированъ батальонъ, по каждой ротѣ отъ полка. Въ присутствіи Великаго Князя, батальонъ этотъ долженъ былъ взять приступомъ, сначала боевыи патронами, разставленныя мишени, а за ними городокъ. Передъ нимъ были выкопаны траншеи и волчьи ямы, насыпаны бастионы и батареи. Батальонъ ловко штурмовалъ, взялъ городокъ приступомъ и, пройдя его, остановился.

Великій Князь со свитой двинулся посмотрѣть, какъ исполнена задача.

Лишь только двинулась кавалькада, какъ подъѣхалъ Своевъ.

Ваше Императорское Высочество, тутъ проѣхать нельзя, здѣсь вездѣ накопаны волчьи ямы.

— Что Вы, генераль, тутъ батальонъ прошелъ штурмомъ, а мы не можемъ проѣхать верхомъ!? Гдѣ здѣсь можно проѣхать!

Ваше Императорское Высочество, нужно проѣхать городокъ съ правой стороны и подъѣхать къ батальону обратно, а оттуда уже подняться на городокъ!

Желанье генерала было исполнено.

— Спасибо, молодцы! благодарилъ Великій Князь за штурмъ, а вотъ за стрѣльбу скажу, нужно сначала посмотрѣть мишени!

Отъ батальона Великій Князь поднялся вверхъ, на городокъ, гдѣ продолжалъ осматривать батареи, ложементы, а также и волчьи ямы, вырытыя въ шахматномъ порядкѣ. Обратно же Великій Князь поѣхалъ черезъ траншеи и волчьи ямы, ѣхалъ онъ на лошади Нижегородскаго Драгунскаго полка, ему сопутствовали я, командиръ дивизіона Кубанской Области Есауловъ, командиръ Таманскаго полка Жуковъ, командиръ 1-ой Кубанской батареи и батальонный командиръ Кубанскаго полка, Эльснеръ.

Своевъ же и свита вернулись назадъ, объѣхавъ всѣ препятствія и только тогда приблизились къ Великому Князю. Какъ бы оправдываясь Своевъ говорилъ — Ваше Императорское Высочество, лошадь моя не подготовлена къ проѣзду такихъ препятствій.

Великій Князь лишь только улыбнулся на заявленія своего стараго дядьки и иронически изволилъ замѣтить — Благодаря этому вы многихъ молодыхъ штабъ-офицеровъ отъ большого конфуза избавили!.. Начало было удачное.

На слѣдующій день была назначена стрѣльба по мишенямъ 9 батарей, 4 пѣшимъ и 5 коннымъ. Предварительно изъ батареи было вызвано по два орудія на позицію и былъ данъ сигналъ наступать.

Пѣшіе на рысяхъ, конныя помчались во весь карьеръ.

Сигналъ, стой!

Мгновенно батареи останавливаются и начинается стрѣльба. Вначалѣ 2—3 выстрѣла были не изъ совсѣмъ удачныхъ, видно было, искали дистанціи.

Особенно отличились удачною стрѣльбою командиръ 5-ой конной батареи Подтягинъ, первой — Шарапъ. Изъ пѣшихъ батарей сильныя и глубокія пробоины сдѣлала батарейная батарея.

Великій Князь поочереды подъѣзжалъ къ каждой батарее и особенно благодарилъ наиболѣе искусныхъ.

Согласно распisanію на этотъ день предстоялъ еще и смотръ кавалеріи, начальникомъ которой былъ я. Стояла она въ верстахъ 3—4 отъ этого мѣста, гдѣ была примѣрная пушечная стрѣльба.

Узнавши, что Великій Князь будетъ сейчасъ же смотрѣть и кавалерію, я поторопился, поскакалъ впередъ, сдѣлалъ ломку фронта, заѣзды въ карьеръ, а затѣмъ остановился. Всевозможныя чувства обуревали меня. Неудачи я не ожидалъ, но какое то особенное невѣдомое чувство меня беспокоило. Моментально предъ моими глазами представился другой смотръ, во времена моей молодости— это смотръ Воронцова въ Тифлисѣ... Но вотъ уже издали показались силуэты свиты, а между ними и Великій Князь. Я рысью его встрѣчаю, моментально, на карьерѣ, останавливаю лошадь и рапортую:

— Въ строю, имѣю честь доложить Вашему Императорскому Высочеству, состоитъ 11 сотенъ, въ каждой сотнѣ по четыре взвода, въ первомъ и четвертомъ взводахъ по 12 рядовъ, въ третьемъ и во второмъ по девяти рядовъ!

Подъѣхалъ Великій Князь къ правому флангу, и здѣсь, двигаясь къ срединѣ, здоровался съ каждою сотнею.

На срединѣ Великій Князь изволилъ спросить можно ли сдѣлать перемѣну фронта по первой сотнѣ праваго фланга перваго взвода направо, по кавалерійскому уставу.

Ваше Императорское Высочество, въ казачьемъ уставѣ этого построенія нѣтъ, но мы практиковались и по драгунскому уставу!

Великій Князь еще разъ пожелалъ увидѣть эти построенія.

Отъѣхавъ отъ Великаго Князя на средину фронта скомандовалъ:

— Прошу командировъ полковъ!

Ко мнѣ подскакали командиры.

Прошу предупредить сотенныхъ командировъ сдѣлать перемѣну фронта направо, по драгунскому уставу.

Предупредивши отрядъ кавалеріи, я снова подъѣхалъ къ Великому Князю.

— Прикажете Ваше Императорское Высочество начинать!

Великій Князь соизволилъ дать разрѣшеніе.

Подъѣхалъ къ первой сотнѣ, взмахнулъ шашкой, — со словами — перемѣна фронта, направо. Великій Князь, знавшій такія перестроенія, а также зная, что нужно уходить изъ середины, поскакалъ, а за нимъ и свита. Генералъ же Своевъ, мало знакомый съ перестроеніемъ казаковъ, едва едва могъ ускакать; промѣшкay онъ еще полминуты, ему бы не выбраться изъ казачьихъ рядовъ. Отъ сильнаго

движенія такой массы людей и лошадей пыль поднялась столбомъ, ничего нельзя было разглядѣть. Но лишь только вѣтеръ отнесъ въ сторону пыль отъ фронта, Великій Князь заѣхалъ на правый флангъ и могъ увидѣть образцовое равненіе 11 сотенъ.

У меня на полковыхъ ученіяхъ такія перестроенія практиковались, но не всегда удачно, я думалъ, что и на этотъ разъ выйдетъ какая нибудь путаница. Все же, какъ никакъ, настроеніе у всѣхъ было повышенное, каждый командиръ могъ ожидать провала, но къ моей великой радости все шло великолепно, даже и погода благопріятствовала. Воздухъ былъ сухъ и прозраченъ, ни малѣйшаго вѣтерка, все это конечно увеличивало шансы, что парадъ пройдетъ самымъ блестящимъ образомъ.

— Есть холостые патроны? — спросилъ Великій Князь.

— Есть, отвѣчаю я.

— Могутъ по сигналу вызвать по полсотни.

— Могутъ выйти, Ваше Императорское Высочество, какую прикажете?

— Вторыя!

Отъ Великаго Князя подается сигналъ.

Я командую,—вторыя полусотни по сигналу, въ разсыпку!

А тамъ уже подхватили.

Сотенный командиръ кричитъ,—вторыя полусотни, рысью, впередъ!

— Вторыя полсотни, рысью впередъ,—командуютъ младшіе офицеры; Великій Князь подаетъ сигналъ въ разсыпку, а затѣмъ открыть огонь.

Каждый звукъ команды проникаетъ всѣ фибры казачьяго тѣла.

Вторая полусотня двинулась.

Сигналъ, разсыпся!

Полусотня разсыпалась.

Командиры командуютъ, шашки вонь!

Снова сигналъ Великаго Князя, стой!

Полусотня стала, какъ вкопанная.

Сигналъ, открыть огонь!

Опять командиры кричатъ:

— Смирно, шашки въ ножны, ружья изъ чехловъ!

Команда слышится, какъ частая дробь.

Опять раздались голоса вахмистровъ, правофланговыхъ, шашки въ ножны...

Полусотня представляла изъ себя какую то удивительную машину, ни одного лишняго движенія, всѣ жесты, движенія методически размѣренные, правильные...

Открыли огонь.

Сигнализируютъ, прекратить стрѣльбу.

Прекратили.

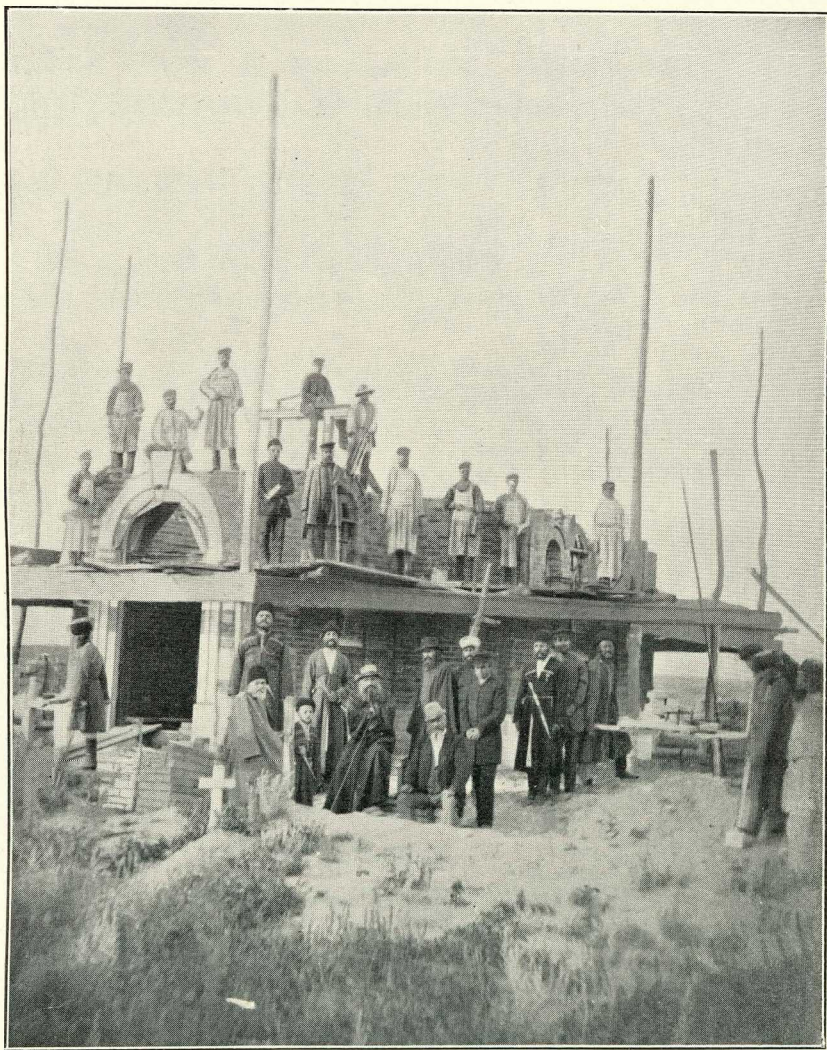
Сигналъ, отбой.

Снова построеніе фронта, командуетъ Великій Князь.

Первыя полусотни двинулись ко вторымъ рысью.

Еще разъ повернулъ Великій Князь заѣздъ, кругомъ посотенно.

Снова исполнили.

Закладка церкви въ станицѣ Павлодольской,
Терской области.

Великій Князь поѣхалъ на лѣвый флангъ, мнѣ же приказалъ сотни поставить въ полковыя колонны. Подъѣзжая къ каждой сотнѣ отдѣльно Великій Князь милостиво благодарилъ за блестящій парадъ и спрашивалъ названія полковъ. Урупскій, Таманскій, Екатеринодарскій и учебный дивизионъ; отвѣчаю я на всѣ вопросы Великаго Князя. Еще разъ благодарилъ меня и командировъ; послѣ смотра Великій Князь поѣхалъ въ городъ, я же и отрядъ, счастливый и довольный блестяще проведеннымъ смотромъ, съ пѣсенниками, возвратились въ лагерь.

— Ну, застрѣлили вы, полковникъ, большого медвѣдя, привѣтствовалъ и поздравлялъ меня генералъ Своевъ.

Вечеромъ всѣ командиры были приглашены на чай къ Великому Князю.

Разговоры больше велись на военныя темы, между прочимъ, когда зашелъ разговоръ о перестроеніи кавалеріи, бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Олхазовъ замѣтилъ:

— Командиры пѣхотныхъ полковъ очень испугались и едва едва усаkali отъ казаковъ...

Въ скорости мы проводили Великаго Князя.

Немного спустя, случилось одно происшествіе, о которомъ я хочу сказать и вывести свою точку зрѣнія.

Казаки сословіе военное, слѣдовательно и судить ихъ нужно военнымъ судомъ, да къ тому же начальствующія лица станицъ, какъ атаманъ, урядникъ должны судиться по военному закону, а между тѣмъ судились по гражданскимъ.

Сотникъ Занкисовъ застрѣлилъ подъ станичнымъ атаманомъ лошадь.

Было такъ, сотня Занкисова въ маѣ мѣсяцѣ исполняла практическія работы. Для исполненія ихъ должны были собраться казаки станицъ Малороссійской и Старолеушковской; сотня составлялась изъ этихъ станицъ.

Занкисовъ осматривалъ казаковъ, дѣлалъ выводку лошадямъ, отмѣчалъ лошадей съ побитыми спинами. Здѣсь же стояли и инструкторы.

Во время этой работы пріѣзжаетъ атаманъ станицы Малороссійской и проситъ отпустить казаковъ на молебень. Занкисовъ отвѣтилъ, когда онъ освободится, тогда и отпустить. Второй разъ пріѣзжаетъ атаманъ и говоритъ, что священникъ готовъ и ждетъ, на это Занкисовъ отвѣчаетъ, что занятъ. Снова подъѣзжаетъ атаманъ въ третій разъ и говоритъ, что народъ и священникъ вышли изъ церкви и ждутъ. Занкисовъ говоритъ, что когда кончитъ, тогда и пріѣдетъ.

Поворачивая круто лошадь, атаманъ ударилъ по головѣ Занкисова и поскакалъ къ толпѣ народа.

Сотникъ выхватилъ револьверъ, въ атамана не попалъ, а только убилъ лошадь.

О своемъ оскорбленіи и объ убійствѣ лошади донесъ командиру полка.

Командиръ полка Бѣляковъ, хотя и принялъ рапортъ Занкисова, но совѣтовалъ его взять обратно. Занкисовъ не согласился.

Сюда же прибылъ и я. Занкисову, не въ примѣръ прочимъ, подалъ руку и поблагодарилъ его, что онъ защитилъ честь мундира.

— Надѣюсь сотникъ, что законъ Васъ оправдаетъ!

Дѣлаю донесеніе наказному атаману, дѣло же передаю военному слѣдователю.

Только тотъ скоро мнѣ возвращаетъ, и говоритъ, что атаманъ не подсуденъ военному суду, а такъ какъ онъ въ отставку, то и подлежитъ вѣдѣнію суда гражданскаго. Обращался я въ Тифлисъ, а также и къ родственнику моему, товарищу прокурора, но на всѣ мои хлопоты, всѣ отказывались, говоря, что это дѣло суда гражданскаго. Что же, придется покориться! Дѣло поступило гражданскому слѣдователю. Тянулъ онъ дѣло года полтора, а все же никакого результата.

Занкисовъ жаловался на проволочку наказному атаману, тотъ, по моимъ настояніямъ, донесъ главнокомандующему на Кавказѣ, князю Дундукову-Корсакову, который, въ свою очередь, потребовалъ заключенія отъ гражданскаго начальства. Только лишь теперь было прислано постановленіе устранить сотника Занкисова отъ всякой отвѣтственности.

Вотъ вамъ и гражданскій законъ, судъ скорый, и, не обратись князь Дундуковъ-Корсаковъ, можетъ быть пришлось бѣдному сотнику ждать еще года 2—3.

Въ 80 годахъ послѣ Кармалина начальникомъ области былъ назначенъ Шереметевъ, о которомъ я упоминалъ раньше. Но онъ въ Кубанской Области прослужилъ недолго; въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ помощникомъ намѣстника Кавказа, а на его мѣсто, въ 1887 году былъ назначенъ начальникомъ области и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго войска, Леоновъ. Въ 1887 году онъ былъ назначенъ, а на слѣдующій годъ было получено извѣстіе, что Государь Императоръ Александръ III съ своимъ Августѣйшимъ Семействомъ собирается посѣтить Кавказъ, между прочимъ Кубанскую и Терскую Области, а затѣмъ моремъ проѣдетъ въ Батумъ, Поти, Ахалкалаки и Тифлисъ.

Все на Кавказѣ заволновалось, еще бы, Самъ Верховный Глава Россіи, собирается смотрѣть край. Повсюду стали все приводить въ порядокъ, чистить, показывать все въ праздничномъ видѣ. Къ Кавказу можно было уже и теперь предъявлять самыя строгія требованія. Край въ высшей степени богатый, все имѣется въ изобиліи, не достаетъ только сказочныхъ молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами!

Навели повсюду порядокъ и въ Кубанской Области. Между прочимъ пришлось убрать и лицъ не вполне благонадежныхъ. Къ сожалѣнію въ Екатеринодарѣ нашлось 13 молодыхъ людей, которыхъ на время присутствія Государя выслали въ города Ейскъ и Майкопъ, подъ надзоръ полиціи. Даже среди военныхъ нашлись лица, присутствіе коихъ было признано опаснымъ. Такъ, пришлось удалить, даже съ жандармами, дочь командира полка, Кубанскаго войска, Герко, на время пребыванія Августѣйшаго Семейства. Дѣвица Герко доставила очень много непріятныхъ и тяжелыхъ минутъ своему отцу и брату. Говорятъ, что она была виновницей сумашествія отца и скоропостижной смерти отца и брата!

Въ бытность Государя и его Августѣйшаго Семейства въ г. Екатеринодарѣ я былъ назначенъ начальникомъ охраны.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, 1888 года, Императоръ Александръ III и его Семейство посѣтили Терскую и Кубанскую Области. Въ г. Владикавказѣ были 18, а 21-го прибыли въ Екатеринодаръ. Въ дни пребыванія Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ въ городѣ Екатеринодарѣ на меня была возложена охрана, состоящая изъ 18 штабъ-офицеровъ, 47 чиновниковъ и оберъ-офицеровъ, 1500 урядниковъ

и казаковъ, преимущественно георгіевскихъ кавалеровъ и 473 гражданъ, купцовъ и мѣщанъ города Екатеринодара. Порядокъ былъ образцовый, никакихъ столкновений, непріятностей по службѣ и охранѣ не было. Говорю это прямо, положивши руку на сердце, не хочу приписать это своей распорядительности, а просто всѣ чины охраны сознавали важность и величайшую отвѣтственность возложенной на нихъ миссіи, они прекрасно знали, что въ ихъ рукахъ и жизнь и смерть.

Нижніе чины получили отъ Царя-Батюшки по 50 коп.; я же удостоился перстня съ бирюзой и брилліантами; между прочимъ два раза удостоился приглашенія къ царскому завтраку.

22 Сентября въ Екатеринодарѣ былъ войсковой кругъ. Празднество посѣтили дорогіе Высокіе Гости. Послѣ завтрака пошли къ депутатамъ, которые обѣдали на обширныхъ столахъ.

Государь взялъ рюмку вина и изволилъ произнести:

— Пью за здоровье и процвѣтаніе Кубанскаго войска.

Раздалось отовсюду громовое „ура“, такъ благодарили кубанцы за честь обожаемаго Государя.

Наслѣдникъ престола Его Императорское Высочество Николай Александровичъ, атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, произнесъ тостъ за здоровье Отца-Государя. Опять не смолкаемое „ура“. Князь Дундуковъ-Корсаковъ произнесъ тостъ за здоровье Матушки Царицы; опять „ура“.

Государь и Государыня прошли въ кругъ обѣдающихъ, любезно разговаривая и спрашивая бравыхъ георгіевскихъ кавалеровъ.

Между депутатами находился казакъ изъ бывшаго Черноморскаго эскадрона, старикъ былъ въ мундирѣ съ 4-мя рукавами.

Государь сталъ спрашивать о томъ, когда старикъ вышелъ въ отставку.

Тотъ отвѣтилъ.

— О, я еще тогда и не родился. Дай тебѣ Боже здоровья! — милостиво говорилъ Государь Императоръ.

Депутаты стали меня просить, можно ли взять Наслѣдника на руки, какъ Наслѣдника Николая Августѣйшаго Наказнаго Атамана.

Тутъ же всѣ присутствующіе и я взяли и подняли Его Высочество Государя Наслѣдника Николая Александровича на руки. Государь смотрѣлъ и улыбался.

Послѣ ухода Государя и Государыни, Наслѣдника стали качать съ громкими криками „ура“.

До выхода къ депутатамъ, Государь предложилъ курить. На особомъ столикѣ лежало много папиросъ. Указывая на папиросы Государь говорилъ:

— Это ваши, кубанскія, вѣроятно хорошаго качества! Мнѣ ихъ поднесли ваши кубанскіе плантаторы!

Я подошелъ, взялъ десятокъ и подѣлился съ другими.

Впереди стояли горскіе князья, къ нимъ подошла Государыня и стала разговаривать, я, конечно, сейчасъ же потушилъ папиросу. Къ депутатамъ, впереди шелъ Великій князь Георгій Александровичъ.

Указывая мнѣ дорогу, онъ любезно предложилъ пройти первому.

— Идите, Ваше Превосходительство!

— Вы у насъ въ гостяхъ, Вамъ и нужно идти! говорилъ я. Но только позвольте закурить (онъ шелъ съ папироской) отъ Вашей папироски огня на память. У Васъ только начала горѣть, у меня же, старика, потухла!

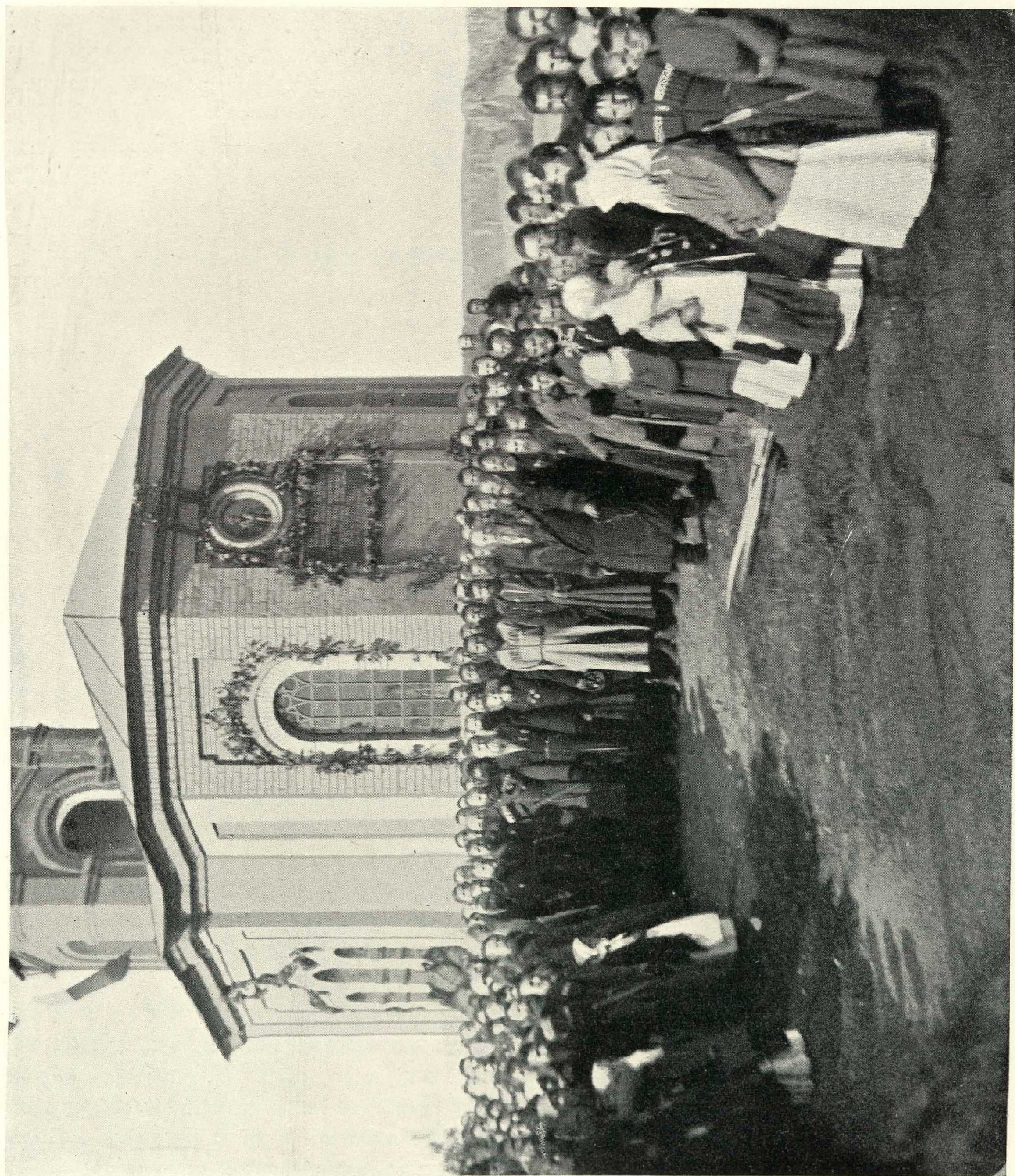
Но все же попросилъ его пройти первымъ. По поводу этой папиросы было не мало толковъ и разговоровъ.

23-го числа со мною милостиво изволила разговаривать Государыня.

— Я очень счастлива, что вижу отцовъ дѣтей! Когда пріѣду въ Гатчину я скажу объ этомъ своимъ казакамъ!

— Ваше Императорское Величество, Матушка Царица! Мы счастливы! Мы видѣли Царя, Царицу съ Августѣйшимъ Атаманомъ и князя Георгія Александровича. Этого торжества не бывало на Кавказѣ со дня присоединенія его къ престолу и отечеству!...

Въ дни пребыванія своего на Кавказѣ, въ Кубанской области, Государь даровалъ кубанскому войску землю Горной полосы, планъ земель былъ утвержденъ тутъ же въ Екатеринодарѣ. Благодарное Кубанское казачество рѣшило послать депутацію съ выраженіемъ глубочайшей благодарности и выраженія вѣрноподданныхъ чувствъ.

Освященіе церкви въ станицѣ Павлодольской, Терской области.

ГЛАВА XII.

Закладка и постройка Павлодольской Церкви.

18 Октября того же 1888 года случилось крушение царскаго поѣзда у станціи Борки К.-Х.-С. желѣзной дороги и чудесное спасеніе всего Царскаго Семейства. Я еще раньше читаль о чудесахъ св. Николая, но меня иногда брало невѣріе вплоть до крушенія царскаго поѣзда. Здѣсь я прозрѣлъ и въ сердцѣ своемъ далъ обѣщаніе въ станицѣ Павлодольской построить церковь въ память чудеснаго спасенія Государя и Его Семейства.

Здѣсь же прилагаю повѣсть „о Чудеси Святаго Николы, яже объ Агриковѣ сынѣ Василии“. Повѣсть эта произвела на меня сильное впечатлѣніе.

ПОВѢСТЬ О ЧЮДЕСИ СВЯТАГО НИКОЛЫ, ЯЖЕ О АГРИКОВѢ СЫНѢ, ВАСИЛИИ.

Не мню праведно, ниже достойно и се умолчати, еже о чюдеси, святаго и преподобнаго отца нашего, Николы. Бяше бо, нѣкій мужъ, именемъ Агрикъ, добродѣтелна и благоговѣйна жительства, и сынъ единороденъ ему бысть, Василій зовомъ, иже во Антіохійстей странѣ, близъ срацынъ, живый. Благодатию же Божіею украшенъ, кипя богатствомъ многимъ, и имѣя вѣру велію ко святому отцу Николѣ. Сего ради по вся лѣта на память святаго отца Николы, день той торжественно препровождая и двѣ трапезѣ поставляя, едину убогимъ, а другую сосѣдомъ и другомъ и прочимъ. Бѣ же церковь, создана, во имя святаго отца Николы, яже пять поприщъ отъ града разстояніе имѣя и тамо на всяко лѣто собирахуся людіе, на память святаго отца Николы. Воедино же, отъ лѣтъ, на славную его память, многимъ же людемъ грядущимъ, еже на праздникъ, ко святей церкви его. Благоговѣйный же, оный мужъ, посла сына своего Василія, со отроки своими, и рече ему, иди чадо къ церкви святаго отца Николы, и сотвори по обычаю, якоже отъ наю прочими лѣты наученъ еси, яко давечернаго пѣнія со страхомъ предѣстоя послушаши! Такоже и утреннюю всю, и божественную литургію, и потомъ возвратишися въ домъ наю, на обѣдъ азъ и мати твоя устроима яже суть на потуребу нищимъ. Сія же слышавъ Василій отъ отца своего, и отъиде съ радостію. Бысть же егда во время утренняго пѣнія, и се внезапно придоша срацыни и окруживше церковь, плѣниша вся народы, туже и Василія Агрикова

сына, во островъ критскій отведоша и даша его срацынскому князю Амирѣ, бѣ бо зѣло красенъ. И повелѣ ему срацынскій князь предъ лицемъ своимъ стояти, а другія продаша, иныя же въ темницѣ затвориша. Родителя же Василиева сія слышавше во плачъ и рыданіе обратишася. И вмѣсто радостнаго ликоствованія, постиже ихъ печальное сѣтованіе, и тако за два лѣта пребывающе. Памяти же святаго, несотворяюще, но печалію обливающеся, и слезами рыдающе сице глаголаху: сынѣ наю любезный, како ты нынѣ съ сверьстники твоими незрима, и рукама не обымаема, и устнама не цѣлуема добрѣ бы нама да быхъ ты видѣла на одрѣ суца въ болѣзни лежаща, и дабы ты воздвигнула своима рукама и обратила, нежели нынѣ вѣпадша въ поганыхъ руцѣ слышимъ и аще бы смерть приключилася тебѣ, то съ радостію бы земли тѣло твое предала, сердце же и чрево наше не бы терзалося. Толико сія има глаголющима, и прочая подобна симъ. Слышаху же сосѣди ихъ и вся сродницы, стекахуся вси на утѣшеніе скорби ихъ и рыданія, и сице глаголаху има, что яко едини въ скорбѣхъ нетерпѣлива являетсяя, или невѣста чюднаго Николы, колико много по суху и по морю чюдесъ содѣлаеть; меча же и плѣненія и отъ всякихъ неповинныхъ смертей много избавляетъ и ина глаголаху имъ, многа на разрушеніе печали. Слышавше сія Агрикъ отъ ближнихъ своихъ, утѣши вся мало отъ печали, и воставъ иде къ женѣ своей и рече ей, есть ли намъ кая полза, еже много плачемася. Уже бо третіе лѣто всей печали, забыхома и о памяти святаго отца Николы, и не изыдохомъ къ нему на праздникъ, нынѣ послушай мене, и пріимемъ свѣща и масло и фиміамъ, и пойдѣмъ къ святому, и помолимся ему съ вѣрою, яко до онаю сынѣ Василии утѣшеніе пріимемъ отъ него, и съ великою надеждою возвратимася. Можество сына нашего въ руцѣ дати нама, или всячески объявити о немъ, живъ ли есть, или мертвъ. Сія же слышавъ жена его, рече ему, добрѣ господинѣ глаголеши, сотворима якоже хочещи, понеже и праздникъ приспѣ святаго отца Николы. И тако сотворше, воставше и съ радостію течяху къ церкви святаго отца Николы и сотвориша по обычаю лѣпо празднующихъ, и возвратишася въ домъ свой. Созваше на вечерю сродники своя, и вся ближняя сосѣдъ, поставиша трапезу и начаяша ясти и пити славяще Бога, и святаго отца Николу, чюдеса поминающе. Егда же бысть въ годъ вечера ихъ, и начаша псы лаяти прилежно и рече Агрикъ отрокомъ своимъ, идѣте и увидите, что притужаютъ псы, звѣрьми есть, или ино что, отроцы же шедше, ничто же видѣша; псы же паче притужаху лающе. Агрикъ же взя свѣщъ и поиде видѣти съ прочими, и видѣши чловѣка посреди двора стояща въ срацыньстѣй одежди, и убояшася, недоумѣвахубося, что есть сіе. Егда же Агрикъ приступи къ нему близъ, и видѣ отрока юна стояща, и сткляницу полную вина, въ руцѣ держаща, и осматрѣша нанъ, ничто же глагола, но страхомъ и радостію одержимъ бысть, и едва проглагола во ужасѣ велицѣ, о чадѣ мое Василие, се нынѣ тя зрю, воистину ты ли еси, сынъ мой, или стѣнными тобою ся кажетъ. Отрокъ же Василий скоро отвѣща, азъ есмь единородный сынъ твой, его же безбожнии Срацыни плѣниша, и въ Критъ отъ вашихъ нѣдръ, родителей моихъ отведоша. Сія слышавъ отецъ его Агрикъ, простеръ руцѣ, и охавивъ нача цѣловати его и вопрошая его, рече, рцы ми, сладкое мое чадѣ, како еси избѣжалъ отъ безбожныхъ Срацыньскихъ рукъ, или съ кѣмъ, чадѣ мое, совѣ-

щался еси, исповѣждь ми вся, отцу своему. Отрокъ же рече отцу своему, ничто же отче вѣмъ сего, о чемъ же мене вопрошаеши! Но се едино вѣмъ, еже на вечери нынѣ срацыньской князю предстоялъ есмь; понеже егда плѣниша мя и ведоша въ Критъ, и отдаша мя срацыньскому князю Амирѣ и отъ того времени Амиръ, срацыньскій князь, постави мя черпати вино, и держати въ сткляницѣ предстоящу, лицу его, якоже мене отче нынѣ видиши и се невѣмъ: кто силенъ напрасно, восхити мя и со сткляницею сею, юже и еще держу яко вѣтромъ несе, и постави мя здѣ и видѣхъ поставляющаго мя на мѣстѣ семъ великаго отца Николу. Слышавше сія, отецъ его Агрикъ, радости наполнился о велицемъ чудеси, емъ за руку и предаде матери его. Она же, видѣвъ сына своего, отъ радости плачущи, и многая словеса умильная глаголющи, и рукама объемъ, непремѣнно лобызаючи; сие глаголющи, нынѣ тя вижу Василіе, многолюбезное чадо мое; нынѣ ненадѣемаго тя видѣти въ руку моею, держащу ми, нынѣ сладкое мое чадо имамъ тя утѣшеніе души моей; нынѣ вся печали естества моего разрѣшишася. Уже бо вся благая моя рукама моима держу, таже и ина многа умиленія, глаголаше о немъ. Слышавше же вси иже окрестъ того мѣста живущіи людіе, скоро стекошася на таковое слышаніе и на веселіе не излаголаннаго чудесе святому и великому отцу Николѣ, честенъ праздникъ сотвориша, славяще святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки, вѣковъ, аминь!

Мысль о постройкѣ церкви меня не оставляла. Я рѣшилъ ее построить въ родной станицѣ Павлодольской, Терской Области. Чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, осенью же 1888 года я написалъ письмо рекомендованному мнѣ полковникомъ Попко строителю церковей Травалье, не возьметъ ли онъ на себя трудъ построить церковь, въ память чудеснаго спасенія Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства съ тѣмъ, чтобы къ годовщинѣ (17 Октября 1889 г.) ее освятить. Травалье вмѣсто отвѣта пріѣхалъ самъ и съ нимъ былъ сдѣланъ договоръ. Затѣмъ по его же совѣту, зимою стали готовить необходимый матеріалъ, а весною, въ Маѣ 1889 года было приступлено къ работѣ.

Для освященія мѣста былъ приглашенъ мѣстный епископъ изъ Владикавказа, Іосифъ, но по болѣзни не могъ пріѣхать. Чинъ освященія храма совершали протоіерей Орловъ, благочинный священникъ Жуковъ, да еще шесть священниковъ. Начальникъ Терской Области Смѣкаловъ по болѣзни не могъ быть, прислалъ же своего замѣстителя, младшаго помощника Писарева.

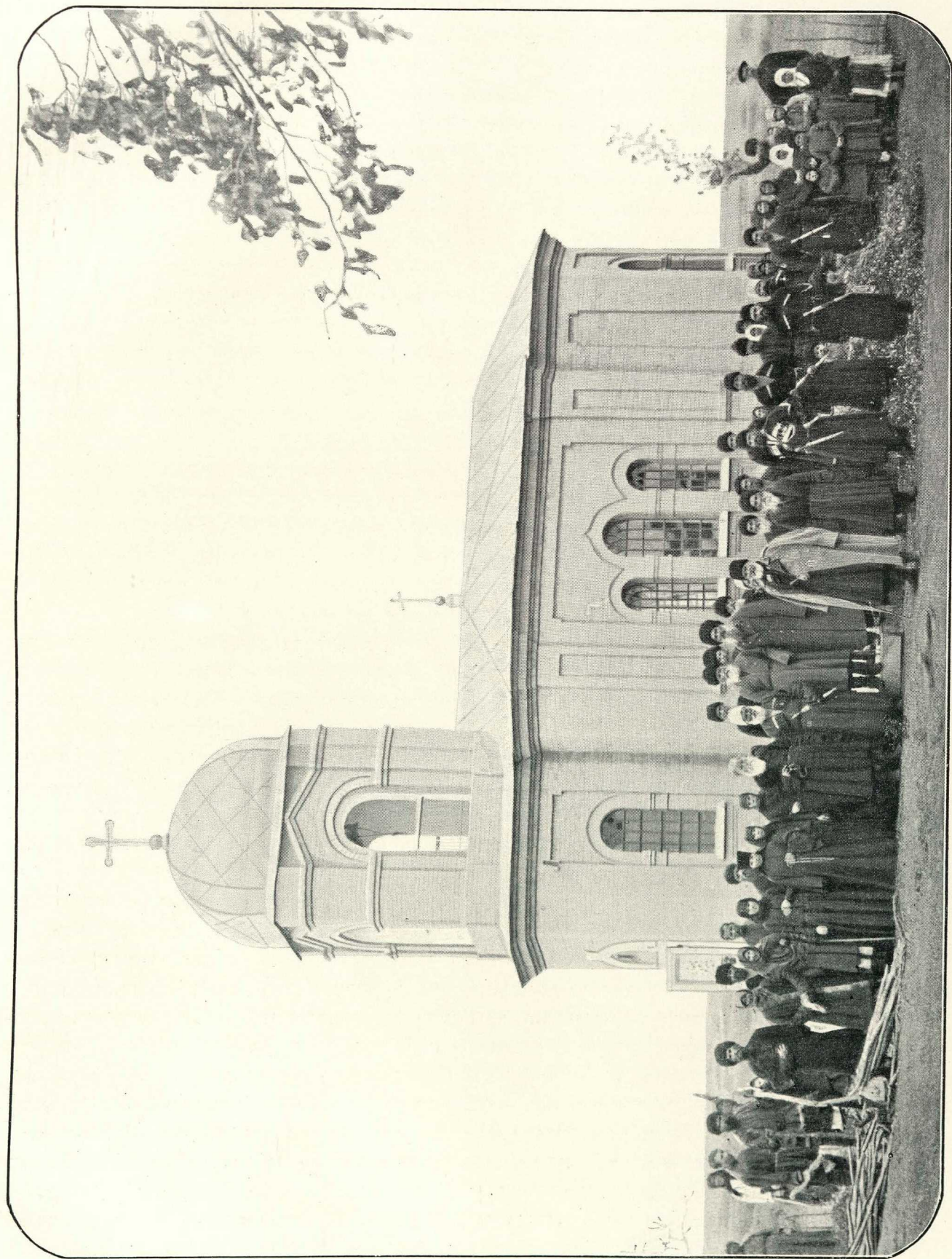
Здѣсь я не буду распространяться о торжествѣ, лучше всего приведу мнѣнія и слова посторонней публики:

„День Святого Вознесенія 18 Мая останется на долго въ памяти жителей станицы Павлодольской, по случаю совершившейся въ этотъ день торжественной закладки церкви въ ихъ станицѣ, по иниціативѣ и на собственный счетъ стараго кавказскаго ветерана, Его Превосходительства, генераль-маіора Стефана Александровича Венеровскаго,—въ память чудеснаго спасенія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи, во время крушенія поѣзда 17 Октября 1888 года. По полученіи разрѣшенія начальства приступить къ сооруженію постройки, тотъ-часъ

было сдѣлано распоряженіе объ освященіи мѣста и закладки зданія; вмѣстѣ съ тѣмъ повѣсткою послано извѣщеніе объ этомъ во всѣ станицы и аулы въ окружности. И вотъ еще наканунѣ праздника пріѣхала масса народа съ горъ, изъ Моздока, и изъ всѣхъ сосѣднихъ станицъ къ мѣсту освященія и на закладку перваго камня для фундамента новаго Божьяго храма. Хотя и трудно опредѣлить количество пріѣзжаго люда на предстоявшее торжество, но можно приблизительно сказать, судя по количеству распряженныхъ подводъ, расположенныхъ вокругъ и по дворамъ станицы, что пріѣхало до пяти тысячъ человѣкъ, среди которыхъ были и иновѣрцы, и молокане, и разные другіе сектанты, проживающіе въ горахъ и въ окрестностяхъ станицы Павлодольской. Въ день Вознесенія, послѣ Божественной литургіи въ мѣстной станичной церкви, протоіерей, о. Ѳеодоръ Орловъ, изъ Моздока, съ мѣстными и приглашенными священниками и дьяконами, предшествуемые хоругвями и иконами изъ приходской церкви съ прекраснымъ хоромъ станичныхъ пѣвчихъ и въ сопровожденіи Его Превосходительства Стефана Александровича съ семействомъ, представителя заболѣвшаго Наказнаго Атамана Терской области, полковника Стефана Ивановича Писарева, командированнаго сюда для этой цѣли, штабъ и оберъ-офицеровъ, прибывшихъ изъ сосѣднихъ станицъ и всей массы собравшагося на торжество народа, отправились за станицу около кладбища, гдѣ приготовлено мѣсто для освѣщенія и постройки. Долгъ справедливости требуетъ сказать нѣсколько словъ о приготовленіи мѣста для означенной постройки. Временная ограда окружала Святое мѣсто, назначенное для основанія Божьяго храма; внутри ограды вокругъ рвовъ находились массы строительныхъ матеріаловъ: великолѣпно тесанные штучные камни, доставленные изъ Владикавказа, жженный кирпичъ, известь, песокъ, строевой лѣсъ и три колокола; ограда была украшена разною зеленью — вѣтвями, травами, цвѣтами и имѣла видъ живаго забора; для параднаго входа устроены были триумфальныя ворота, вверху которыхъ красовался Царскій вензель съ короною Его Величества, Императора Александра III — со многими флагами русскихъ національныхъ цвѣтовъ. Всѣ эти украшения были убраны разною зеленью и живыми нѣжными майскими цвѣтами. При входѣ въ эту импровизированную ограду, по бокамъ триумфальныхъ воротъ въ видѣ часовыхъ стояло по одному 80-ти лѣтнему казаку въ полномъ старинномъ вооруженіи, которые съ обнаженными шашками ожидали духовную процессію, чтобы отдать честь Богу и людямъ. Какъ пріятно было видѣть этихъ славныхъ казачьихъ ветерановъ съ огромными большими бородами, на груди которыхъ блистали знаки Георгія и многія другія отличія. Эти живые остатки прежнихъ терскихъ героевъ выразительно напоминали столько кровавыхъ драмъ, разыгравшихся въ періодъ Кавказской войны по Терской долинѣ и тѣ знаменитыя событія, которыя Терскіе казаки до сихъ поръ хорошо помнятъ, а хоровыя пѣсни молодого поколѣнія и понынѣ съ гордостію воспѣваютъ легенды древнихъ побѣдъ, одержанныхъ ихъ отцами и предками надъ непріятелями-горцами, во славу русскаго Царя, покровителя и водворителя мира. Процессія торжественнымъ шагомъ вошла чрезъ триумфальныя ворота въ импровизированно-искусственный дворъ; на дворѣ видны были многочисленные столы для общаго обѣда, убранные зеленью и цвѣтами. Подъ огромными палатками, украшенными гирляндами изъ живыхъ

цвѣтовъ, приготовлены были нѣскольکو столовъ для офицеровъ, почетныхъ гостей и посѣтителей. По совершеніи освященія, мѣстный священникъ, о. Петръ Смирновъ, громкимъ голосомъ во всеуслышаніе прочелъ слѣдующую гравированную надпись на металлической доскѣ: „1889 года, Мая 18 дня, основался сей Божій храмъ во имя Святаго Николая, при царствованіи Императора Александра III, Самодержца всей Россіи и Наслѣдника Цесаревича Николая и Наказномъ Атаманѣ Терской области Алексѣѣ Михайловичѣ Смѣкаловѣ, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства 17 Октября 1888 года. Строитель храма Генераль-Маіоръ Стефанъ Александровичъ Венеровскій. Священнодѣйствующіе: Протоіерей Федоръ Орловъ, священники: Благодичный Василій Жуковъ, Гавріилъ Бабіевъ и Виссаріонъ Бабіевъ“. Послѣ прочтенія надписи, металлическая доска была передана моздокскому протоіерею Ѳеодору Орлову, который, окропилъ мѣсто святою водою, взялъ лопатку известковаго раствора, положилъ доску и на нее первый камень. Послѣ него лопатка съ известковымъ растворомъ, а также и камни перешли въ руки Полковника Писарева, который отъ имени Начальника области и Наказнаго Атамана Терскаго казачьяго войска положилъ камень на дно фундамента. Затѣмъ Его Превосходительство С. А. Венеровскій, въ качествѣ главнаго строителя храма, положилъ на известъ нѣскольکو камней, а за нимъ духовенство, офицеры и многіе изъ окружающихъ богомольцевъ. Каждый старался положить по нѣскольکو камней въ фундаментъ,—вообще всѣ присутствующіе старались кидать въ канаву фундамента камни и разныя монеты. Множество находившихся здѣсь иновѣрцевъ и сектантовъ не отставало отъ православныхъ и участвовало въ созданіи памяти спасенія жизни возлюбленнаго Монарха 17 Октября 1888 года; были изъ иновѣрцевъ и старики, которые, кидая камни и монеты въ фундаментъ, говорили: „Боже, храни нашего Русскаго Царя на многія лѣта! Да и насъ грѣшныхъ не забывай! Аминь!“ Затѣмъ молили Бога о здравіи Государя Императора Александра Александровича и всего Царствующаго Дома, и тысячи голосовъ вмѣстѣ съ хоромъ пѣвчихъ воспѣвали: „многія лѣта!“ Во время чтенія положенной по уставу освященія молитвы, когда духовенство и всѣ богомольцы до единой души стояли на колѣняхъ, фотографъ, отыскавъ удобную позицію на вершинѣ строительныхъ матеріаловъ, моментально снялъ величественный видъ торжества. По окончаніи молебствія, Его Превосходительство и представитель Наказнаго Атамана съ офицерами, пройдя вдоль фронта казаковъ, стариковъ и всего народа, расположившагося въ стройномъ каррѣ, вокругъ безконечныхъ столовъ, наполненныхъ съѣстными припасами, подошли къ общественнымъ столамъ. Полковникъ Писаревъ, отъ имени Наказнаго Атамана, любезно поздравилъ всѣхъ вѣрноподданныхъ; особенно онъ благодарилъ генерала-иниціатора за его благое дѣло. Генералъ въ свою очередь благодарилъ народъ за то, что онъ собрался сюда, даже изъ дальнихъ мѣстъ—принять участіе въ торжественной закладкѣ Божьяго храма, во славу чудеснаго спасенія жизни нашего Русскаго Царя и всего Его Августѣйшаго Семейства. Здѣсь Его Превосходительство, обращаясь къ народу, продолжалъ рѣчь слѣдующими словами: „Подумайте, братья, какая ужасная катастрофа случилась, угрожая жизни нашего Царскаго Семейства. Царскій поѣздъ идетъ съ большою

скоростию, вдругъ, въ неожиданную минуту, поѣздъ сошелъ съ рельсъ, вагоны разбились вдребезги и частью повалились на насыпь; много людей ранено и убито на мѣстѣ происшествія; но въ это ужасное мгновеніе, первый человѣкъ, вышедшій невредимымъ изъ остатковъ разбившагося поѣзда, былъ, ко всеобщей радости, возлюбленный нашъ Государь,—цѣль и невредимъ. Государь, осмотрѣвшись вокругъ себя, увидѣлъ свою маленькую дочь, Великую Княжну Ксенію Александровну, которая была выброшена изъ вагона, и по волѣ Божіей была цѣла и невредима,—и подошелъ къ ней. Великая Княжна говорила своему Отцу: „Папа, не безпокойся, я здорова и невредима, но только больше не поѣду съ этимъ поѣздомъ!“ Затѣмъ Государь Императоръ, не теряя присутствія духа, и осмотрѣвъ вокругъ себя, увидѣлъ чудеса Божіи. Вся Царская Семья была цѣла и невредима тамъ, гдѣ много людей ранено и убито. Успокоившись, Государь Императоръ, воодушевленный гуманными чувствами, съ помощію пережившихъ несчастіе приступилъ спасать людей своей свиты, жертвъ несчастнаго крушенія. Государь лично помогалъ дѣлать перевязки и милосердными словами ободрялъ и оживлялъ духомъ несчастныхъ, которые лежали на землѣ. Страдающіе, со слезами благодарили возлюбленнаго Царя своего за милосердное вниманіе. Предъ смертью они благославляли Государя и послѣдними ихъ словами были слова народнаго гимна: „Боже, Царя, храни на многія лѣта!“ Вы, братцы, сами видите въ этомъ дѣлѣ силу Божію, вслѣдствіе чего мы и собрались, чтобы соорудить память и всѣмъ міромъ просить Господа Бога защитить на будущее время отъ всѣхъ несчастій возлюбленнаго Монарха съ Его Августѣйшимъ Семействомъ. Просимъ Святое Небесное благословеніе на многія лѣта для блага всей Россіи, Аминь!“ Многіе замѣтили, что когда Генералъ говорилъ рѣчь свою къ народу, онъ самъ такъ былъ тронутъ, что слезы катились по лицу его, и вмѣстѣ съ нимъ весь народъ былъ также глубоко тронутъ. Затѣмъ всѣ подошли къ центру каррѣ, гдѣ станичный атаманъ и общество Павлодольское поднесли хлѣбъ-соль представителю Наказнаго Атамана, Полковнику Писареву и главному строителю церкви, генералу Стефану Александровичу Венеровскому. Принявши хлѣбъ-соль, полковникъ Писаревъ, подойдя на нѣсколько шаговъ ближе къ генералу Венеровскому, сказалъ: „Ваше Превосходительство, позвольте передать Вамъ отъ имени Наказнаго Атамана Терскаго войска Алексѣя Михайловича Смѣкалова, его искреннее сожалѣніе, что болѣзнь лишила его возможности лично присутствовать при основаніи такого великаго и благого дѣла. Онъ прислалъ меня вмѣсто себя, чтобы лично благодарить Васъ отъ имени его, пожать Вашу руку и душевно обнять Васъ. Считаю особеннымъ удовольствіемъ и счастьемъ передать Вашему Превосходительству, возложенное на меня порученіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, позвольте, Ваше Превосходительство, выразить отъ Терскихъ казаковъ искреннюю признательность за Ваше великодушное и святое предпріятіе. Дай Богъ, чтобы благородный Вашъ поступокъ служилъ примѣромъ другимъ, чтобы онъ всегда напоминалъ нашему молодому поколѣнію до самаго дальнѣйшаго потомства, славу и добродушіе нашего казачьяго генерала Стефана Александровича Венеровскаго!“ Вслѣдъ затѣмъ, одинъ изъ почетныхъ стариковъ, отъ имени всего общества, глубоко поблагодарилъ Его Превосходительство слѣдующими словами:

Церковь станицы Павлодольской, Терской области.

„Ваше Превосходительство! Общество станицы Павлодольской искренно благодаритъ Васъ за великодушіе и за вашу жертву въ нашей станицѣ, благодаримъ за то, что не забыли—станицы Павлодольской—Вашей родины! Среди насъ живы еще многіе старики, сослуживцы Ваши, которые неоднократно были ранены вмѣстѣ съ Вами на полѣ брани, и вотъ теперь, несмотря на нѣсколько десятковъ лѣтъ отсутствія Вашего въ Кубанскомъ войскѣ, гдѣ Вы заслужили чинъ генерала, Вы всетаки не забыли насъ! Казаки Павлодольскіе гордятся, что хотя одинъ изъ ихъ среды достигъ высокой заслуги, вернулся опять на родину, и увѣковѣчилъ свое имя воздвиженіемъ въ нашей станицѣ Божьяго храма. Мы всѣмъ обществомъ рады, и дѣти наши, и потомство наше, всѣ всегда будемъ молиться о сохраненіи жизни Его Величества, нашего Покровителя, и при этомъ всегда помолимся и за Ваше Превосходительство, да сохранитъ Богъ и Васъ на многія лѣта!“ Поблагодаривъ за сочувствіе, и принявъ чарку водки съ общественнаго стола, окруженнаго почетными стариками, генераль-маіоръ Венеровскій, провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора, и какъ громъ раздалось отъ тысячи народа неумолкаемое „ура“!.. Послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ привѣтствій, всѣ подошли къ столамъ, приготовленнымъ для обѣда. Его Превосходительство сидѣлъ во главѣ длиннаго стола; на правой сторонѣ отъ него сидѣлъ Протоіерей Ѳеодоръ Орловъ, на лѣвой сторонѣ благочинный, о. Василій Жуковъ, далѣе полковникъ Гажеевъ, заслуженный и раненый въ минувшую войну войсковой старшина Астаховъ и другіе офицеры. На другомъ столѣ сидѣла дочь генерала Ольга Стефановна Бабичъ, полковникъ Писаревъ съ супругою, прибывшій къ торжеству Моздокскій полиціймейстеръ есаулъ Габаевъ и другіе гости. Во время обѣда были провозглашены генераломъ Венеровскимъ тосты за здравіе Государя Императора, за здравіе Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, и всего Царствующаго Дома. Оглушительное многократное „ура“ раздавалось единодушно со всѣхъ столовъ; видно было, что всѣ мысли народа слились въ одно почетное ура нашему Батюшкѣ Царю; а замѣчательно стройный хоръ станичныхъ пѣвчихъ, состоящій изъ жителей, учениковъ и даже ученицъ мѣстной школы и умѣло руководимый учителемъ Борисовымъ, гармонично пѣлъ при этомъ народный гимнъ и „Многая лѣта!“. Полковникъ Писаревъ провозгласилъ тостъ за здоровье инициатора и главнаго строителя храма, Стефана Александровича Венеровскаго. Этотъ тостъ также вызвалъ единодушное „ура!“ со всѣхъ сторонъ, и съ поднятыми бокалами всѣ низко кланялись великодушному генералу, желая ему многія лѣта. Пили за здравіе Наказнаго Атамана Терскаго войска, Алексѣя Михайловича Смѣкалова, за здравіе Терскаго и Кубанскаго казачьихъ войскъ, и каждый тостъ сопровождался громкими „ура!“ Объ этомъ единодушномъ сочувственномъ пожеланіи долгаго здоровья и совершившейся закладкѣ тутъ же отправлена была телеграмма Наказному Атаману Терскаго казачьяго войска, а въ концѣ обѣда получено отъ Его Превосходительства теплое сердечное привѣтствіе ветерану-жертвователю и всѣмъ собравшимся на торжество. Генераль-маіоръ Венеровскій, любезный и ласковый, со всѣми и каждымъ, не забылъ на этотъ разъ и школьниковъ, учениковъ и ученицъ, которыхъ щедро одарилъ разными лакомствами, а хоръ пѣвчихъ, кромѣ великолѣпнаго обѣда, по-

лучилъ и денежныя награды. Въ заключеніе нужно сказать, что генераль дѣйствительно воодушевленъ религіозными чувствами и съ любовію относится къ постройкѣ; онъ нарочно переѣхалъ жить сюда, пока Богъ поможетъ ему окончить предпріятіе. Его Превосходительство не жалѣетъ ни денегъ, ни труда, лишь бы энергичнымъ образомъ подвинуть работу впередъ! Такое всестороннее усердіе для благого дѣла заслуживаетъ всеобщаго вниманія, а потому и мы, посторонніе люди, считаемъ долгомъ пожелать почтеннѣйшему строителю всего, что ему нужно будетъ отъ Бога и отъ людей.

Во время закладки храма, однимъ изъ бывшихъ на освященіи мѣста для храма священниковъ, В. Жуковымъ, сказано почувствованное слово *).

*) Духовенство и паства Владикавказской епархіи, ошастливленныя посѣщеніемъ Ихъ Величествами Терской области, когда узнали о чудесномъ спасеніи Государя Императора и всей Царской Семьи съ горячимъ восторгомъ воспѣшили возблагодарить Господа Бога за явленную милость Божію русскому народу и выразить свои чувства принесеніемъ посильной благодарственной жертвы Милосердному Промыслителю, какъ привыкъ сіе дѣлать русскій народъ. Одни соорудили въ память сего чудеснаго событія въ свои приходскіе храмы колокола, каковыя громогласно вѣщали бы православному народу о милости Божіей; другіе устроили иконы съ дорогими къ нимъ кіятами; третьи поставили неугасимыя лампы и проч. Но вотъ явился нѣкій маститый ветеранъ Кавказа, Христолюбецъ, Его Превосходительство генераль-маіоръ Кубанскаго войска Стефанъ Александровичъ Венеровскій, который пожелалъ въ назиданіе потомству въ память того же чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и въ безпредѣльной благодарности къ милосердному Господу Богу за спасеніе своего возлюбленнаго Монарха, Матушки Царицы и всей Августѣйшей Семьи соорудить каменный храмъ. Мѣстомъ для постройки храма онъ избралъ одну изъ станицъ Екатериноградскаго благочинія, именно Павлодольскую. Сей маститый ветеранъ увидѣлъ впервые свѣтъ Божій въ станицѣ Екатериноградской, а дѣтство провелъ въ Павлодольской. Въ Екатериноградѣ уже устроенъ каменный храмъ на щедроты Царственныхъ предковъ, въ Бозѣ почившихъ, Государыни Императрицы Екатерины II-й и Государя Императора Николая Павловича. Такъ, вотъ онъ и пожелалъ построить каменный храмъ, гдѣ провелъ свое дѣтство, именно въ ст. Павлодольской. По святительскому благословенію Архипастыря, сего 18 Мая, въ присутствіи весьма многочисленной публики, состоящей изъ офицеровъ, духовенства и народа, прибывшаго изъ сосѣднихъ мѣстъ на сіе торжество, была совершена закладка храма въ честь святителя и чудотворца Николая, тезоименитаго Наслѣднику Цесаревичу, Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ. Замѣчательно, въ семъ благочиніи всѣ почти храмы посвящены святителю Николаю. Новосооружаемый храмъ будетъ находиться за станицею, близъ кладбища, въ ознаменованіе того, что нѣдра земли были уже готовы поглотить Царственныя жертвы, но милосердный Господь чудесно спасъ Ихъ, пощадивъ свой православный русскій народъ. Вся собравшаяся публика была ознакомлена съ чудомъ, явленнымъ Промысломъ Божіимъ къ Царской Семьѣ, главнымъ образомъ, прочувственною рѣчью, произнесенною протоіереемъ Орловымъ. По окончаніи закладки храма вся публика была угощена строителемъ хлѣбомъ-солью за здравіе Ихъ Величествъ. Предъ хлѣбомъ-солью маститый генераль обратился къ гостямъ и своимъ землякамъ станичникамъ съ глубоко-почувствованною рѣчью и далъ имъ свой завѣтъ, стараго кавказца, служить вѣрою и правдою своимъ Государямъ, какъ служили дѣды и отцы ихъ. Въ концѣ рѣчи онъ прибавилъ: и я вполнѣ увѣренъ и спокойно закрою свои глаза, когда мнѣ Богъ судить, что молодежь своими доблестями, своею преданностію Царю и отечеству, даже превзойдетъ насъ стариковъ! Рѣчь сія была настолько трогательна, что присутствовавшіе прослезились, какъ и самъ генерль. Громогласное ура покрыло рѣчь и былъ исполненъ народный гимнъ станичными пѣвчими. Событіе это неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ сердцахъ собравшихся, не только православныхъ, но и присутствовавшихъ при семъ въ большемъ количествѣ молоканъ, выселенныхъ въ давнія времена и горцевъ магометанъ въ сію станицу изъ Россіи. Но благотвореніе С. А. Венеровскаго, насколько это извѣстно, не ограничится однимъ памятникомъ—храмомъ. Его намѣреніе простирается далеко дальше. Сооружая сей видимый храмъ, жилище небесному Творцу, онъ желаетъ соорудить и духовный храмъ. По окончаніи постройки храма онъ намѣренъ около той же церкви построить зданіе для помѣщенія въ немъ церковно-приходской школы, съ тѣмъ, чтобы около ней былъ образцовый виноградный садикъ и обучали бы ремесламъ въ ней. „Я самъ, говоритъ генераль, получилъ первое свое образованіе въ церковной сторожкѣ, сторожка и сей часъ цѣла. И никогда не раскаиваюсь и не стыжусь говорить, что первымъ моимъ училищемъ была церковная сторожка! Напротивъ, я съ особой любовію вспоминаю ее и въ память моего учителя, если Богъ благословитъ меня, устрою церковную школу. Что-бы тамъ не говорили, а эти церковныя сторожки и ихъ учителя не мало воспитали доблестныхъ героев! Дай Богъ, чтобы побольше являлось такихъ Христолюбцевъ. Съ такимъ сочувствіемъ къ дѣлу религіозно нравственнаго воспитанія народа и духовенству отраднo и пріятно трудиться на нивѣ Божіей, когда оно видитъ горячо сочувствующихъ сему дѣлу лицъ свѣтскихъ и при томъ находящихся на высокомъ положеніи!

В. С. Ж.—вѣ.

Травалье сдержалъ свое слово къ годовщинѣ событія 17-го октября храмъ былъ готовъ.

Для этого торжества былъ приглашенъ мѣстный епископъ Петръ, викарій Владикавказской Епархіи.

Замѣчательны между прочимъ слова Епископа:

— Для такого благого дѣла я согласенъ придти пѣшкомъ, со всѣмъ своимъ духовенствомъ и пѣвчими.

На торжествѣ освященія храма было много инородцевъ, калмыковъ, кабардинцевъ, русскихъ раскольниковъ, сектантовъ, молоканъ.

Жаль, что погода была не такъ благоприятна, было дождливо и холодно. Но не смотря на это толпы народа стояли вокругъ вновь сооруженнаго храма.

Всѣ молились усердно, даровать Государю здоровье, силу и крѣпость.

Послѣ освященія была послана всеподданнѣйшая телеграмма Государю Императору.

Копіи посланной и полученныхъ поздравительныхъ телеграммъ помѣщены ниже *)

Мое желаніе было осуществлено, то о чемъ я мечталъ, стало реальнымъ фактомъ.

*) Копіи съ телеграммъ:

№ 1.

Копія съ телеграммы Его Императорскому Величеству И. Д. Атамана Уманскаго военнаго отдѣла, Полковника Венеровскаго отъ 4 Апрѣля 1889 года.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО. Старые и молодые казаки Уманскаго Отдѣла Кубанскаго войска, принеся предъ раскрытымъ алтаремъ церкви Благодарственный Господу молебенъ за спасеніе ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, откликнулись „Воистину Христосъ Воскресъ“. Господь вновь простеръ руку съ высоты и избавилъ Священную жизнь Твою, Царь, Господь воздастъ по правдѣ Твоей и по чистотѣ Твоей, вознаграждаетъ Тебя съ любезнымъ Твоимъ отечествомъ на славу рода человѣческаго и на страхъ врагамъ!

№ 2.

Копія съ телеграммы Военнаго Министра, Генераль-Адъютанта Графа Милютина, И. Д. Атаману Уманскаго военнаго Отдѣла, 5 Апрѣля 1889 года.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

получилъ Вашу телеграмму; изволить благодарить казаковъ Уманскаго Отдѣла Кубанскаго войска за выраженные вѣрноподданническія чувства.

№ 3.

Копія съ телеграммы полковнику Писареву.

Прошу васъ присутствовать въ станицѣ Павлодольской при освященіи воздвигнутомъ Генераломъ Венеровскимъ храма.

Смѣкаловъ.

№ 4.

Копія съ телеграммы генераль-маіору Венеровскому.

Сердечно поздравляю Васъ, глубокоуважаемый Степанъ Александровичъ, съ благополучнымъ окончаніемъ задуманнаго Вами Святаго дѣла и крайне сожалью, что болѣзнь лишаетъ меня счастья присутствовать на торжествѣ освященія сооруженнаго Вами храма въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи.

Генераль-Лейтенантъ Смѣкаловъ.

С л о в о,

сказанное 17 Октября 1889 года Петромъ, Епископомъ Владикавказскимъ, въ ново-освященномъ храмѣ во имя Святителя и Чудотворца Николая Архіепископа Мірлікійскаго, устроенномъ въ станицѣ Павлодольской *) на иждивеніе генераль-маіора Стефана Александровича Венеровскаго, въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства отъ угрожавшей опасности 17 Октября 1888 года, на Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ, близъ станціи Борки.

Однажды царь Давидъ объявилъ пророку Наану свое желаніе устроить домъ Божій, высказавъ при этомъ такія умиленные чувства: „вотъ я живу въ домѣ кедровомъ, а ковчегъ завѣта Господня подѣ шатромъ“. Взирая на величіе и роскошную обстановку своего дома и сравнивая то и другое съ бѣднымъ помѣщеніемъ ковчега завѣта, Давидъ какъ бы устыдился своего положенія, и ему при этомъ чувствовалось тяжело въ своихъ великолѣпныхъ царскихъ палатахъ. Пророкъ Наанъ одобрилъ намѣреніе царя и сказалъ: „все, что у тебя на сердцѣ, дѣлай; ибо съ тобою Богъ“. (1. Пар. XVII 1). Но Господь не судилъ, чтобы Давидъ соорудилъ храмъ Ему, хотя это желаніе Давида, по признанію пророка и изреченію Самого Господа, могло родиться только у того человѣка, который въ своемъ сердцѣ имѣлъ любовь къ Богу и былъ богоугоденъ. Главная заслуга Давида въ отношеніи къ храму осталась, такимъ образомъ, въ томъ, что онъ положилъ твердое начало ему, заготовивъ на устройство его большія средства (3. Царств. VIII. 18).

№ 5.

Копія съ телеграммы Генераль-Маіору Венеровскому.
Искренне благодарю за память; отъ души поздравляю.

Леоновъ.

№ 6.

Копія съ телеграммы Генераль-Маіору Венеровскому.
Поздравляемъ съ окончаніемъ, освященіемъ храма.

Венеровскіе.

№ 7.

Копія съ телеграммы ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

День спасенія ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, съ Августѣйшимъ Семействомъ, судьба радостная для насъ. Нынѣ каменный храмъ въ станицѣ Павлодольской, въ память этого чудеснаго событія, освященъ Преосвященнымъ Петромъ, при многочисленномъ собраніи народа, молящихся о Тебѣ, Государь и Августѣйшемъ Семействѣ!

Генераль-Маіоръ Венеровскій.

№ 8.

Копія съ телеграммы Генераль-Маіору Венеровскому.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣтъ соизвоилъ благодарить отъ имени ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ жителей станицы Павлодольской и Васъ за выраженныя вѣрноподданническія чувства въ память годовщины событія 17 Октября.

Генераль-Адъютантъ Ванновскій.

*) Въ этой станицѣ проживаетъ много молоканъ и другихъ сектантовъ.

Его Преосвященство Епископъ Петръ,
Владикавказской Епархіи.

Ты, боголюбивый храмоздатель, удостоился отъ Господа большей радости, нежели свѣтильникъ Израиля — Давидъ. Твои святые желанія, труды и жертвы вполнѣ увѣнчались благословенными успѣхами; храмъ благолѣпно устроенъ и нынѣ торжественно освященъ; ты своими очами видишь свѣтлый и благодатный вѣнецъ, возложенный самимъ Богомъ на твое доброе дѣло. Храмъ и теперь является, а при благоволеніи Божиѣмъ, на долго-долго останется выразителемъ высокихъ священныхъ чувствъ благоговѣнія, благодаренія и славословія Господа, которыя мы всѣ обязаны выражать открыто какъ по внушенію нашей совѣсти, такъ и по ученію слова Божія (Матѣ. X. 32). Мы видимъ въ исторіи, что все человѣчество, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, для выраженія своихъ благоговѣйныхъ чувствъ предъ Творцомъ и Промыслителемъ, а равно и для молитвы предъ Нимъ, всегда и вездѣ устроило храмы. И эти храмы какъ многочисленностію своею, такъ великолѣпіемъ и цѣнностію — доказываютъ съ одной стороны то, что имя Божіе въ общечеловѣческомъ сознаніи почиталось несравненно выше всякаго имени, а съ другой то, что самымъ главнымъ и первѣйшимъ символомъ этого благоговѣнія предъ Нимъ были храмы и жертвенники. Когда Апостолъ Павелъ посѣтилъ Аѣины и увидѣлъ тамъ множество религіозныхъ монументовъ, а между ними и жертвенникъ „Невѣдомому Богу“, онъ изъ этого заключилъ, что „Аѣиняне были особенно набожны“. (Дѣян. XVII. 22). Да, живое, искреннее религіозное чувство и у язычниковъ, лишенныхъ свѣта Божественнаго откровенія, не могло оставаться безъ внѣшняго, нагляднаго выраженія въ какихъ-либо храмахъ и другихъ священныхъ памятникахъ. Таково ужъ свойство нашей двоучастной природы, — сильныя, внутреннія духовныя движенія необходимо ищутъ себѣ внѣшняго проявленія. Намъ возразятъ, что подъ религіознымъ языческимъ культомъ скрывались ложныя представленія и понятія о Божествѣ, часто весьма оскорбительныя для него... Но не на эту темную и достойную сожалѣнія сторону въ языческомъ богослуженіи мы обращаемъ здѣсь вниманіе. Мы желаемъ указать только то, что и язычники, предоставленные самимъ себѣ, безъ руководства слова Божія, инстинктивно, или, выражаясь словами Апостола, по природѣ, — по внушенію совѣсти, созидали разные религіозные памятники, и устройство ихъ считали дѣломъ благочестивымъ. (Римл. II. 14, 15). Но что въ природѣ человѣческой по грѣхопаденіи осталось истинно-разумнаго и добраго, согласно съ божественнымъ закономъ, то, какъ говоритъ намъ исторія Корнилія сотника, было пріятно Богу и освящалось его ученіемъ (Дѣян. X. 35). И вотъ мы видимъ изъ священнаго писанія, что Господь являлъ особенное свое благоволеніе къ тѣмъ исповѣдникамъ Его, которые устроили Ему храмы для молитвословія и славословія. Въ этихъ храмахъ Онъ обѣщалъ особенное Свое присутствіе и — быть наиболѣе внимательнымъ къ молитвамъ посѣщающихъ ихъ. Будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни (3 Царств. IX. 3.); такъ сказалъ Самъ Господь Царю Соломону о храмѣ Іерусалимскомъ, освященіе котораго Онъ торжественно ознаменовалъ осѣненіемъ чуднаго небеснаго облака. И послѣ мы усматриваемъ, что Господь неоднократно изъявлялъ свое негодованіе на тѣхъ людей, которые приносили жертвы хотя Ему-же — Истинному Богу, но на мѣстахъ, самовольно избранныхъ и неосвященныхъ, а не въ храмѣ Іерусалимскомъ, который Имъ Са-

мимъ предъизбранъ и освященъ для торжественнаго богослуженія и жертвоприношенія (Второз. XII. 5—13, 14). Этого таинственного преимущества ветхозавѣтный храмъ предъ всѣми другими мѣстами обыкновенной частной молитвы не потерялъ до самаго разрушенія его Римлянами. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ посѣщалъ его и выражалъ пламенную ревность о сохраненіи его святости, называя его домомъ Отца Своего Небеснаго. (Ев. Іоан. 11. 16). Вообще нужно сказать, что весь ветхій и новый завѣтъ, благословляя молитву на всякомъ мѣстѣ, въ клѣти—при затворенныхъ дверяхъ, наиболѣе благодатную силу ея видитъ въ храмѣ, какъ домѣ Господнемъ, какъ такомъ мѣстѣ, которое для этого нарочито избрано благочестивыми людьми и посвящено исключительно Богу, съ молитвеннымъ усерднымъ призываніемъ Его присутствія во вся дни. Здѣсь молитва каждаго усиливается и подкрѣпляется молитвою безчисленнаго сонма истинныхъ исповѣдниковъ Бога, и такимъ образомъ дѣлается благоугоднѣе и доступнѣе Господу, чѣмъ молитва въ другихъ мѣстахъ, или въ сокровенной комнатѣ. Конечно, и дома молиться можно, пишетъ святой Іоаннъ Златоустъ, но нельзя молиться такъ, какъ въ церкви, гдѣ возносится къ Богу единодушный гласъ. Не такъ скоро ты услышанъ будешь, молясь Владыкѣ самъ по себѣ, какъ молясь вмѣстѣ съ братьями твоими, ибо здѣсь есть нѣчто болѣе:—единомысліе, союзъ любви, молитвы священниковъ. Для того и священники предстоятъ, чтобы молитвы народа, будучи слабѣе, соединившись съ ихъ сильнѣйшими молитвами, вмѣстѣ съ ними дошли до неба. Совокупная молитва имѣетъ большую крѣпость, большее дерзновение, чѣмъ домашняя“ (Златоуст. бесѣда III о непостижим.). Нѣтъ сомнѣнія, что Апостолы Петръ и Іоаннъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, знали о значеніи молитвы на всякомъ мѣстѣ,—а также—молитвы внутренней, духовной, уединенной, тайной. Но вотъ и они, уже по вознесеніи Господа Іисуса на небо, когда закончено домостроительство новой христіанской церкви, идутъ въ опредѣленный часъ молитвы въ Іерусалимскій храмъ (Дѣян. III. 1). Чѣмъ-же объяснить ихъ такое особенное благоговѣніе къ храму, какъ не тою святою увѣренностью, что въ немъ скорѣе будутъ услышаны ихъ молитвы, и здѣсь надежнѣе, чѣмъ гдѣ либо, они сподобятся благодатнаго наитія. Далѣе, исторія христіанской церкви свидѣтельствуешь, что истинные послѣдователи Христа Спасителя, по своей вѣрѣ въ Божественное обѣтованіе Его: идѣ же еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ, постоянно старались устроить собранія, чтобы въ нихъ совокупно, единодушно, однимъ сердцемъ и одними устами возносить Богу молитвы, прошенія и благодаренія. (Матѣ. XVIII. 20. Римл. XV. 5, 6). И Апостолы внимательно и строго наблюдали, чтобы члены Христовой церкви не оставляли этихъ собраний и являлись въ оныя, какъ въ святые мѣста—въ душевной и тѣлесной трезвости и въ благоговѣйномъ настроеніи духа. Кто велъ себя въ нихъ небрежно, забывая о святости мѣста, позволялъ въ излишествѣ употреблять пищу и питіе и вообще относился къ такимъ собраніямъ, какъ къ обыкновеннымъ мѣстамъ; тотъ подвергался строгому обличенію и даже видимо для всѣхъ былъ наказываемъ судомъ Божиимъ,—какъ оскорбитель святыни Господней. (Матѣ. гл. XVIII ст. 20, Евр. X. 23—25, I Кор. XI. 20—34). Единодушная и чистая молитва благочестивыхъ христіанъ въ этихъ собраніяхъ весьма часто зна-

меновалась такими чрезвычайными событіями и дѣлами, которыя съ неотразимою убѣдительностію свидѣтельствовали, что сюда сходилъ и здѣсь обиталъ Духъ Божій. Такъ вѣрующіе въ Сіонской горницѣ получили въ видѣ огненныхъ языковъ дары Святаго Духа, когда они въ пятидесятый день, по воскресеніи Спасителя, пребывали въ ней вкупѣ, проводя время въ молитвахъ и моленіяхъ, а коринѣскіе христіане въ церковныхъ собраніяхъ сподоблялись чудесныхъ даровъ пророчества, — вдохновенныхъ пѣснопѣній, удивительной способности говорить разными языками и проч. (Дѣян. 1. 14, 11. 1. Кор. XII. XIII. XIV).

Гоненія и преслѣдованія, воздвигаемыя на первенствующихъ христіанъ іудеями и язычниками, препятствовали первымъ созидать храмы для своихъ собраній съ полнымъ удобствомъ и съ свойственнымъ имъ благообразіемъ. Но когда прошла темная ночь бурныхъ и мучительныхъ испытаній для христіанской церкви, и она явилась предъ лицомъ міра свѣтлоторжествующею; тогда христіанскіе храмы постепенно стали являться въ несмѣтномъ множествѣ и — такъ блистать своимъ великолѣпіемъ на землѣ, какъ звѣзды на небѣ. Во всѣхъ христіанскихъ странахъ свѣта благочестивые государи и вельможи, простые міряне и иноки первымъ священнымъ долгомъ поставляли себѣ соорудить благолѣпные храмы и на устройство ихъ употребляли все, что считали изящнымъ и драгоцѣннымъ. Нужно-ли объяснять и доказывать, что эти храмы благоугодны Господу, что Онъ обитаетъ въ нихъ и Свое присутствіе въ нихъ свидѣтельствуетъ многообразными знаменіями и чудесами?!.. Но если бы возможно было сдѣлать подробныя описанія всѣхъ свидѣтельствъ и знаменій по данному вопросу, то говоря словами Евангелиста, и самому всему міру не вмѣститъ бы написаннаго о семъ (Ев. Іоан. XXI. 25). Одна Россія и при томъ исторіею церкви, близкою къ нашему времени, каждому, имѣющему очи и неодолимому ожесточеніемъ сердца отъ грубѣйшаго невѣрія, представитъ безчисленныя свидѣтельства неоспоримой достовѣрности, что Господь дѣйствительно присутствуетъ въ храмахъ православной церкви.

Выставивъ въ общихъ чертахъ таинственное, благодатное значеніе храмовъ Божіихъ, мы теперь съ большимъ основаніемъ можемъ сказать: благословенны тѣ часы, когда въ сердцѣ твоемъ, благочестивый ктиторъ, родилось святое желаніе ознаменовать день спасенія нашего возлюбленнаго Монарха съ Августѣйшимъ Его Семействомъ отъ угрожавшей опасности смерти устройеніемъ сего священнаго памятника! Что значать въ сравненіи съ нимъ всѣ другіе монументы, измышляемые досужею фантазіею и создаемые мірскими людьми, не желающими въ данныхъ случаяхъ руководиться внушеніями благочестиваго христіанскаго сердца?! Если бы они носили на себѣ и всѣ признаки изящнаго искусства, и художества и удовлетворяли своею красотою и гармоніею самымъ прихотливымъ требованіямъ эстетики, то и тогда ихъ значеніе простиралось бы не далѣе блестящаго красиваго фантома, который ласкаетъ и услаждаетъ наше зрѣніе, но не даетъ пищи ни разуму, ни сердцу. Всѣ впечатлѣнія, получаемыя отъ нихъ, ограничиваются большею частію одними только тѣлесными органами и пріятнымъ раздраженіемъ чувствительныхъ нервовъ. Они напоминаютъ намъ, пожалуй, объ извѣстныхъ лицахъ и событіяхъ, перенесутъ къ нимъ наши мысли и чувства, заинтересуютъ на нѣсколько времени наше вниманіе... и только... Но они никогда

не введутъ насъ съ этими лицами въ такое живое, сердечное общеніе, какое даетъ сей святой храмъ съ нашимъ Богоспасаемымъ Монархомъ. Онъ, напоминая намъ постоянно о Великомъ Отцѣ нашего отечества, въ то же время трогаетъ наше сердце и возбуждаетъ въ немъ молитвенныя чувства. А какое доброе дѣло можетъ быть лучше и выше молитвы?! И какъ самъ нашъ благочестивѣйшій Государь глубоко вѣритъ въ благодатную, чудодѣйственную силу молитвы,—это каждый изъ насъ можетъ видѣть изъ того, что Онъ благоволилъ открыто признать спасеніе Себя и Своего любезнаго Семейства, какъ чрезвычайное, благодатное дѣйствіе молитвы православной церкви (манифестъ). И теперь Онъ на желаніе своихъ вѣрноподданныхъ ознаменовать этотъ радостный день спасенія устроеніемъ ли храма, — часовни, или другихъ какихъ-либо церковныхъ принадлежностей отвѣчаетъ всегда искреннею сердечною благодарностію.

Да и кому такъ особенно нужна молитва, какъ не Государю въ его многотрудномъ и разнообразномъ управленіи?!.. Но гдѣ-же нашъ народъ,—въ какомъ другомъ мѣстѣ можетъ соборно возносить свои молитвы за Государя и Его Августѣйшее Семейство, какъ не въ храмѣ Божіемъ?—Гдѣ есть въ государствѣ такія учрежденія и такія мѣста, гдѣ бы такъ часто упоминалась царская фамилія и возглашались молитвенныя благожеланія ей, какъ не здѣсь?! Скажемъ болѣе, не въ церкви-ли Божіей жители селъ и деревень многомилліонной Россіи исключительно узнаютъ о царствующемъ домѣ и вдохновляются священными чувствами любви и преданности Ему?! Не здѣсь-ли отъ начала и до конца каждаго богослуженія постоянно возносятся прошенія на эктеніяхъ о здравіи, благоденствіи и спасеніи Государя и Его Августѣйшей Семьи?!.. Да... воистину сей храмъ есть самый лучший памятникъ для нашего Отца Отечества, — и его можетъ придумать и создать только истинный сынъ православной Россіи, глубоко и чистосердечно преданный своему Государю.

Прибавимъ къ этому еще то, что устройствомъ сего храма ты, боголюбивый ктиторе, оказалъ великое добро окружающимъ тебя поселянамъ. Его, т. е. сей храмъ можно назвать въ нѣкоторомъ отношеніи исповѣдникомъ Евангельскаго ученія и охранителемъ чистоты христіанской жизни, „Покажи дому Израилеву храмъ, и да престанутъ отъ грѣховъ своихъ“—такъ сказалъ въ видѣніи Господь пророку Іезекіилу и объяснилъ значеніе храма въ отношеніи Израилѣтянъ, т. е. въ виду его они должны воздержаться отъ всего грѣховнаго. (Іезек. XLIII. 10). Своею священной архитектурою, своимъ внушительнымъ видомъ храмъ располагаетъ наши души отрѣшаться отъ земной суеты и житейскихъ дразгъ и направляетъ наши сердца горѣ,—напоминая о высшемъ нашемъ назначеніи, а звукомъ колокола онъ будитъ насъ отъ грѣховнаго сна и вызываетъ на благочестивыя глубокія размышленія. Есть много духовныхъ опытовъ, изъ нихъ нѣкоторые, можетъ быть, извѣстны и присутствующимъ здѣсь, что одинъ видъ храма какъ будто невидимою силою укрощаетъ бурные порывы гнѣва и злопамятства, останавливаетъ теченіе нечистыхъ мыслей и грѣховныхъ пожеланій и даетъ новое лучшее направленіе всѣмъ душевнымъ силамъ. Смотри на него, весьма многіе вспоминаютъ о Богѣ, какъ Міроправителѣ и Судіи, и въ то же время зарождаются въ нихъ желанія вести жизнь благочестивую и богоугодную. Въ храмѣ

Божіемъ мы чувствуемъ настоящую потребность какъ въ дни радости, такъ и печали, и онъ въ тѣхъ и другихъ обстоятельствахъ нашей жизни оказываетъ величайшую услугу. Во время счастья онъ, указывая на небснаго Отца, отъ котораго исходитъ всякое благо (Іак. 1. 17), располагаетъ насъ къ благодаренію Господа, а такое сердечное настроеніе отнимаетъ у нашихъ радостей чувственный характеръ, облагораживаетъ, одухотворяетъ и возвышаетъ ихъ. Самымъ нагляднымъ и, такъ сказать, осязательнымъ доказательствомъ нашей рѣчи можетъ быть настоящій торжественный день. Гдѣ,— въ какомъ мѣстѣ — мы могли-бы въ такой чистотѣ и святости выражать наши радости о возлюбленномъ Монархѣ?! Какая мірская поэзія, музыка и красота можетъ возбудить въ насъ такія возвышенныя мысли и чувства, какія мы получаемъ здѣсь отъ церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній? Гдѣ есть такіе дома въ Россіи, въ которыхъ бы всѣ сыны ея—знатные и уничиженные, богатые и бѣдные, начальники и подчиненные собирались вмѣстѣ—въ одну семью для единогодушнаго веселія о Царѣ своемъ?!—Отвѣтъ на эти и подобные имъ вопросы можетъ быть только тотъ, что Божій храмъ есть первое и даже единственное мѣсто, въ которомъ такъ разумно, достойно и праведно мы можемъ совершать торжественное радостное воспоминаніе о Немъ.

А что касается до дней печали, то въ это время святой храмъ даетъ намъ такое успокоеніе и утѣшеніе, какихъ мы нигдѣ и ни отъ кого не получимъ на землѣ. Въ немъ единственно находятъ себѣ духовное облегченіе люди, страдающіе немощною старостію и разными болѣзнями, угрожающими близкою смертію. Сюда во время общественныхъ бѣдствій мы спѣшимъ излить свою печаль предъ Господомъ и просить Его милости; здѣсь мы ищемъ утѣшенія отъ оскорбленій человѣческой неправды, семейныхъ скорбей и особенно при лишеніи дорогихъ намъ лицъ изъ родной семьи. Во всѣхъ этихъ и другихъ скорбныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни, когда каждый земной мудрецъ отказывается дать намъ слово утѣшенія и полагаетъ руку на уста свои;—одинъ только храмъ Божій своимъ ученіемъ о спасительной силѣ страданій человѣческихъ, указаніемъ на земную жизнь Господа Нашего Иисуса Христа и блаженное состояніе въ загробной жизни всѣхъ умирающихъ о Господѣ проливаетъ отрадный свѣтъ на мрачное состояніе души и претворяетъ печаль въ радость.

Не даромъ вѣрующіе издревле называли христіанскій храмъ кораблемъ спасенія на житейскомъ морѣ, обуреваемомъ разными гибельными соблазнами міра и скорбями. Онъ дѣйствительно служитъ охраною и защитою для всѣхъ душъ, стремящихся къ благочестію и спасенію, отъ всѣхъ мірскихъ напастей и бѣдъ;—въ немъ сохраняются вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію, и благодатная сокровищница ихъ открыта для всѣхъ людей:—малыхъ и старыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ до самыхъ уничиженныхъ и презрѣнныхъ въ мірѣ семъ. (11. Петр. 1. 3). Поэтому церковь всегда считаетъ храмоздателей великими благодѣтелями и любвеобильными друзьями человѣчества и торжественно возвышаетъ молитвы о нихъ къ Всевышнему Богу. Эти молитвы отъ благодѣтельныхъ тобою братій святого храма сего отсель будутъ возноситься и за тебя, боголюбивый храмоздатель. Аминь.

ГЛАВА XIII.

Поѣздка Депутаціи отъ Кубанскаго казачьяго войска въ С.-Петербургъ.

Въ 1890 году, весною, была избрана и послана депутація, о которой я упомянулъ раньше, благодарить Государя за дарованіе земли Кубанскому войску, а также и выразить вѣрноподданическія чувства.

Въ составъ депутаціи вошли: я, полковникъ Аверинъ, отставной подъесаулъ Евтушенко (о немъ я писалъ раньше) и 4 нижнихъ чина.

Во время поѣздки мною былъ веденъ роль дневника, который потомъ былъ обработанъ и изданъ для интересующейся публики.

По возвращеніи изъ столицы, ко мнѣ, какъ члену депутаціи, очень многіе Кубанцы обращаются съ словесными и письменными разспросами о томъ, какъ намъ суждено было предстать предъ священной особою Государя Императора съ благодарностію отъ всего войска за оказанную Имъ милость, выраженную въ драгоценной грамотѣ, незабвенныя слова которой напечатаны въ № 4 Кубанскихъ областныхъ вѣдомостей за текущій годъ; а также удостоился ли видѣть и привѣтствовать отъ войска Ея Величество Государыню Императрицу и Его Высочество, Наслѣдника Цесаревича. Не имѣя возможности, ни лично, ни въ письмахъ, удовлетворить понятную любознательность моихъ сослуживцевъ, я считаю нравственною обязанностію передать путемъ печати, по возможности, все то, что я видѣлъ, слышалъ и что переиспытала за все время пребыванія въ столицѣ душа моя.

Вскорѣ послѣ полученія Царской грамоты, даровавшей войску огромную территорию Закубанской нагорной полосы съ лѣсами, естественно, явилась мысль нарядить отъ войска депутацію, съ порученіемъ повергнуть къ стопамъ Монарха вѣрноподданическія чувства казаковъ—Кубанцевъ и безпредѣльную ихъ благодарность за доказательства благосклонности и любви, истекающихъ къ намъ съ высоты Царскаго трона. Въ составъ депутаціи были назначены: я, полковникъ Аверинъ, отставной подъесаулъ Евтушенко и четыре нижнихъ чина—отставные урядники: станицы Сѣверской, Василій Журавель, ст. Новомышастовской, Игнатъ Грушевскій и Степанъ Петрашъ и ст. Пашковской, Наумъ Ступакъ. При назна-

ченіи нижнихъ чиновъ войсковое начальство желало, по возможности, избрать заслуженныхъ стариковъ — героевъ минувшей Кавказской войны, при томъ отъ разныхъ родовъ оружія. И дѣйствительно: старикъ Журавель — морякъ бывшей Азовской флотиліи, 72 лѣтъ, имѣетъ всѣ степени знака Св. Георгія, Грушевскій — кавалеристъ, Петрашъ — артиллеристъ, а Ступакъ, какъ станичный атаманъ, послѣдніе трое также украшены орденами за храбрость. И вотъ депутаты, выѣхавъ изъ Екатеринодара 27-го Апрѣля, прибыли въ С.-Петербургъ 1-го Мая, съ тѣмъ, чтобы приготовиться къ 6-му числу исполнить возложенную на нихъ высокую обязанность. Не всѣмъ вѣдь, братцы Кубанцы, суждено побывать въ столицѣ, а еще менѣе представляться во дворцѣ Отцу и Матери многомилліоннаго народа, а потому не удивляйтесь такому долгому сроку приготовленій: тутъ приходится побывать сначала во многихъ учрежденіяхъ и у высокопоставленныхъ лицъ, чтобы имѣть счастье предстать потомъ предъ Тѣмъ, за кого каждый изъ насъ готовъ ежеминутно жертвовать жизнию. Поэтому я нахожу не лишнимъ познакомить васъ со всѣми подробностями нашего пребыванія въ столицѣ, насколько мнѣ позволитъ память.

Прежде всего мы представлялись Его Сіятельству, всѣмъ намъ хорошо извѣстному, князю Дондукову-Корсакову; это было 2-го Мая въ 9 часовъ утра. Не удивляйтесь тому, что при своихъ годахъ и здоровьи, нашъ князь принималъ насъ въ такую пору дня; онъ не перестаетъ любить казаковъ, съ которыми провелъ почти всю свою славную жизнь. Принимая насъ такъ рано, онъ этимъ въ миллионный разъ доказалъ, что въ нуждахъ казачьихъ для Его Сіятельства не существуетъ покоя и особыхъ дѣлъ. Мы были ласково приняты, получили надлежащія наставленія и удостоились разговоровъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Въ это же время нами былъ врученъ Его Сіятельству, для передачи куда слѣдуетъ, кусокъ сукна, заказаннаго въ нашемъ Екатеринодарскомъ профессиональномъ женскомъ училищѣ Государыней Императрицей въ бытность Ихъ Величествъ въ Екатеринодарѣ. На слѣдующій день, 3 Мая, мы имѣли счастье представляться Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Михаилу Николаевичу и здѣсь также удостоились разспросовъ и воспоминаній о прошлой службѣ и временахъ, когда Его Высочество пребывалъ на Кавказѣ. Обратившись, между прочимъ, къ старику Петрашу (артиллеристу) Его Высочество соизволилъ спросить не помнитъ ли тотъ Его во время командованія образцовой батареей, но оказалось, что Петрашъ выбылъ изъ этой батареи за нѣсколько мѣсяцевъ раньше принятія Его Высочествомъ батареи. Въ покаяхъ мы удостоились милостиваго вниманія и радушія своего бывшаго Августѣйшаго Главнокомандующаго. 4-го Мая, представлялись Его Высочепревосходительству, Военному Министру; здѣсь уже мы получили самыя подробныя указанія: гдѣ далѣе быть и, что называется, какъ стать. Вездѣ, гдѣ мы были, насъ спрашивали о производящейся въ Кубанскомъ войскѣ повѣрочной мобилизаціи; видимо, сильно интересуются этимъ; мы же были убѣждены, что мобилизація выполнится хорошо, потому что новое положеніе соединило власть уѣзднаго начальника и атамана отдѣла въ одномъ лицѣ, казачій духъ сталъ возвращаться и исправность казаковъ по снаряженію быстро пошла впередъ.

Въ такой же ранній часъ, какъ и у князя Дондукова-Корсакова, т. е. въ

9 часовъ утра 6-го Мая, мы имѣли счастье представиться Его Высочеству, Государю Наслѣднику Цесаревичу въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ присутствовали: Военный Министръ, Главноначальствующій гражданскою частію на Кавказѣ и Начальникъ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ. Передавъ поздравленіе отъ войска съ днемъ рожденія Его Высочества, мы были осчастливлены ласковыми разспросами, при чемъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ приказалъ намъ явиться въ Зимній Дворецъ къ 11 часамъ дня, для представленія Государю Императору.

Теперь становится яснымъ, что срокъ нашихъ приготовленій даже малъ. Я еще не упомянулъ о томъ, что намъ въ эти дни пришлось побывать въ Командантскомъ управленіи и нѣсколько разъ въ Главномъ Управленіи казачьихъ войскъ.

Въ день 6 Мая торжествуетъ вся Россія, въ Петербургѣ же, гдѣ на лицо виновникъ этого торжества, день этотъ празднуется, само собою разумѣется, роскошнѣе, чѣмъ у насъ въ Екатеринодарѣ. Описать всѣ предметы, встрѣчавшіеся на каждомъ шагу и напоминавшіе торжество дня, нѣтъ силъ, а потому я за это и не берусь.

Въ Зимній Его Императорскаго Величества Дворецъ прибыли мы къ назначенному часу; насъ провели по разнымъ большимъ заламъ въ дежурную комнату, куда, вслѣдъ за нами, прибыли и тѣ высокопоставленныя лица, которыя находились у Наслѣдника Цесаревича. Едва успѣли мы занять указанные намъ мѣста и, что называется, опомниться отъ впечатлѣній, произведенныхъ на насъ великолѣпіемъ покоевъ дворца, какъ изъ слѣдующихъ комнатъ, двери которыхъ были отворены, вышелъ Государь Императоръ. Величественная особа Его была уже въ нѣсколькихъ шагахъ, но ни я, никто изъ остальныхъ депутатовъ еще не думали съ чего начать и въ какихъ выраженіяхъ привѣтствовать Монарха; у насъ не было ни адреса, ни особо-подготовленной рѣчи, и въ этотъ, полный торжественности и самозабвенія, моментъ вспомнилось намъ то мѣсто Св. Евангелія, гдѣ Спаситель, наставляя Апостоловъ, заповѣдалъ не приготовляться заранее къ отвѣтамъ... Мнѣ пришлось сдѣлать полуоборотъ въ тотъ моментъ, когда подходилъ къ намъ Государь. Первому мнѣ пришлось сказать слѣдующее: „Ваше Императорское Величество! Войско Кубанское поручило намъ всеподданнѣйше повергнуть къ стопамъ Вашимъ вѣрноподданническія чувства и безпредѣльную благодарность за пожалованныя земли“. Государь, подавъ мнѣ руку, изволилъ сказать: „Землю назначилъ покойный Государь; Кубанцы заслужили, а Я утвердилъ“. А затѣмъ, обратившись къ полковнику Аверину и подавши ему руку, милостиво съ нимъ разговаривалъ, но о чемъ именно я, отъ избытка чувствъ и волненія, не припомню хорошо. Слѣдующій депутатъ, подъесаулъ Евтушенко, также осчастливленъ поданіемъ руки и разспросами когда и за какія дѣла получилъ знаки Св. Георгія Евтушенко отвѣчалъ: „первый крестъ—въ Тубахъ, когда, въ 1862 г., подъ начальствомъ сотника Дугина, мы были атакованы скопищемъ горцевъ и побиты такъ, что изъ 180 человекъ осталось въ живыхъ 59... меня избрали за начальника... мы просидѣли подъ скалой 6 дней, отстрѣливались, пока не пришелъ нашъ отрядъ подъ начальствомъ полковника князя Амилахвари. А

второй крестъ за покореніе западнаго Кавказа“. Депутаты, нижніе чины, также ошастливлены милостивыми разспросами о томъ: какихъ они станицъ, какъ ихъ фамиліи, когда получили знаки за храбрость. Остановившись подлѣ старика Журавля, имѣвшаго полный бантъ креста Св. Георгія, Государь спросилъ: „Въ какомъ году получилъ первый крестъ?“ На это Журавель отвѣчалъ такъ: „первый крестъ получилъ, Ваше Императорское Величество, въ 1842 году, служа въ Азовской флотиліи, при освобожденіи Вельяминовскаго берегового укрѣпленія; полубантъ въ 1843 году и полный бантъ въ 1845 году“. Далѣе Государь спросилъ Грушевскаго: за какія дѣла получилъ онъ свои знаки, на что Грушевскій отвѣчалъ: „первый крестъ—1858 г. за взятіе аула, въ Адагумскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ генерала Бабича, второй—въ 1862 году за дѣло при нападеніи на станицу Елисаветинскую, 12 Августа, а третій за покореніе западнаго Кавказа въ 1864 году“. Депутатъ старикъ Петрашъ (артиллеристъ) на распросы отвѣчалъ, что „крестъ получилъ за дѣло подъ укр. Ильскимъ“, Ступакъ, въ свою очередь, доложилъ: крестъ получилъ въ 1877 году при освобожденіи отъ турокъ г. Сухума. Послѣ этого Государь спросилъ стариковъ: „Въ первый разъ въ Петербургѣ?“ Петрашъ отвѣчалъ: „бувъ, Ваше Императорское Величество, въ образцовой батарее, въ 1851 и 1852 годахъ“. „А что Петербургъ лучше Екатеринодара“, спросилъ у него Государь, „и какую нашелъ ты перемѣну послѣ того какъ служилъ здѣсь?“. „Ваше Императорское Величество“, отвѣчалъ Петрашъ, „тогда служба була... ходить по городу було никола“. Послѣ окончанія милостивой бесѣды съ нами Государь сказалъ: „показать, гдѣ стать депутаціи“ и вышелъ, а за нимъ послѣдовали: Военный Министръ, Войсковой Наказный Атаманъ Кавказскихъ казачьихъ войскъ, Начальникъ главнаго управленія казачьихъ войскъ, которые присутствовали во все время пребыванія нашего въ дежурной комнатѣ. Еще не успѣли всѣ выйти, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ придворныхъ (скороходъ) сказавъ: пожалуйста, я укажу мѣсто, гдѣ стать депутаціи. Изъ дежурной комнаты мы за этимъ проводникомъ прошли два зала, въ коихъ было большое стеченіе генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; затѣмъ пошли галлереей и остановились въ тронной залѣ.

Не обошлось, однако, безъ недоразумѣній: церемоніалмейстеръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что здѣсь нижніе чины не бываютъ; но получивъ отъ меня въ отвѣтъ, что я этого не знаю и что мѣсто имъ указано, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ нашимъ проводникомъ, который вполголоса доложилъ ему: „Ваше Сіятельство, Государь приказалъ“. Такимъ образомъ мы остались на своемъ мѣстѣ; кромѣ насъ на этой же половинѣ было два полныхъ генерала, а противъ насъ, на другой половинѣ зала, стояло до 50 особъ, барышенъ и дамъ. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы показать, насколько мы были счастливы, въ особенности старики, нижніе чины, удостоившись стать тамъ, куда не всякій допускается. До Высочайшаго выхода изъ другихъ залъ, иногда приходили сановники и, разговаривая съ дамами, часто обращали взоръ въ нашу сторону; видимо, дамы удивлялись нашему присутствію или интересовались заслуженными стариками-казаками.

Прошло минутъ 10, и мы удостоились видѣть шествіе. Впереди шло множе-

ство придворныхъ чиновъ попарно, а за ними, въ первой парѣ, Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Государь Императоръ съ Греческою Королевою; въ слѣдующихъ парахъ находились остальные члены Императорской Фамиліи; потомъ, на большой подушкѣ, была вынесена Высоконоворожденная, сопровождаемая попарно статсъ-дамами и фрейлинами. Шествіе начиналось отъ внутреннихъ покоевъ черезъ всѣ залы до придворной церкви, гдѣ совершалось крещеніе Высоконоворожденной и литургія. Оставивъ своихъ депутатовъ на томъ же мѣстѣ, я удостоился присутствовать при крещеніи и на литургіи до провозглашенія многолѣтія; затѣмъ я занялъ свое мѣсто въ депутаціи, чтобы встрѣтить обратное шествіе Высочайшихъ особъ, которое совершилось тѣмъ же путемъ и въ томъ же порядкѣ. Все это мы видѣли на разстояніи какихъ-нибудь 3—4 шаговъ!

Итакъ, день 6 Мая, для меня и остальныхъ депутатовъ, былъ самымъ счастливымъ во всей жизни. Въ этотъ день мы видѣли всѣхъ членовъ Царской Фамиліи, придворныхъ чиновъ и иностранныхъ пословъ. Сколько блеска, роскоши и разныхъ мундировъ — описать не возможно; также точно невозможно описать восторга и впечатлѣній, коими мы были объаты до глубины души и сердца!

Нѣсколько дней спустя старики-депутаты награждены большими золотыми медалями, которыя возложены были на нихъ лично княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ.

До 10-го Мая, включительно, мы оставались свободными отъ представленій и въ этотъ промежутокъ времени осматривали достопримѣчательности столицы, посѣщали знакомыхъ; хотѣли было поѣхать въ Кронштадтъ къ о. Іоанну, но эта поѣздка не состоялась, потому что популярнѣйшій священникъ былъ въ то время въ Москвѣ.

10-го Мая, въ 9 часовъ вечера, я получилъ офиціальное предложеніе отъ Начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ, въ которомъ генералъ-лейтенантъ Золотаревъ сообщалъ, что Государыня Императрица желаетъ видѣть Кубанскую депутацію у Себя, въ Гатчинскомъ Дворцѣ, 11-го числа; поэтому мы въ 5 часовъ утра этого дня отправились на вокзалъ Варшавской желѣзной дороги, въ каретахъ, при дождливой и холодной погодѣ. Начальникъ станціи озадачилъ насъ непріятною вѣстью, будто-бы изъ Гатчины получена телеграмма, что Ея Величество не принимаетъ въ этотъ день никого, за исключеніемъ только одного статсъ-секретаря; но мы, не то чтобы не повѣрить этому, а просто изъ желанія побывать въ конвоѣ, рѣшили ѣхать и поѣхали. Здѣсь недоразумѣніе разъяснилось: къ приходу поѣзда, на станціи Гатчино, насъ уже ожидали придворные экипажи, въ которыхъ мы и были доставлены прямо во дворецъ. Во дворцѣ мнѣ и офицерамъ указали помѣщеніе, а нижніе чины помѣщены рядомъ съ нами въ другихъ комнатахъ; здѣсь намъ былъ поданъ чай и кофе. Первымъ долгомъ я сталъ наводить справки о полученной въ Петербургѣ на Варшавскомъ вокзалѣ телеграммѣ, но никто не могъ объяснить мнѣ этого. Не долго спустя придворный скороходъ извѣстилъ, что Ея Величество удостоиваетъ насъ представиться, но только о времени будетъ дано знать особо. И дѣйствительно, въ половинѣ 12-го часа, тотъ же скороходъ пришелъ къ намъ и повелъ по большой и длинной

галлерей, въ приемныя комнаты. Тамъ были: командиръ Л.-Гв. Павловскаго полка и еще одинъ какой-то генералъ, а также состоящій при Ея Величествѣ князь. Не болѣе какъ чрезъ четверть часа князь вышелъ и, возвратившись, пригласилъ меня съ офицерами въ слѣдующую комнату. Когда Ея Императорское Величество Государыня Императрица подошла къ намъ съ ласковымъ поклономъ, я выразилъ Ея Величеству отъ Кубанскаго казачьяго войска чувства безпредѣльной преданности и привѣтъ. Государыня милостиво подала мнѣ руку, которую я имѣлъ счастье поцѣловать. Послѣ чего Ея Величество соизволила произнести: „Я васъ помню; видѣла въ Екатеринодарѣ“; подавая руку полковнику Аверину, сказала: „и васъ видѣла тамъ“, Аверинъ и Евтушенко удостоились также поцѣловать руку. Вторично обратившись ко мнѣ, Императрица выразила желаніе видѣть и стариковъ-депутатовъ, которые тотчасъ-же были введены мною и пристроены лѣвѣе офицеровъ. Къ нимъ Государыня изволила обратиться со словами: „Здраствуйте старики“; на что они отвѣчали „Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!“. Послѣ разспросовъ какихъ они станицъ, Ея Величество остановилась подлѣ старика Грушевскаго и спросила: „Въ конвоѣ есть у тебя родственникъ?“ Грушевскій отвѣчалъ: „Такъ точно, сынъ мой, Ваше Императорское Величество“; а Государыня сказала „Какъ онъ похожъ на тебя“ и обратившись ко всѣмъ продолжала: „Мы съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаемъ путешествіе по Кавказу и пребываніе въ Екатеринодарѣ; хотя тогда былъ Сентябрь мѣсяцъ, но погода у васъ была лѣтняя, прекрасная, а тутъ Май мѣсяцъ, а какой дождь и холодно. Передайте всѣмъ казакамъ и казачкамъ мой поклонъ“. На прощаніе мы всѣ удостоились цѣловать руку у Ея Величества; послѣ чего отправились въ прежнее помѣщеніе, гдѣ для насъ (особо офицерамъ и особо нижнимъ чинамъ) былъ накрытъ столъ. Итакъ, мы удостоились въ этотъ день, кромѣ милостиваго и ласковаго приема, пить горилку, вино и откусать хлѣба-соли у Матушки Царицы. Полковникъ Аверинъ и подъесаулъ Евтушенко вскорѣ выѣхали обратно въ Петербургъ, а я съ стариками-депутатами оставался въ Гатчинѣ до 7 часовъ вечера. Въ казармахъ собственнаго Ея Величества конвоя насъ принимали радушно и угощали на славу. Я вечеромъ выѣхалъ изъ Гатчины, а старикамъ, по просьбѣ офицеровъ Терскаго и Кубанскаго эскадроновъ, разрѣшилъ остаться тамъ до слѣдующаго дня. 12 Мая всѣ опять собрались въ Петербургъ и отдыхали цѣлыхъ два дня. 14 мая навѣстили насъ конвойцы-офицеры (нѣкоторые съ дамами) и были въ гостяхъ до часа ночи въ пріятной бесѣдѣ. 15 мая, по случаю дня коронаціи и столѣтняго юбилея Л.-Гв. Павловскаго полка, мы были въ Казанскомъ соборѣ, а затѣмъ любовались парадомъ на Марсовомъ полѣ; но до этого еще въ 10 часовъ утра, мы были опять у Великаго Князя Михаила Николаевича, который передалъ черезъ насъ привѣтъ всѣмъ Кубанцамъ. Въ слѣдующіе дни, по случаю возвращенія въ войско, представлялись по начальству, а 18-го распрощались съ Петербургомъ. Полковникъ Аверинъ остался тамъ еще на неопредѣленное время, по предложенію генераль-лейтенанта Золотарева, для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся нашего войска.

22-го мая, мы были уже въ Екатеринодарѣ и на слѣдующій день представлялись Начальнику Кубанской области и Наказному Атаману Кубанскаго Ка-

зачьяго войска, генералъ-лейтенанту Леонову, доложивъ подробно Его Превосходительству обо всемъ, что видѣли и слышали. Атаманша наша, Фелонида Ивановна, была нездорова, не могла насъ принять, но намъ непремѣнно хотѣлось лично передать ей, какъ казачкѣ, поклонъ отъ Императрицы, и на другой день, послѣ благодарственного молебна въ соборѣ, въ 12 часовъ, мы были приняты супругой Наказнаго Атамана и исполнили возложенное на насъ порученіе. Атаманша приняла насъ очень радушно и угостила чаемъ и завтракомъ.

О милостивомъ пріемѣ Государя Императора и Императрицы, а также поклонъ Ея Величества казакамъ и казачкамъ мы передали съ точностію на словахъ тѣмъ, кому представлялись по случаю возвращенія въ войско и съ кѣмъ имѣли случай видѣться; тѣхъ же, кому мы не могли этого передать лично, просимъ принять изъ моей настоящей замѣтки, которая, можетъ быть и не отличается литературными достоинствами, на что я не претендую, но за то въ ней искренно и правдиво изложено все, что я видѣлъ и переживалъ въ бытность мою въ Петербургѣ.

ГЛАВА XIV.

Чума рогатаго скота.

Въ Маѣ мѣсяцѣ я ѣздилъ съ депутаціей въ Петербургъ, а осенью того же года (1890), въ Кубанской Области и вообще на Кавказѣ разразилась страшная эпидемія, чума рогатаго скота. Была она раньше въ Донской Области, во внутренней Россіи, не обходилось конечно и безъ печальныхъ, грустныхъ картинъ, народныхъ волненій, того же можно было ожидать и здѣсь. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ пришло изъ Петербурга предписаніе убивать больной рогатый скотъ, пострадавшимъ же лицамъ выдавать деньги отъ казны. Было прислано много ветеринаровъ, были присланы лица, даже и не окончившія ветеринарнаго института; правду сказать, много загубили они скота, иногда совершенно здороваго. Начальнику Области и Наказному Атаману чуть не каждый день присылались телеграммы отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ то о неисправномъ исполненіи своихъ обязанностей чинами полиціи въ станицахъ, то о скрываніи зачумленнаго скота, то о небрежности и невнимательности мѣстной администраціи и врачебнаго персонала. Указывалось между прочимъ и на то, что убой больныхъ животныхъ достигъ громадныхъ размѣровъ, казнѣ же приходится платить очень большія деньги. Вопросъ этотъ разсматривался въ областномъ правленіи въ присутствіи начальника Области ген.-лейт. Леонова, и на общемъ собраніи было единогласно рѣшено просить меня принять мѣры по умиротворенію населенія, соглашенія относительно оцѣночныхъ денегъ, а также и способовъ прекращенія эпизоотіи.

Я былъ вызванъ для объясненій въ Екатеринодаръ, при чемъ не говорилось зачѣмъ. Здѣсь, въ бесѣдѣ, при личномъ свиданіи, съ г. Наказнымъ Атаманомъ, этотъ вопросъ выяснился, генераль Леоновъ подробно объяснилъ мнѣ, что я долженъ сдѣлать, и что отъ меня требуютъ.

— Порученіе это, Ваше Превосходительство, болѣе важное, нежели идти съ войсками на приступъ, или штурмомъ взять заваль, или укрѣпленный лагерь! Слава побѣдителей останется при нихъ, а убитымъ—царство небесное! Дѣло же зараженнаго скота въ цѣлой области принять на себя не могу, прошу васъ, не сѣтуйте на меня, за мой отказъ!—Вотъ мои слова г. Леонову. Такъ, наше первое свиданіе кончилось ничѣмъ. Только спустя мѣсяца три, получаю я новое приглашеніе явиться въ Екатеринодаръ. Дѣло касалось опять чумы, проявившейся

въ огромныхъ размѣрахъ въ Баталпашинскомъ отдѣлѣ, чума даже проникла и въ отдаленныя горныя общества Карачаевъ.

Я пріѣхалъ. Въ день моего представленія начальнику области, въ пріемной находилось еще три генерала. Они всѣ поглядывали на меня, и по ихъ лицамъ можно было догадаться, что они уже переговорили съ Наказнымъ Атаманомъ. При моей бесѣдѣ съ Леоновымъ присутствовали и эти генералы, а также и Начальникъ Штаба. Наконецъ Начальникъ Области обращаясь ко мнѣ говоритъ:

— Ваше Превосходительство, вы сами казакъ! Вы должны сочувственно отнестись къ казачьему горю и къ казачьему населенію! Рѣшено было на общемъ совѣтѣ просить васъ принять на себя тяжелую миссію, но въ тоже время благодарную, вразумить населеніе исполнить волю и распоряженія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ!

Первое время я былъ сильно озадаченъ, но... долженъ былъ согласиться.

— Какими же правами вы можете меня уполномочить все это сдѣлать, спросилъ я Начальника Области.

— Правами, предоставленными Наказнымъ Атаманамъ!...

Тутъ же было устроено засѣданіе и было рѣшено командировать сотню 1-го Екатеринодарскаго полка въ Карачай, а также и на высоты, по склонамъ которыхъ расположены станицы Зеленчукская, Сторожевская, Преградная. Рѣшено было расположить такъ кордонъ, чтобы скотъ, возвращающійся съ лѣтней пастбы, никакъ не могъ проникнуть въ свои станицы, да кромѣ того подвергнуть его самому строгому и тщательному 5-ти дневному карантину. Также было сдѣлано и для станицъ Суворовской, Бекешевской и Баталпашинской. Спустя 5 дней карантинъ былъ снятъ, но только результаты получились противные и плачевные. На другой же день въ юртѣ станицы Баталпашинской, на офицерскихъ участкахъ уже была обнаружена чума.

Участки эти снимались арендаторами.

Благодаря энергіи арендаторовъ, а также случайно находившемуся ветеринару была произведена изоляція 2 больныхъ животныхъ и 7-ми подозрительныхъ. Объ этомъ донесли мнѣ, жившему въ то время въ станицѣ Баталпашинской.

Я командировалъ офицера, наблюдавшаго за эпизоотіей, имъ совмѣстно съ ветеринарами была произведена ревизія всѣхъ участковъ, совмѣстно съ участками станицъ Суворовской и Бекешевской. Здоровый скотъ былъ отдѣленъ, больныя животныя были изолированы, изъ нихъ было убито 7 штукъ. Затѣмъ въ теченіе 20 дней чумныхъ случаевъ больше не повторялось и названныя станицы были свободны отъ карантина. Тутъ же работала и оцѣночная комиссія, состоявшая изъ ветеринара, офицера и 2-хъ стариковъ. Каждый членъ назначалъ свою цѣну, затѣмъ цѣны складывались, и средняя цѣна, признавалась наиболѣе правильной и точной.

Бывало не мало и прискорбныхъ случаевъ. Такой былъ въ станицѣ Бекешевской, мѣсяца полтора, раньше до моего пріѣзда.

Ветеринаръ ѣхалъ изъ станицы Бекешевской въ ст. Суворовскую и въ верстахъ 5 отъ станицы увидѣлъ стадо овецъ, среди нихъ была одна павшая.

Ветеринаръ, увидавши овцу, подзываетъ пастуха:

— Что это!

Молодой пастухъ, лѣтъ 17—18, малороссъ говорить:

— Хиба ты не бачышь, шо вивця, ну, что же, та здохла, много подохло, це дивьята.

Ветеринары ѣздили всегда съ сопровождавшими ихъ казаками. И на этотъ случай тоже. Ветеринаръ сейчасъ же отправилъ казака въ станицу Бекешевскую дать знать атаману, чтобы взять понятыхъ и сейчасъ же ѣхать къ мѣсту происшествія. Черезъ полчаса прибыли атаманъ станицы, ветеринары, ихъ было трое и старики. Первый ветеринаръ приказалъ сейчасъ же гнать стадо на отведенное особо мѣсто для убоя скота.

Всѣхъ овецъ было 673 штуки, ихъ перебили и закопали въ яму. Объ этомъ донесли мнѣ и мною было поручено офицеру произвести дознаніе. На дознаніи выяснилось, что пало всего 9 овецъ, а овцы эти были пущены въ стадо 5 мѣсяцевъ тому назадъ, когда они и пали.

По наведеннымъ справкамъ у овцеводовъ, такой падежъ, какъ 9—10—12 штукъ вполнѣ естествененъ и заразы никакой нѣтъ. На свидѣтельскихъ же показаніяхъ было еще добавлено, что бывали случаи, что если стадо напѣется воды въ жаркое время, когда пастухъ случайно занятъ, то изъ стада головъ въ 1000 падеть 50, 60. А такихъ случаевъ бывало очень много.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ моемъ въ станицу Баталпашинскую получаю телеграммы отъ Начальника Области, генерала Леонова, провѣрить дѣйствія ветеринаровъ въ станицѣ Отрадной, а оттуда проѣхать въ станицу Ильинскую, гдѣ возникли серьезныя недоразумѣнія. Со мною, въ станицу Отрадную, поѣхалъ и Черкасовъ, главный ветеринарный врачъ, присланный изъ С.-Петербурга. Въ станицѣ Ильинской были созваны старики, понятые, и на всѣ мои разспросы, что у нихъ произошло, на все отвѣчали, что у нихъ все спокойно, чумныхъ заболѣваній почти что уже и не слышно, и, если дѣло пойдетъ такъ, то на 9-ый день станицу можно считать свободною отъ карантина. Но все же, не совсѣмъ довѣряя казакамъ, приглашаю 2-хъ ветеринаровъ; тѣ тоже заявили, что все благополучно и слѣдовъ эпизоотіи больше не наблюдается.

Когда они мнѣ это говорили, я досталъ телеграмму, присланную мнѣ Леоновымъ, который получилъ ее изъ Петербурга, изъ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Эту телеграмму послали два ветеринарныхъ врача, изъ станицы Отрадной, прося Министерство, чтобы оно обратило вниманіе на халатное отношеніе мѣстной администраціи.

Показывая эту телеграмму одному изъ ветеринаровъ, говорю:

— Вы писали?

— Я.

— А, вашъ товарищъ гдѣ?!

— Его здѣсь нѣтъ, онъ выбылъ въ станицу Попутную. Я былъ прежде тамъ!

— Вотъ видите, — обращаюсь я къ Черкасову, — я говорилъ вамъ, что не надо мѣнять ветеринаровъ изъ одной станицы въ другую, а также и офицеровъ, наблюдающихъ за полиціей и эпизоотіей.

— Разъ вы телеграфировали въ Петербургъ, что полиція слабо дѣйствуетъ и наблюдаетъ, разъясните пожалуйста въ чемъ дѣло?!

— Провѣряя дома и дворы, у одной казачки я нашелъ больного быка и корову, котораго приказано было убить.

Быка убили. Дня черезъ 4 заболѣваетъ корова. Казачка проситъ не убивать ее, — пане добродію, вѣдь она одна у меня, она поить и кормить меня и сиротъ моихъ.

— Ну, а телокъ каковъ, покажи!

Телка показали, онъ былъ совершенно здоровъ.

— Что же дальше, — переспрашиваю я нетерпѣливо ветеринара, тянущаго и цѣдящаго свой разсказъ.

— Корову все же я приказалъ вести, полицейскіе казаки налыгали ее, но казачка выхватила налыгачъ и не давала вести.

— Что же, корова осталась у вдовы?

— Нѣтъ, вдову задержали, а корову погнали и убили, оцѣнку заплатили...

Я былъ возмущенъ этимъ, и обращаясь къ Черкасову, говорю:

— А, вотъ гг. ветеринары возмущаются и доносятъ г. Министру, говоря, что здѣсь царить произволъ и послабленія полиціи, въ отвѣтъ на это, Черкасовъ что то пробурчалъ въ оправданіе дѣйствій и поступковъ своихъ коллегъ.

Но я уже больше терпѣть не могъ.

— Вы, — выбранился я, вы натягиваете струны, возмущаете народъ и подрываете вѣру въ вашу ученость, вы не лѣчите, а убиваете! Если вы считаете себя оскорбленнымъ, я готовъ дать удовлетвореніе...

Въ станицѣ Ильинской я былъ встрѣченъ полнымъ сходомъ, съ хлѣбомъ-солью. Поздоровавшись съ обществомъ я сказалъ имъ въ отвѣтъ на ихъ привѣтствіе:

— Начальство заботится о благосостояніи преданныхъ престолу и отечеству, заботится также и объ ихъ хозяйствахъ. Въ Россіи, въ губерніяхъ, мѣрами карантинныхъ, а также убоимъ заболѣвшаго скота и оцѣнкою ихъ стоимости, удалось прекратить чумное дѣло благополучно, точно также и въ области войска Донского. Остается намъ принять мѣры строгія у себя и въ сосѣдней Терской Области, нужно до конца довести борьбу съ этимъ страшнымъ врагомъ.

Эта рѣчь, сказанная совершенно неожиданно, произвела большое впечатлѣніе. Покажите мнѣ тѣхъ двухъ урядниковъ, что ѣздили съ просьбою къ Наказному Атаману.

— Они здѣсь, — былъ отвѣтъ.

— Арестовать и посадить ихъ при станичномъ правленіи.

— А теперь, вы, старики, скажите, какую просьбу вы подавали, и что вы хотѣли.

Общество отозвалось какъ одинъ человѣкъ.

— Мы никакого порученія не давали, а просили атамана написать вамъ, какъ принявшему на себя все дѣло и уяснить недоразумѣнія.

Ветеринары рѣшили было держать скотъ во дворахъ безъ корма, но я отклонилъ это.

Предстояла распашка земли, нуженъ былъ рабочій скоть и вотъ я на свой страхъ и рискъ позволилъ казакамъ производить распашку земли, предварительно устроивъ вездѣ карантинъ. Обо всемъ этомъ я донесъ Наказному Атаману.

Казаки содержатъ себя и свое обмундированіе на свой счетъ; если же не разрѣшить произвести распашку полей, то ни чѣмъ нельзя будетъ вознаградить эту потерю...

Вся станица Ильинская была окружена строгими карантинами, а жителямъ было воспрещено сноситься съ сосѣдными станицами.

Въ станицѣ Каменобродской тоже вышли осложненія, и генераль Леоновъ попросилъ меня захватить туда и узнать въ чемъ дѣло. Начальникъ Области отъ ветеринаровъ получилъ извѣщеніе, что въ станицѣ происходятъ чумныя заболѣванія и наблюдаются признаки эпидеміи, атаманъ же отдѣла Задохлинъ говоритъ, что все благополучно, о заболѣваніяхъ и помину нѣтъ.

Въ станицѣ Каменобродской меня встрѣтили хлѣбомъ-солью, въ присутствіи атамана отдѣла, 2 офицеровъ, завѣдующимъ эпизоотіею и 2-хъ ветеринаровъ. Начались жалобы. Старики говорятъ, что все благополучно, и гг. ветеринары напрасно не позволяютъ намъ производить пахоту, а вѣдь безъ посѣва мы не можемъ казаковъ снаряжать на службу.

Ветеринары же доказываютъ, что жители скрываютъ.

Выслушавъ все я рѣшилъ поступить также, какъ и въ ст. Ильинской, разрѣшить производить пахоту. Всѣ остались очень довольны, одни ветеринары недовольно хмурили брови. Думая, что весь инцидентъ исчерпанъ, я разрѣшилъ атаману отдѣла ѣхать въ станицу Кавказскую, самъ же остался въ станицѣ Каменобродской, привести въ порядокъ дѣла Карачаевского О-ва, а также донесъ Леонову, что рѣшился остаться здѣсь, въ Каменобродской, дня на 4—5.

Съ утра скоть былъ выпущенъ за околицу, и раздѣленъ на три стада. Былъ произведенъ осмотръ скота, и между прочимъ, замѣчено два подозрительныхъ случая. Больныхъ животныхъ сейчасъ же выдѣлили, отвели къ станичному правленію и здѣсь при тщательномъ осмотрѣ выяснилось, что животныя больны. Произвели дознаніе, узнали кому принадлежатъ больныя животныя.

Ветеринары осмотрѣли дворы. Въ одномъ дворѣ нашли свѣжевыкопанную яму, а въ ней оказалась закопанная корова. Сомнѣній больше не оставалось никакихъ. Больныхъ животныхъ убили, но уже безъ вознагражденія со стороны казны.

Въ моей квартирѣ собралось общество съ своимъ станичнымъ атаманомъ, старики стали на колѣни, стали просить меня извинить ихъ, говоря, что они скрывали, боясь, что имъ не позволяютъ производить полевыхъ работъ.

— Встаньте, выберете 5 стариковъ и отправьте ихъ съ донесеніемъ обо всемъ Наказному Атаману — сказалъ я.

Ветеринары были правы, настаивая на своемъ мнѣніи. И такъ, чума въ Кубанской Области была въ полномъ разгарѣ. Смерть царила надъ животными, унося ежедневно изъ cadaго стада головъ 50—70. Для многихъ смерть была разорительна, чума убивала все казачье достояніе. Особенно сильна была эпидемія въ станицѣ Роговской, гдѣ ежедневно убивали до 50 штукъ.

Сѣздивши по дѣламъ службы въ станицу Каменобродскую, Наказный Ата-

манъ въ Екатеринодарѣ нашелъ два донесенія отъ атамана Кавказскаго отдѣла, что чума уже обнаружена въ станицѣ Джираліевской, и что жители не признаютъ карантинныхъ мѣръ, предлагаемыхъ въ такихъ случаяхъ ветеринарными врачами. Потребовалась даже сотня казаковъ, чтобы оцѣпить эту станицу, и этимъ прекратить не безопасныя сношенія съ сосѣдними станицами.

Дѣло разыгрывалось не шуточное. Леоновъ обратился ко мнѣ, предлагая разобрать это щекотливое дѣло.

Я еще и раньше усталъ, вѣдь на моей отвѣтственности была цѣлая область, отвѣтственность громадная, требующая напряженія огромной силы воли, здоровья, не говоря, что требовалось масса и умственной и физической работы.

Напрасно я говорилъ генералу Леонову, что силы мои истощились, напрасно я доказывалъ Начальнику Области, что моему усталому организму необходимо безотлагательное леченіе въ Пятигорскѣ, напрасно я приводилъ массу другихъ доводовъ, и въ концѣ долженъ былъ согласиться на убѣдительныя доводы Наказнаго Атамана.

На другой же день послѣ переговоровъ я былъ въ ст. Роговской, гдѣ видѣлся съ атаманомъ отдѣла Родзевичемъ, которому телеграфировалъ Леоновъ. Со мною же былъ и областной ветеринаръ Гороховецъ.

Здѣсь, въ станицѣ Роговской, я спрашивалъ станичнаго атамана, въ какомъ положеніи находится эпидемія. Результаты оказались благопріятными. Смертность сильно упала, съ 50 до 10. Все стадо раздѣлили на 6 стадъ, два уже позволено жителямъ взять домой и отправить на свои поля.

Выслушавъ подробныя донесенія о ходѣ болѣзни я отпустилъ атамана и сталъ разговаривать съ Родзевичемъ о дѣлахъ въ ст. Джираліевской.

— Дѣло очень серьезное!

— Джираліевцы совершенно отказываются исполнять распоряженія полиціи, ветеринаровъ и даже вашего, генераль, о которомъ вы донесли г. Начальнику Области.

Ветеринары обнаружили болѣзнь въ двухъ дворахъ, тамъ былъ поставленъ караулъ, но только отъ чужихъ казаковъ.

Джираліевцы запретили своимъ полицейскимъ убой скота и оцѣнку стоимости.

— Все это было совершено въ присутствіи моего помощника, войскового старшины, Савенко. Онъ телеграфировалъ мнѣ, а я Начальнику Области.

Телеграммой же я сообщилъ, что выѣзжаю на мѣсто, въ ст. Джираліевскую. Я спросилъ подробно своего помощника, приказалъ собрать изъ окрестныхъ станицъ 4 сотни, съ которыми и отправился въ бунтовавшую станицу. Здѣсь меня уже ожидалъ полный сходъ. Я потребовалъ отъ стариковъ буквального исполненія приказаній начальства.

— Нѣтъ, — былъ рѣшительный отвѣтъ, — и мы не будемъ скота собирать съ нашихъ пашень въ одно мѣсто, не сдѣлаемъ того, что творится въ Роговской, нашей сосѣдней станицѣ. Мы не хотимъ, чтобы больной скотъ заразилъ здоровый.

Все это мнѣ рассказывалъ Родзевичъ, это вѣсти малоутѣшительныя и не-

пріятныя въ высшей степени. Подумавъ, я рѣшилъ созвать сходъ и поговорить съ ними самъ.

Пошлите, сказалъ я Родзевичу, въ станицу Джираліевскую и дайте знать, чтобы завтра къ 8-ми часамъ утра собрался полный станичный сходъ.

Въ это самое время прибылъ атаманъ станицы Джираліевской.

Я попросилъ Родзевича, чтобы онъ вошелъ ко мнѣ поговорить о дѣлѣ возмущенія и неповиновенія начальству. Это былъ уже пожилой казакъ, имѣвшій 3 георгіевскихъ креста. Обращаюсь къ нему и говорю.

— Вкратцѣ я напомнимъ дѣло станицы Полтавской. Ты это помнишь!

— Я помню, какъ вы командировали вторые полки въ Азіатскую Турцію. Сборный пунктъ былъ въ станицѣ Полтавской.

— Станица Полтавская не настолько была виновата, сколько вы виноваты теперь въ неисполненіи предписанныхъ къ руководству мѣропріятій.

— Ну, а теперь можешь отправляться.

Я, раскланялся съ Родзевичемъ, Гороховцемъ, пожелалъ имъ спокойной ночи, справедливо полагая, что утро вечера мудренѣе.

На другой день, рано утромъ, такъ часовъ въ шесть, я уже былъ готовъ. Готовы были и остальные.

Черкасовъ остался въ Роговской, а я и остальные рѣшили ѣхать въ станицу Джираліевскую. Предъ нашимъ отъѣздомъ я замѣтилъ сотни 3 казаковъ. Въ удивленіи я посмотрѣлъ на Родзевича. Вопросъ, хотя и нѣмой, былъ очень понятенъ.

— Это для васъ, это конвой вамъ въ ст. Джираліевскую!!

Въ полголоса я сказалъ: распустите ихъ по домамъ, не надо.

— Какъ же мы поѣдемъ?

— Такъ и поѣдемъ!

Въ ст. Джираліевской насъ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью. Принявъ хлѣбъ-соль я спросилъ: „сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда я у васъ былъ въ послѣдній разъ. Помните, когда вы не хотѣли брать жребія молодымъ казакамъ въ неслужилый разрядъ.

— Болѣе 15 лѣтъ!

— Слушайте, старики! Вы меня знаете, я у васъ былъ атаманомъ отдѣла, я и тогда не желалъ вамъ худого и указывая на Родзевича, говорю, и онъ требуетъ отъ васъ исполненія законнаго!

— Чѣмъ ваша станица умнѣе, или лучше! Въ Россіи, или на Дону, въ Кубанской или Терской Области исполняютъ распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, убиваютъ зараженный скотъ и получаютъ вознагражденіе отъ казны! А, вы, что? Поэтому изберите, чтобы не говорить со всею толпою, человѣкъ 10, пусть они придутъ на квартиру, съ ними я буду бесѣдовать, и вы ихъ уполномочьте говорить и слушать повелѣвающей законъ!

Проходя по фронту стариковъ, я замѣтилъ Севастопольскаго героя съ медалью и георгіевскимъ крестомъ, служившаго въ пластунскомъ батальонѣ и защищавшаго 4-й бастионъ Севастополя.

— А еще нѣтъ твоего сослуживца!

— Я, самъ второй!

Вызвавъ его впередъ, поставивъ передъ всѣмъ обществомъ, заявилъ:

— Эти два старика (первый—атаманъ) должны придти ко мнѣ на квартиру, сверхъ избранныхъ 10 человѣкъ.

Квартира моя была черезъ улицу.

Сначала былъ слышенъ тихій разговоръ толпы, а затѣмъ шумъ.

Кто кого слушалъ неизвѣстно, и это продолжалось часа полтора времени. Затѣмъ ко мнѣ явилось 12 человѣкъ. Дома у меня, на дворѣ росли двѣ вѣтвистыя яблони и три акаціи. Сюда, подъ тѣнистыя деревья, пригласилъ эту публику; со мной были и атаманъ отдѣла Родзевичъ, а также и ветеринарный врачъ Гороховецъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій я прямо перешелъ къ дѣлу.

— Сознаете-ли вы, вы должны сказать отъ цѣлаго общества, ошибку неисполненія распоряженій, не ветеринаровъ, нѣтъ, а вашего ближайшаго начальства, атамана отдѣла!

— Ваше Превосходительство! Двѣ коровы, предназначенныя къ убою, какъ зачумленныя, стоятъ внѣ станицы, передъ вырытою ямою, вотъ уже 8 дней. Хозяева носятъ имъ пойло и кормъ, караулъ при нихъ держатъ 5 казаковъ станицы Роговской. При 4-хъ дворахъ, тоже признанныхъ за подозрительныхъ заразительною болѣзною, опечатаны и подъ надзоромъ 15 казаковъ, при урядникѣ станицы Поповической. По описи, сдѣланной ветеринарными врачами, весь скотъ въ наличности и тому время 8 дней. Это насъ и понудило выгнать скотъ въ степь по своимъ полевымъ надѣламъ. Ваше превосходительство! Провѣрьте наше заявленіе справедливымъ докладомъ!

Еще раньше Родзевичъ вызывалъ депутатовъ сосѣднихъ станицъ для увѣщанія въ непокорности. Послушавъ разсужденія стариковъ я рѣшилъ устроить слѣдующее.

Родзевичъ, областной ветеринаръ Гороховецъ, офицеры наблюдающіе за эпизоотіею, командиръ 2-го полка войсковой старшина Черникъ и командированные ветеринары должны осмотрѣть весь скотъ.

Весь этотъ кортежъ, на семи тройкахъ, двинулся въ поле и въ станицу. Осмотрѣвши всѣ дворы и объѣхавши казачьи угодья нашли весь скотъ по описи въ наличности. Только лишь за недостаткомъ корма скотъ оказался худымъ и истощеннымъ, за исключеніемъ коровъ, стоявшихъ у ямы „для убоя“, тѣ были въ гораздо лучшемъ видѣ. Это больныя животныя.

Послѣ объѣзда я пригласилъ къ себѣ въ квартиру атамана отдѣла Родзевича, ветеринарнаго врача Гороховца и командира 2-го Полтавскаго полка, Черника.

— Послѣ вашего объѣзда господа, и тѣхъ данныхъ, представленныхъ мнѣ ветеринарами я не нахожу виновными Джираліевцевъ.

— Доказательствомъ ихъ не виновности служить скотъ. Вы прекрасно знаете, что больной скотъ ни за что не проживетъ 5-ти сутокъ, а сегодня уже 9-й день.

Смѣю судить, что они правы, правда, они виновны въ томъ, что выгнали свой скотъ на поля безъ разрѣшенія ветеринаровъ и офицеровъ, завѣдующихъ эпизоотіей, въ этомъ виновны!

Рѣшено было позвать стариковъ и выяснить ихъ вину. Какъ и прежде, явилось 12 стариковъ.

— Заявленіе ваше справедливо, но не справедливо то, что вы самовольно, и при томъ ночью, угнали скотъ въ степи, заявилъ я старикамъ.

Затѣмъ вызвалъ двухъ ветерановъ Крымской компаніи.

— Вспомните, вы старики, когда вы были на высотахъ 4-го бастіона, на Малаховомъ курганѣ, вспомните, чтобы сказали, если вы самовольно не исполнили приказаній, если бы самовольно не сдѣлали того, что требовалось, то не удержали бы за собою сказаннаго бастіона!

Вся сила зависитъ въ исполненіи приказаній начальства, которыя исходятъ отъ Государя, на основаніи изданныхъ имъ законовъ!

— А, теперь арестованный скотъ свободенъ, пусть хозяева заберутъ его на свои степи, но въ степи долженъ быть осмотръ скота.

Осмотръ производутъ ветеринары съ полицейскими урядниками и офицерами.

Если какое животное окажется больнымъ, то его отдѣлить. И при томъ, убѣдившись въ болѣзни скота, согласно правиламъ, онъ долженъ быть убиваемъ и тутъ же закапываемъ. Вы слышите и понимаете меня! Поэтому идите и объявите сходу, все слышанное вами. Обсудивъ обо всемъ подробно придите и доложите мнѣ.

Все время я стараюсь убѣдить Родзевича, что никакого бунта здѣсь нѣтъ, что Джираліевцы поступаютъ правильно, но возможно, что они заупрямятся и не согласятся, что бы ветеринары осматривали скотъ. Они разсуждаютъ дѣльно, вѣдь ветеринары были въ Роговской станицѣ, а оттуда они прибыли сюда. Они могутъ заразить скотъ!

Казалось я убѣдилъ.

— А теперь, пошлите телеграмму Начальнику Области, что бы успокоить его, васъ же, войсковой старшина, попрошу черезъ 2 дня лично явиться къ Его Превосходительству, г. Начальнику Области, и доложить обо всемъ.

— Еще больше и убѣдительнѣй будетъ телеграмма, если вы подпишетесь, Ваше Превосходительство, -- сказалъ на все Родзевичъ.

Дѣйствительно мои предположенія оправдались. Избранные отъ схода явились именно съ такимъ отвѣтомъ, котораго я и ждалъ.

— Сходъ на всѣ предложенія Вашего Превосходительства согласенъ, не согласенъ онъ только пускать ветеринаровъ, чтобы они не заразили скотъ. Тѣхъ же коровъ, что охраняютъ у ямы, пусть казаки зарѣжутъ и съѣдятъ.

Такой отвѣтъ я предчувствовалъ; поэтому уже и отвѣтъ былъ готовъ за-ранѣе.

— Хорошо, старики!

Со мною пріѣхалъ врачъ Гороховецъ. Всѣ станицы сознаютъ его слово и слушаютъ. Онъ пріѣхалъ со мною изъ Екатеринодара, слѣдовательно заразы на немъ никакой нѣтъ.

Обѣзжать юртъ вашей станицы онъ одинъ не въ силахъ, а потому я вызову новыхъ врачей, пусть они обѣзжаютъ вашъ юртъ съ 2-мя стариками и полицейскимъ офицеромъ. Если найдутъ все въ порядкѣ, пусть доложатъ мнѣ.

Пойдите и скажите вашему сходу. Если сходъ все сказанное мною признаетъ правильнымъ, то я остаюсь и пробуду 5 дней, если же нѣтъ, то я сегодня же вечеромъ уѣзжаю.

Ждать пришлось не долго. Пришли эти 12 стариковъ и доложили мнѣ, что всѣ мои распоряженія они признаютъ справедливыми, и всѣ будутъ исполнять таковыя.

На другой день въ присутствіи ветеринаровъ, приглашенныхъ изъ другихъ станицъ, съ завѣдомо здоровымъ скотомъ, полицейскихъ чиновъ былъ произведенъ объѣздъ; а вечеромъ они составили актъ объѣзда. Въ этотъ же самый вечеръ я пригласилъ Черника, давъ ему инструкцію продолжать объѣздъ и осмотръ на слѣдующій день, а на послѣ-завтра ѣхать съ донесеніемъ къ Начальнику Области. Слѣдующій день также прошелъ вполне спокойно. Опись и перепись продолжались своимъ порядкомъ.

Окончивъ съ этимъ, давъ необходимыя наставленія я отправилъ Черника къ генералу Леонову, добавляя передать наказному атаману, все, что видѣлъ и слышалъ, и что о бунтѣ, или неповиновеніи, нѣтъ и рѣчи.

Черникъ по дорогѣ встрѣтился съ Начальникомъ Области, по всей вѣроятности тотъ ѣхалъ въ станицу Джираліевскую.

Встрѣтившись въ ст. Поповической и рассказавъ все подробно, Черникъ возвращался обратно съ Леоновымъ.

— Развѣ генералъ Венеровскій не получалъ моей телеграммы, посланной ему, разспрашивалъ Леоновъ.

Телеграммы никакой не было.

Въ ст. Роговской Леоновъ встрѣтился съ Родзевичемъ. Здѣсь тѣ же разспросы относительно телеграммы и удивленіе о неполученіи ея. Экстренно былъ посланъ казакъ съ приказаніемъ явиться къ Начальнику Области.

Изъ Джираліевской станицы я выѣхалъ въ тотъ же вечеръ и прибылъ въ Роговскую около 10 часовъ. Здѣсь у Наказнаго Атамана я встрѣтилъ тѣ же знакомыя фізіономіи, ветеринаровъ, Гороховца, Родзевича и атамана станицы. Разговоръ оборвался на срединѣ, что смертность значительно понизилась.

Я представился Леонову, и выразилъ ему удивленіе какимъ образомъ онъ очутился здѣсь.

— Развѣ вамъ, Ваше Превосходительство, телеграфировалъ атаманъ отдѣла и просилъ пріѣхать сюда!

— А мою телеграмму получили — спросилъ Леоновъ.

— Получилъ! Поѣхалъ въ ст. Джираліевскую, оказалось возмутительное дѣло! — и рассказалъ о двухъ, будто бы зачумленныхъ коровахъ, живыхъ уже 9-ый день, о подозрительныхъ дворахъ. Была назначена комиссія и по осмотру комиссіи скотъ по болѣзни признанъ благополучнымъ.

Всѣ эти обстоятельства побудили Джираліевцевъ оказать неповиновеніе — разогнать скотъ по своимъ участкамъ.

Атаманъ отдѣла усмотрѣлъ въ этомъ преступное дѣйствіе и въ превратномъ свѣтѣ обо всемъ донесъ Вашему Превосходительству. Съ своей стороны я не только бунта, но даже и преступнаго дѣйствія не вижу, неповиновеніе было вынужденное!

— Я еще разъ повторяю, что не бунта, но и неповиновенія не было, напрасно вы сюда пріѣхали.

— Такъ вы совѣтуете мнѣ уѣхать обратно!

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, это ужь будетъ неудобно! Быть въ 8-и верстахъ отъ станицы и не видѣть ея это неудобно.

— Ну, такъ какъ же!

— Нужно ѣхать, но только безъ казаковъ, которыхъ Родзевичъ собралъ цѣлыхъ 4 сотни!

— Вотъ что, вотъ какъ мы рѣшимъ дѣло!

Поѣзжайте вы въ Джираліевскую ст., а завтра утромъ пріѣзжайте ко мнѣ.

Я уѣхалъ, попросивъ только взять съ собою Гороховца, для окончательнаго осмотра скота, который все еще былъ не весь осмотрѣнъ.

Утромъ я и Гороховецъ вернулись въ Роговскую. Гороховецъ пробылъ не долго, а я остался.

Останьтесь Стефанъ Александровичъ, мы поговоримъ и побесѣдуемъ съ вами, говоритъ Леоновъ.

Я остался и рассказалъ, какая исторія приключилась въ станицѣ Роговской.

Въ этотъ же день мы поѣхали осматривать скотъ, раздѣленный на 6, вѣрнѣе 5 стадъ, такъ какъ 6-ое уже разобрали.

— Вы знаете, здѣсь, хозяева, чуть-чуть не побили Черкасова!

— Какъ такъ!

Скотъ, пробывшій условленный карантинъ 21 день, считали свободнымъ, и врачи-ветеринары разрѣшали хозяевамъ брать его на поля. Давались записки соотвѣтствующаго содержанія*).

Хозяева, получивъ такія записки, быстро разбирали скотину для отвода на свои участки. Только на бѣду пріѣхалъ Черкасовъ. Узнавъ о запискахъ онъ запретилъ ихъ.

Народъ узнавъ объ этомъ, собрался къ нему на квартиру, было приблизительно челоуѣкъ 20 казаковъ и женщинъ.

Сначала начинаютъ его бранить, тогда онъ пишетъ форменное увѣдомленіе атаману отдѣла.

Толпа казаковъ и женщинъ нанесла ему жестокое словесное оскорбленіе, прошу ихъ вразумить и не поступать такъ нагло. Вынеся эту бумагу онъ сказалъ: несите ее атаману отдѣла, онъ вамъ разрѣшитъ. Самъ же побѣжалъ въ станичное правленіе, сѣлъ на тройку и укатилъ ко мнѣ, въ Джираліевскую станицу. Здѣсь явившись ко мнѣ просилъ защиты отъ нападенія на него жителей.

— Хорошо, — сказалъ я ему, — счастливъ вашъ Богъ, докторъ, а то бы они и побили и поколотили васъ хорошо. Такъ поступать нельзя, врачи, ближе стоящіе къ народу, разрѣшили брать скотъ, а вы запретили. Это не хорошо! Такое противорѣчіе могло довести до всеобщаго неповиновенія.

Все это я рассказывалъ Леонову, показывая стада ст. Роговской.

*) Караульному уряднику стада № 5. Окончившее карантинъ животное (имя и фамилія владѣльца) прописано сколько штукъ воловъ, коровъ, телятъ, свободны. Внизу подпись дежурнаго ветеринара.

Незамѣтно подѣхали къ мѣсту убоя скота. Мѣсто убоя было отдѣлено и огорожено. При насъ убили 18 штукъ. Убой производился очень просто. Къ ямѣ подводили больное животное, ударъ кинжаломъ въ голову, между роговъ, а то и два, и дѣло готово, животное прямо падало въ яму.

Непріятное зрѣлище.

Для памяти должно быть будущимъ потомкамъ былъ врытъ столбъ и на немъ маленькая дощечка съ надписью: „бойница зачумленного скота станицы Роговской, Кубанской Области“.

Между нами было рѣшено, что на слѣдующій день Леоновъ пріѣдетъ въ Джираліевскую станицу. Было воскресенье, весь народъ былъ въ церкви.

Во время обѣдни пріѣхалъ Начальникъ Области въ сопровожденіи 4-хъ сотенъ казаковъ. Еще во время службы, жителей предупредили, что пріѣхалъ Наказный Атаманъ, и что онъ проситъ всѣхъ собраться въ церковной оградѣ, гдѣ онъ будетъ говорить.

По окончаніи Божественной службы вышелъ Леоновъ и обратился къ собравшейся толпѣ женщинъ и мужчинъ.

— Вы меня своимъ неисполненіемъ распоряженій начальства заставили сюда пріѣхать! Вы же хорошо знаете, что всякое неисполненіе приказаній влечетъ за собою отвѣтственность.

Напрасно только онъ это говорилъ, и вообще напрасно онъ пріѣзжалъ, дѣло было кончено, но тутъ благодаря случайнымъ обстоятельствамъ дѣло приняло плохой характеръ.

— Изъ толпы отвѣтили нѣсколько стариковъ.

— Мы всегда исполняемъ распоряженія начальства, что же касается распоряженія врачей убивать здоровый скотъ, то мы это не признаемъ за неповиновеніе! Что мы не приступили къ оцѣнкѣ коровъ, которыхъ отдали казакамъ, то находили это лишнимъ и собрать весь скотъ для этой надобности мы тоже не согласны!

Эти слова подѣйствовали на толпу, какъ масло на огонь, еще больше усложнило дѣло. Изъ толпы стали кричать бабы.

— Вы съ казаками, что хотите, то и дѣлайте, они на службѣ, а хозяйство приобрѣли мы, мы плодили скотъ, мы его продавали, мы сыновъ своихъ снаряжали на службу, мы не допустимъ, чтобы нашъ скотъ собирали на толоку и убивали, какъ убивали въ Роговской по 150 штукъ въ день, у насъ нѣтъ чумы!!

Наказный Атаманъ истощилъ всѣ свои доводы и убѣжденія, чтобы убѣдить толпу.

Въ это время началъ къ толпѣ говорить и главный ветеринарный врачъ Черкасовъ. Это было уже совсѣмъ неблагоприятно. Леоновъ шепнулъ мнѣ, что слѣдуетъ убрать Черкасова.

Безъ всякихъ околичностей подхожу къ Черкасову и говорю, виноваты въ этомъ больше всего вы, врачи, вы довели все это до такихъ послѣдствій, прошу васъ удалиться отсюда!!

— Всѣмъ этимъ Леоновъ былъ разстроенъ въ высшей степени, слезы капали у него изъ глазъ, — „я самъ природный казакъ, и казакамъ никогда не желаю ничего худого или плохого“, говорилъ онъ, обращаясь къ окружающимъ.

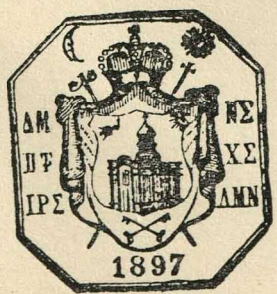
+ *Δὲν ἐστὶν ἡμεῖς οὐδὲν ἄλλο ἢ ἡμεῖς*

Ἰρ. 162.

Ἰὼ Μερσίους Ἰμὸν μὴ εἰ ἀπὸ ἀπὸ μὴ ἔ
 μὴ εὐδέναι μὴ μὴ τοῦ ὕψους-ἐξουσίας, ὑπὸ. ἡ εἰ-
 γάρου Ἀνδρόβου βένερον, Ἰουδαίου, ἔρῳ
 ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ ἴσῳ, τοὶ ὑπὲρ τοῦ παλαίου τῶου ἔρῳ
 καὶ Ἰμὸν Ἀνδρόβου ἐνδεσμοὶ ἀμείνονες, ἐνδεσμοὶ
 αὐτοῦ καὶ μὴ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ ἔρῳ μὴ μὴ τοῦ
 τῶου ἔρῳ τοῦ Ἰουδαίου ἔρῳ τοῦ ὑπὲρ αὐτοῦ ἔρῳ
 ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ, οἱ καὶ Ἰμὸν
 ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ τοῦ παλαίου
 τῶου ἔρῳ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ
 καὶ Ἰμὸν ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ.

Ἰὼ μὴ μὴ τοῦ ἔρῳ αὐτοῦ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ
 αὐτοῦ ὕψους-ἐξουσίας, ὑπὸ. ἡ εἰ-
 γάρου Ἀνδρόβου βένερον, Ἰουδαίου, τοῦ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ
 ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ ἐνδεσμοὶ αὐτοῦ.

Ἰὼ ἡ ἁγία ἁγία ἁγία. Ἰὼ. Ἰὼ. Ἰὼ.

+ *Ἰὼ ἡ ἁγία ἁγία ἁγία*

— Напрасно.

Всѣ доводы не могли убѣдить толпы. Кто то даже крикнулъ изъ толпы, „а развѣ убивать скотъ дѣло хорошее“!

Увидѣвъ все это, я понялъ, что толпу не проймешь никакими увѣреніями и убѣжденіями, мнѣ стало жалко Георгія Алексѣевича (Леонова), что онъ напрасно силится доказать и убѣдить толпу и только понапрасну теряетъ время.

— Подойдя къ нему я пригласилъ его къ себѣ. У меня на квартирѣ былъ сервированъ чай, на которомъ присутствовали всѣ вышеупомянутыя лица, Родзевичъ, главный ветеринаръ, Гороховецъ и др. Въ комнатѣ, когда мы остались одни, Георгій Алексѣевичъ сталъ спрашивать меня, что ему дѣлать.

Я сознаю себя виновнымъ, что не дождался вашей телеграммы и пріѣхалъ сюда! Но что же теперь дѣлать! Вы видѣли эту толпу, что же съ ней теперь дѣлать!

Что я могу вамъ посовѣтовать, Георгій Александровичъ, этого сказать не сумѣю! Одно только я могу сказать!

— Нервы мои разстроены, я чувствую себя больнымъ, я хочу отсюда уѣхать, я долженъ серьезно лѣчиться въ Пятигорскѣ!

— Попрошу васъ объ одномъ, Ваше Превосходительство, говорилъ мнѣ Леоновъ, поговорите съ Джираліевцами, уясните имъ какая ихъ ждетъ отвѣтственность.

— Все что я могу сказать, я скажу, но я сегодня же уѣду отсюда.

— Я самъ сегодня же ѣду въ Екатеринодаръ, и глубоко сожалью, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ. Васъ же, Стефанъ Александровичъ, прошу послѣ заѣхать въ Екатеринодаръ ко мнѣ, рассказать о вашей бесѣдѣ съ Джираліевцами и о томъ впечатлѣніи и результатахъ, какіе у васъ получатся и останутся!...

Въ этотъ же день Леоновъ уѣхалъ.

Въ этотъ же самый день я заставилъ собраться 2-й сходъ. Ко мнѣ явились выборные отъ схода.

— Ваше Превосходительство, мы сознаемъ оскорбленіе, нанесенное Наказному Атаману большинствомъ женщинъ! Къ намъ прежде пріѣзжалъ атаманъ отдѣла съ такимъ же количествомъ конныхъ, вынуждая насъ собрать со степи скотъ, говоря что онъ это дѣлаетъ въ силу циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ! Но что же станица Роговская, на примѣръ! Тамъ собрали стада и скота побито больше 2000 головъ! Да и не правильно, что Наказный Атаманъ приказалъ собраться въ церковной оградѣ, то не сходъ былъ, а были всѣ, въ томъ числѣ женщины, которыя подстрекали говорить противъ. Намъ стыдно и прискорбно, что Начальникъ Области уѣхалъ отъ насъ съ негодованіемъ!!

— Ну, вотъ видите, вы сами признаете оскорбленіе. Пойдите къ сходу и предложите сходу избрать 4-хъ стариковъ, чтобы они составили приговоръ съ извиненіемъ отъ схода женщинъ и другихъ поѣхать къ Наказному Атаману.

Черезъ $\frac{1}{4}$ часа старики возвратились.

Сходъ не согласился послать 4-хъ стариковъ къ Начальнику Области, онъ потребуетъ отъ насъ собрать скотъ съ полей, а вы сами признали, что провѣрять можно и на степяхъ.

— Да, врядъ-ли согласится Наказный Атаманъ отмѣнить свое постановленіе и рѣшеніе, сказалъ я.—Вы можете поѣхать и просить Начальника Области отмѣнить свое рѣшеніе, я думаю, что просьба ваша будетъ уважена.

— Мы приговоръ составили и пошлемъ Наказному Атаману, а стариковъ сходъ посылать не желаетъ. Больше разговаривать не приходилось, все было исчерпано. Я приказалъ запречь экипажъ и въ 5 часовъ уѣхалъ.

Ночевалъ я въ женскомъ монастырѣ Маріи Магдалины, отъ станицы Роговской въ верстахъ 8, тамъ же слушалъ и божественную службу, переночевавъ, отправился въ Екатеринодаръ.

Явившись къ Леонову передалъ все подробно о Джираліевцахъ. Выслушавъ меня подробно онъ сказалъ, да, я виноватъ, что не дождался вашей телеграммы, она была задержана въ ст. Брюховецкой, а въ Джираліевскую станицу полагаю послать резервный батальонъ изъ Екатеринодара.

Да, сказалъ я, другого исхода быть не можетъ. Виноватъ во всемъ этомъ дѣлѣ атаманъ отдѣла Ротзевичъ, ему вы придали больше значенія чѣмъ мнѣ. Я думаю даже, что моя телеграмма задержана по его приказанію, хотя вы и посадили станичнаго атамана подъ арестъ за задержку, тѣмъ не менѣе, Ротзевичъ телеграфировалъ вамъ противное и онъ одинъ виновникъ всего происшедшаго; завтра же я выѣзжаю въ Пятигорскъ! Здѣсь же больше я жить не могу!...

Дружно мы расстались съ Леоновымъ, провожая меня онъ желалъ всего хорошаго,—желаю вамъ всего хорошаго, и выздоровленія, а Ротзевича, Богъ ему судья!!

Спустя полмѣсяца я услышалъ еще новыя свѣдѣнія о эпизоотіи. Чума разразилась въ Майкопѣ, были волненія. Были вызваны войска; за неповиновеніе, было убито и ранено больше 30 человекъ. Многіе мои знакомые говоря объ этомъ добавляли, да, если-бы вы тамъ были, многоуважаемый Стефанъ Александровичъ, этого бы не произошло.

— Я же въ раздумьѣ проговорилъ.—Кто знаетъ, можетъ быть убили бы еще больше!!!

ГЛАВА XV.

Поѣздка въ Петербургъ.

На Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, а главнымъ образомъ въ Пятигорскѣ я пробылъ 2¹/₂ мѣсяца. За это время я поправилъ свое здоровье и укрѣпилъ свои разстроенные нервы.

Еще гораздо раньше я задумалъ поѣхать въ Іерусалимъ и по Святымъ мѣстамъ, теперь я рѣшилъ исполнить данное мною обѣщаніе.

Съ этой цѣлью я рѣшилъ отправиться въ Тифлисъ къ князю Голицыну, просить заграничный паспортъ. Голицынъ былъ въ это время (1898 г.) главнокомандующимъ на Кавказѣ.

— Хорошее дѣло, затѣяли вы, генераль, говорилъ князь Голицынъ, принимая меня, но такой продолжительный отпускъ, на 4-е мѣсяца, я вамъ предоставить не могу, на 28 дней могу, но не больше, — я не имѣю на это права!...

— Благодарю васъ, Ваше Высокопревосходительство, за такой срокъ, но я долженъ подать въ отставку, чтобы получить продолжительный отпускъ!..

— Хорошо вы дѣлаете!

На этомъ окончилась моя аудіенція. Оставивъ прошеніе, я самъ поѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ я представился военному министру Куропаткину. Его очень удивило мое прошеніе объ отставкѣ.

— Какъ, вы генераль, подали въ отставку?

— Такъ точно, Ваше Высокопревосходительство!..

— Какія же причины заставляютъ васъ покидать службу? Вѣдь состоя при войскахъ Кавказской арміи вы получаете содержаніе?

Мнѣ доложили, что по выходѣ въ отставку вы и пенсію и эмеритуру будете получать меньше, чѣмъ состоя при арміи, на половину?!

— Я, уже давно задумалъ исполнить обѣщаніе, данное мною много лѣтъ тому назадъ. Я рѣшилъ побывать въ Іерусалимѣ, поклониться Гробу Господню! Я просилъ главнокомандующаго на Кавказѣ, онъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ, но безъ содержанія! Взвѣсивъ все, я рѣшилъ подать въ отставку и побывать на Святыхъ мѣстахъ, пробыть тамъ мѣсяцевъ 5—6.

Позднѣе я представлялся Государю Императору, въ Зимнемъ дворцѣ.

Государь на этотъ разъ принималъ всѣхъ представлявшихся въ кабинетѣ.

Безъ волненія я не могу вспомнить этихъ достопамятныхъ для меня минутъ.

Государь принялъ меня 3-мъ, до меня представлялись генералы, старшіе по производству. До сихъ поръ я помню всю эту обстановку, какъ живу, представляю обожаемаго Монарха, Его задушевный, пріятный голосъ, Его привѣтливое лицо. Какъ сейчасъ вспоминаю слова, которыми меня встрѣтилъ Обожаемый Государь, соблаговолившій спросить меня по какому случаю я прибылъ въ Петербургъ? — На этотъ милостивый вопросъ я имѣлъ счастье отвѣтить.

— Я подалъ въ отставку и потому представляюсь Вашему Величеству и благодарю Васъ Государь за оказанныя милости, когда я состоялъ на службѣ! Я далъ обѣщаніе побывать въ Іерусалимѣ и помолиться у Гроба Господня и просить у всемилостивѣйшаго Творца русскому народу наслѣдника престола, а Вашему Величеству, сына. Въ этотъ моментъ Государь вторично подалъ мнѣ руку. Въ волненіи я прослезился, съ благоговѣйнымъ восторгомъ цѣлуя руку Государя! Въ глазахъ Государя я увидѣлъ слезы; какой восторгъ, этого момента я никогда не забуду, это былъ самый счастливѣйшій моментъ всей моей жизни.

На прощаніи Государь трогательно изволилъ выразить пожеланіе мнѣ, благополучно желаю Вамъ съѣздить. Этими милостивыми словами закончился пріемъ у Государя.

Представлялся я также и Великому Князю Михаилу Николаевичу.

Пріемъ Его меня немного озадачилъ. — Его Императорское Высочество увидавъ меня, сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ меня.

Прошла небольшая пауза; затѣмъ Великій Князь спросилъ меня, почему я не поѣхалъ въ Майкопъ, высказавъ при этомъ предположеніе, что я видно струсилъ.

Тутъ многое и все стало для меня понятно.

Ваше Высочество, не въ мои лѣта дѣлать отступленіе!!

Разстроенное здоровье и разшатанные нервы заставили меня ѣхать отъ разрывшейся страшной гостыи Кавказа, чумы!

Затѣмъ Великому Князю угодно было высказать, что я не допустилъ бы происшедшихъ тамъ безпорядковъ и что теперь это все падаетъ на меня.

— Боже, слава Богу, что мнѣ не пришлось быть тамъ въ это время, при мнѣ они могли бы быть еще больше!

Ваше Императорское Высочество! При Васъ населялся городъ Майкопъ. Люди были изъ разныхъ мѣстъ, были изъ Россіи, изъ разныхъ губерній, были даже изъ Сибири. Назадъ тому 5 лѣтъ было избіеніе народнымъ самосудомъ, 3 конокрадовъ убили на смерть, а 5, прожившихъ 2—3 дня, заставили войско употребить и пустить въ ходъ оружіе!“

Это напоминаніе и мое объясненіе произвели хорошее впечатлѣніе.

Голосъ Великаго Князя смягчился и онъ уже сталъ спрашивать, что творится на Кубани.

Я сталъ рассказывать, что для провѣрки областного правленія была послана комиссія; что либо въ защиту, или противъ сказать не могу, „а скажу только одно“ „въ каждомъ архивѣ найдется пыль!“

Подавая руку и совсѣмъ смягчившись Великій Князь Михаилъ Николаевичъ вновь сказалъ, что при мнѣ все же не было бы въ Майкопѣ безпорядковъ! Затѣмъ начался разговоръ о предстоящемъ моемъ путешествіи.

Я рассказывалъ о цѣли поѣздки, о моихъ намѣреніяхъ, между прочимъ говорилъ, что за Его Высочество Великаго Князя вознесу молитвы предъ престоломъ Всевышняго Творца.

Будучи уже въ Палестинѣ я послалъ Великому Князю телеграмму и отвѣтъ на нее.

Подлинники этихъ телеграммъ хранятся у меня въ семейныхъ бумагахъ. С.-Петербургъ.

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу.

Отъ гроба Христожизнедавца шлю Вашему Императорскому Высочеству радостное привѣтствіе „Христось Воскресе“ и молюсь Воскресшему о здоровіи и о спасеніи Вашемъ, Царя Батюшки и всего Царствующаго Дома!

Изливаю Вѣрноподданническія чувства Престолу и Отечеству и Вашему Императорскому Высочеству старый казакъ Генераль отъ Кавалеріи Венеровскій.

Въ отвѣтъ на свою поздравительную телеграмму получилъ слѣдующій отвѣтъ. Римъ, 9/22 апрѣля 1900 года.

Воистину Воскресе!

Сердечно благодарный поздравляю.

(подписалъ) Михаилъ.

Черезъ пять дней послѣ представленія Государю я былъ произведенъ въ Генералы отъ Кавалеріи. По этому поводу вторично представлялся военному министру, гдѣ говорили о моемъ представленіи Государю и о привѣтственныхъ словахъ Государя. По производствѣ меня въ полные генералы, меня пришли поздравлять всѣ офицеры конвоя Его Величества. Во главѣ офицеровъ былъ старикъ полковникъ Кулебякинъ, имѣвшій всѣ степени Георгіевскаго Креста, серебряныя и золотыя, а также и офицерскій крестъ 4-ой степени.

Войдя ко мнѣ онъ такъ привѣтствовалъ:

— Ваше Высокопревосходительство! Вы природный казакъ, родились въ бывшемъ Линейномъ казачьемъ войскѣ и служили въ немъ до чина штабъ-офицера до преобразованія Терскаго и Кубанскаго войска, командуя вновь заселеннымъ вами полкомъ, который отошелъ къ Кубанскому войску.

Ваша служба не умереть ни въ Терскомъ, ни въ Кубанскомъ войскѣ, среди казаковъ вы первый полный генераль!...

Сердечно я благодарилъ всѣхъ пришедшихъ меня поздравить съ монаршею милостью, но только времени у меня было, и я долженъ былъ съ сожалѣніемъ распрощаться съ своими любезными гостями, предварительно пригласивши ихъ на вечерній чай.

Въ тотъ день было очень много всякихъ хлопотъ и заботъ, нужно было побывать у Ванновскаго, бывшего военного министра, въ главномъ казачьемъ управленіи, канцеляріи Военнаго Министерства и другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Закончивъ всѣ свои дѣла въ Петербургѣ я понемногу сталъ собираться къ поѣздкѣ въ Палестину.

ГЛАВА XVI.

Путешествіе по Святымъ мѣстамъ.

Въ Одессу я послалъ узнать въ главную контору Русскаго Общества пароходства и торговли, когда отходятъ пароходы въ Константинополь и въ Яффу—гавань Іерусалима. Въ скоромъ времени я узналъ все, что мнѣ было нужно.

Дома у себя, въ ст. Уманской, гдѣ я проживаю и теперь, я сталъ дѣятельно собираться. О моемъ путешествіи узнали многіе мои сослуживцы; со мною пожелали ѣхать урядникъ Передовой станицы, Жигайловъ, Сторожевой ст., Лесовой, а также и изъ ст. Исправной, Зеленчукской, Карданикской, Удобной и Спокойной.

Это были все станицы, жителей которыхъ я поселилъ въ горахъ въ 1858—1859 гг., казаки этихъ станицъ участвовали со мною не разъ въ бояхъ противъ горцевъ.

Были также желающіе и изъ Терской Области, урядникъ ст. Луковской, Сомовъ и Павлодольской, казакъ Скобельцинъ.

Многіе окрестные жители ст. Уманской приходили ко мнѣ, спрашивали о цѣли путешествія, давали порученія.

Случился передъ самымъ отъѣздомъ и курьезъ.

Пришла ко мнѣ какая то баба. Я былъ занятъ, мнѣ было не до разговоровъ, а потому человѣку я велѣлъ спросить, что ей нужно.

Старуха же по его словамъ желала меня видѣть лично. Ну лично, дѣло другое, значить, что нибудь важное! Пусть войдетъ старуха, только пусть вытретъ ноги. Въ Уманской въ это время стояла невылазная грязь. Кто жилъ по Кавказскимъ станицамъ, въ особенности осенью и раннею весною, тому будетъ понятно, что такое грязь. Вотъ здѣсь то вполнѣ примѣнима руссiйская пословица „вымазался въ грязи по самыя уши“! Да, правду сказать, въ Россіи не мало найдется мѣстъ, которыя пожалуй будутъ похуже Уманской станицы, а въ ней есть и слѣдователь, два клуба и достаточное количество интеллигенціи.

Итакъ о старухѣ.

— Бабка, генералъ тебѣ сказалъ, вытерѣть сапоги, а тогда пойдемъ въ комнаты, говорилъ мой человѣкъ.

— Та, спасибо тоби, я скину чоботы.

Старуха приходитъ ко мнѣ въ кабинетъ.

Эй, баба, что тебѣ нужно! Я занятъ, говори скорѣе!

— И панычко, простить мине, я чула, шо ви збирались поѣхать до гробу Господнія!

— Поѣду, если Богъ благословитъ, исполнить мое предпріятіе.

— Панычко, развязываетъ платочекъ и даетъ мнѣ 10 рублей, подайте за мене гришну!

Какъ твое имя, спрашиваю ее я!

— Прасковья Боса.

Ты босикомъ пришла ко мнѣ въ комнату...

— Ни, ни, я разулась, а мое званіе Боса!

Ну, а еще что записать!

— Ни, панычекъ, гроши подайте, а Богъ и такъ почуетъ шо Прасковья посылаетъ...

— Запиши родныхъ, ну вотъ, Прасковья, мужъ померъ, какъ звать его!

— Чи Филиппъ, чи Ѳедоръ! Забула, давно уже померъ, ну да все равно, царство ему, пусть царствуетъ!

Списавшись и узнавши обо всемъ я рѣшилъ ѣхать.

Приѣхалъ въ Одессу, здѣсь же со мной былъ и Жигайловъ. Онъ за всѣмъ смотрѣлъ и слѣдилъ, онъ и сказалъ, что всѣхъ сослуживцевъ собралось до 50 человекъ. Для меня онъ нашелъ номеръ въ Андреевскомъ скитѣ, гдѣ я долженъ былъ пробыть дня два до отправленія парохода. Предстояло еще много работы, нужно было получить заграничный паспортъ; а это было не легко, даже и для генерала.

Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ мнѣ сказали, что эту процедуру придется тянуть дней 5. Вотъ тебѣ и разъ!

Нечего дѣлать, пришлось идти къ градоначальнику. Въ приѣмной градоначальника меня встрѣтилъ чиновникъ. На вопросъ могу ли я видѣть градоначальника сказалъ, что часа черезъ полтора.

Дѣло усложняется.

Вынулъ свою карточку и говорю, что мнѣ нужно получить заграничный паспортъ, пароходъ же отходить завтра.

Это помогло. Чиновникъ поговорилъ по телефону. Увидѣвъ моего урядника въ крестахъ, и говоритъ, пошлите Ваше Превосходительство вашего ординарца вмѣстѣ съ билетомъ, ему тамъ и выдадутъ.

Но все же зная, какъ все дѣлается долго и медленно, я поѣхалъ самъ въ канцелярію. Меня еще разъ любезно попросили не беспокоиться, сказали, что все моментально сдѣлаютъ. Всѣхъ билетовъ оказалось 9.

— Вамъ ихъ придется визировать у Турецкаго консула.

Жигайловъ остался и черезъ часъ, полтора, принесъ готовые заграничные паспорта; на каждомъ стояла турецкая виза и марка. Стоило это каждому по рублю.

До Одессы ѣхать было недурно, благодаря разспросамъ и совѣту. Только въ Харьковѣ пришлось прождать 13 часовъ, да и то хорошо. Случайно объ этомъ я узналъ отъ начальника станціи, симпатичнаго молодого человека, не скажи онъ, пришлось бы дѣлать лишнихъ двѣ пересадки, да ждать вдвое больше.

Въ свободное время я осмотрѣлъ Харьковъ и между прочимъ остановился въ монастырской гостинницѣ. Одно могу сказать, ничего болѣе безобразнаго и ан-

тисанитарнаго я нигдѣ не встрѣчалъ, хотя это и объяснилось въ послѣдствіи, гостинница была въ арендѣ у одного еврея; народъ въ высшей степени что нечистоплотный. Я этого такъ не оставилъ. Вернувшись на вокзалъ, и узнавъ, что начальникъ края въ городѣ, послалъ свою карточку губернатору, прося обратить вниманіе на такія безобразія!

Жаль, что мнѣ такъ и не удалось узнать о результатахъ, обращено ли вниманіе или нѣтъ!

Но я отклонился въ сторону, отъ главной темы, путешествія по Святымъ мѣстамъ.

До отхода парохода оставалось еще два дня. Нужно было сдѣлать послѣднія приготовленія.

Наступалъ Филипповскій постъ, поэтому я рѣшилъ устроить себѣ постный столъ. Еще въ Одессѣ купилъ маслинъ, грибовъ, капорцевъ, сардинокъ, рису, чечевицы и постнаго масла. Въ день отхода парохода пошелъ покупать билетъ; въ кассѣ, на пристани, мнѣ сказали цѣну, но цѣна была съ продовольствіемъ.

Поговоривши въ конторѣ я получилъ билетъ безъ продовольствія, на 65 рублей дешевле. Стоимость билета съ продовольствіемъ не дорого; это удобно, но въ тоже время общества преслѣдуютъ и свои выгоды; на Черномъ морѣ частенько бываютъ бури, а во время бури и сильной качки, я по собственному опыту, знаю ѣсть ничего не хочется, а именно въ это время и даютъ вамъ кушать...

Но вотъ свистокъ, сейчасъ отойдетъ пароходъ. На пристани и на палубахъ массы народа, машутъ платками, крестятся, кое-кто плачетъ; но въ общемъ фیزیономіи у всѣхъ довольныя, только лишь пугаетъ неизвѣстность морского путешествія. Все это паломники, поставившіе своею цѣлью поклониться Святымъ мѣстамъ.

Еще послѣдняя минута и пароходъ тихо отваливаетъ отъ берега. Повернулся носомъ впередъ, заработала въ трюмѣ машина и винтъ бурно разсѣкаетъ морскія волны. Ходъ все быстрѣй и быстрѣй.

Понемногу скрываются очертанія Одессы, становятся все меньше и меньше, вотъ уже это небольшая точка, еще минута и очертанія берега скрылись изъ глазъ.

Прощай Россія, прощай родина, мы остались во власти стихіи и Небеснаго Творца!

На пароходѣ я переговорилъ съ поваромъ возьмется ли онъ мнѣ стряпать постный обѣдъ или нѣтъ. Разговоры были небольшіе, на рублѣ мы согласились.

На пароходѣ мнѣ отвели каюту I-го класса, удобную, съ двумя кроватями.

Это мнѣ не понравилось и я рѣшилъ позвать номерного, но онъ меня успокоилъ, сказавъ, что ко мнѣ не только никого не пустятъ, но безъ моего позволенія никто и не войдетъ.

Это хорошо!

Пока отъ нечего дѣлать я занялся осмотромъ каюты. Кюта небольшая, но удобная, привлекло мое вниманіе наставленіе, повѣшенное на стѣнѣ. Это предупрежденіе, что дѣлать во время крушенія. Предупрежденіе не изъ пріятныхъ! Цѣлый день и до часовъ 11—12 ночи ѣхать было хорошо, а потомъ началась качка, поднялся вѣтеръ.

Переводъ.

№ 162.

Милость наша, оцѣнивая добродѣтель и благоучастіе Его Высокопревосходительства генерала-отъ-кавалеріи Стефана Александровича Венеровскаго, а равно вознаираждая горячую ревность его къ Святому гробу Господню и къ нашей Святой Церкви даровали ему въ бытность его во Святомъ Градѣ, подлинную частицу у Честнаго Животворнаго Древа Креста Спаса нашего Іисуса Христа, хранимую въ золотомъ крестѣ съ прахомъ ношенія на гроби, по нашему благословенію, какъ Крестоносецъ Святаго Гроба Господня, во освященіе, заступленіе и покровительство отъ всякаго несчастья.

Въ удостовѣреніе и подтвержденіе сего дается Его Высокопревосходительству генералу-отъ-кавалеріи Стефану Александровичу Венеровскому настоящая грамота за нашими Патриаршими подписомъ и приложеніемъ печати.

Святой Градъ Іерусалимъ, 1900 года, Іюня 16 дня.

Въ общемъ ночь провели ничего, благополучно.

Проснулся въ 8 часовъ, напился кофе.

Какъ погода? Качка и вѣтеръ усиливаются. Вышелъ на палубу. Дуетъ пронзительный, холодный вѣтеръ, пронизывающій до костей.

Полъ все время уходитъ изъ подъ ногъ, все время качаетъ.

Рѣшилъ сойти опять въ каюту. Раздѣлся и легъ.

Пришелъ номерной, посоветовалъ лечь на другую кровать, „качать, Ваше Высокопревосходительство, меньше будетъ, зыбь не такая сильная“. Спросилъ его между прочимъ и о питѣ, какое лучшее.

— Чай съ лимономъ, это самое лучшее, и лежать на спинѣ!

Къ вечеру вѣтеръ еще больше усилился. Глухо слышались завыванія вѣтра и глухой шумъ волнъ. Фантазія въ это время работаетъ чрезвычайно, все чудятся всякія ужасы.

Пришелъ Жигайловъ, сказалъ, что половина пассажировъ лежитъ и тяжело страдаютъ морскою болѣзью. Хуже всѣхъ пришлось Скобельцину, онъ все время почти лежалъ безъ чувствъ.

Номерной, зная, что онъ прислуживаетъ мнѣ, давалъ ему чаю съ лимономъ, но онъ и этого не могъ выпить. Къ вечеру второго дня вѣтеръ сталъ стихать и качка стала значительно легче. Вздохнулось свободнѣе. Я сталъ чувствовать себя столь хорошо, что даже съ помощью корридорнаго вышелъ на палубу.

Здѣсь встрѣтилъ Жигайлова.

Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Ну, что, ты какъ!

— Благодаря Господа Бога я не чувствую болѣзни и качки парохода. Жена лежитъ безъ чувствъ, также и другія женщины! Мужчины почти въ такомъ же состояніи.

Подъ самымъ Константинополемъ вѣтеръ совсѣмъ утихъ. Пароходъ и пассажиры приняли приличный видъ, какъ будто не было бури, когда пароходъ, стоя, какъ живой, наклонялся то на одинъ, то на другой бокъ.

Въ Константинополѣ пароходъ стоялъ довольно долго, — я рѣшилъ съѣздить и посмотрѣть городъ. Меня сопровождали Жигайловъ, Лесовой. Остановились мы въ подворьѣ Андреевскаго скита, Жигайловъ вернулся снова на пароходъ посмотрѣть жену, Скобельцина и др., я же остался въ монастырѣ. Монахи увѣряли, что все пройдетъ, и завтра, пожалуй, даже больные могутъ сойти на берегъ.

Переночевавши я просилъ одного изъ монаховъ быть моимъ проводникомъ и показать, что есть интереснаго въ городѣ. Со мной пошелъ іеромонахъ.

Цѣлый день мы осматривали православные храмы, ихъ здѣсь порядочно, а также мечеть Айа—Софія,—храмъ св. Софіи.

Мечеть—храмъ производитъ сильное впечатлѣніе и у человѣка видѣвшаго ее, впечатлѣніе остается на всю жизнь.

Передъ входомъ въ мечеть турки заставили насъ на сапоги надѣть туфли, безъ этого не пускаютъ.

Въ самомъ притворѣ сидѣлъ мулла и около него 20 женщинъ, внимательно

его слушающихъ, должно быть говорилъ поученіе. Дальше человѣкъ 200 дѣлало намазъ. Дальше еще и еще группы, и около каждой группы мулла.

Дойдя до середины храма я остановился и смотрѣлъ удивленный и пораженный.

Сверху лился свѣтъ, его было такъ много, такъ ясно, что пожалуй подъ открытымъ небомъ не было такъ много свѣта.

Весь храмъ въ чудныхъ сводахъ, аркахъ, такихъ тонкихъ и ажурныхъ! Казалось, что куполь и стѣны держатся въ воздухѣ, всѣ колонны и пилястры такіе тонкіе, что не могутъ выдержать тяжести сводовъ, вотъ, вотъ обрушится куполь!

Куполь и свѣтъ, лившійся сверху, поражалъ всякаго до безконечности. Рука не состояніи описать это чудо и величіе человѣческаго ума и генія.

Долго я стоялъ пораженный и удивленный чуднымъ великолѣпіемъ храма, а затѣмъ слезы невольно потекли изъ глазъ. Грустно и тяжело вспомнить, что эта христіанская святыня обращена въ турецкую мечеть...

По выходѣ изъ храма съ насъ сняли туфли и тутъ же турокъ протягиваетъ руки „бешкешъ“! — дайте на чай.

Нашъ іеромонахъ далъ 1 рубль, турокъ покачалъ головой, мало, добавилъ еще 50 коп.

— Васъ будутъ окружать турки и греки, не давайте имъ много на чай, а такъ, малость!

— Вотъ вамъ 25 рублей, смотрите сами, сказалъ я іеромонаху.

Побывалъ я также и въ другихъ церквяхъ, Болгарской, Греческой, Сербской, Арабской и др.

Больше же всего въ Константинополѣ турецкихъ мечетей. По бѣглому обзору и тѣхъ и другихъ можно сказать, что мечети содержатся несравненно чище и опрятнѣе христіанскихъ. Лавки Константинополя напоминаютъ наши кавказскія, только несравненно богаче и больше. Правда, есть хорошіе, даже великолѣпные иностранные магазины, но они на Галатѣ и на Перу (европейскія части города, живутъ тамъ преимущественно иностранцы).

Особенно меня поразили собаки. Ихъ цѣлыя своры, больше же всего попадались рыжіе и куцые. Говорятъ, что въ каждомъ кварталѣ свои собаки, въ чужіе же не заходятъ; если оцѣнится собака, хозяинъ обязанъ пріютить, убить собаку считается большимъ грѣхомъ. Въ Константинополѣ они исполняютъ обязанности санитаровъ, особенно же бросается въ глаза въ турецкихъ и греческихъ городахъ, что вся публика идетъ не по тротуарамъ, а по срединѣ улицы. Сначала это заинтересовало, а затѣмъ стало очень понятно. Всякій прохожій идя по тротуару рискуетъ быть облитъ помоями и нечистотами.

Привычка понятная безъ поясненій.

Исходивши цѣлый день къ вечеру вернулись въ монастырь. Здѣсь за вечерней трапезой іеромонахъ разсказалъ о страшной рѣзнѣ армянъ турками.

Читатели помнятъ, что больше 30 вооруженныхъ армянъ ворвались въ зданіе Стамбула и требовали отъ султана себѣ свободы. За такое дерзкое требованіе армяне были проучены. Потоки крови лились по всѣмъ городамъ и массы бѣглецовъ—армянъ спасались въ Россіи отъ ярости и мести турокъ.

Этимъ закончился нашъ бѣглый осмотръ Константинополя. Конечно онъ не

полонъ, но за такой короткій срокъ и осмотрѣть многого нельзя. Да и интересъ для меня онъ представлялъ въ другомъ отношеніи.

На другой день я уже былъ на пароходѣ. Здѣсь меня окружили русскіе паломники, выѣхавшіе изъ Одессы.

— Ваше Высокопревосходительство! Скажите, что бы не принимали пассажировъ, прибывшихъ изъ Старого Аѳона и изъ Севастополя!

— Я такой же пассажиръ, какъ и вы, и помочь не могу.

— Ваше Высокопревосходительство! Вы видѣли въ какомъ ужасномъ положеніи были люди отъ качки и вѣтра. Не было свободного мѣста перемѣститься на другое, все было загажено! Попросите капитана парохода, онъ сдѣлаетъ это для васъ, говорили мнѣ пассажиры, паломники.

Выслушавъ ихъ, я пошелъ въ каюту. Тамъ нашелъ Жигайлова, Скобельцина и другихъ казаковъ; Скобельцинъ былъ ужасно блѣденъ и истощенъ.

— Отчего же ты не вышелъ на берегъ?!

— Сегодня я пилъ чай съ хлѣбомъ, а за три прошлыхъ дня выпилъ только 2 стакана чая съ лимономъ и больше ничего, крошки во рту не было.

— Жигайловъ и ты Скобельцинъ, предупредите казаковъ и другой народъ, что я такой же грѣшный человѣкъ, какъ и они, пусть не зовутъ меня „Высокопревосходительствомъ“.

— А на просьбу, что я могу сказать! Ничего!

— На 200 человѣкъ болѣе лишнихъ посадили, рассказывалъ Жигайловъ, намъ еще въ Одессѣ матросы говорили, что и въ Одессѣ было лишніе. Этотъ пароходъ возилъ 500 человѣкъ, а теперь на немъ 1000!!

Отпустивъ Жигайлова и Скобельцина сталъ на молитву, а затѣмъ пошелъ къ капитану корабля. Капитанъ принялъ меня очень любезно, спрашивалъ доволенъ ли я путешествіемъ, столомъ. Я спрашивалъ его сколько намъ еще нужно ѣхать, какія города, что стоитъ посмотрѣть, на все капитанъ давалъ очень любезные отвѣты.

Теперь предстояло перейти къ очень щекотливому вопросу, относительно переполненія парохода пассажирами.

— Я, слыхалъ капитанъ, что вами принято лишнихъ на пароходъ 200 человѣкъ! Въ моемъ лицѣ пассажиры просятъ васъ, нельзя ли оставить здѣсь пассажировъ, человѣкъ 300 до слѣдующаго парохода. Вы сами видѣли какая ужасная давка и тѣснота была, когда ѣхали отъ Одессы. Не было ни одного свободного мѣста!

— Я этого сдѣлать не могу, это не въ моей власти, говорилъ капитанъ, разводя руками.

— Ну, тогда скажите имъ сами, они стоятъ на палубѣ и ждутъ моего возвращенія!

Скажите, что я просилъ васъ и вы готовы исполнить мою просьбу! Но только пусть сами пассажиры выдѣляютъ тѣхъ 300 человѣкъ, которые должны ждать слѣдующаго парохода! Я увѣренъ, ни одинъ не останется, а всѣ захотятъ ѣхать.

Капитанъ улыбнулся, находя мое предложеніе очень удачнымъ.

Послѣ онъ вышелъ и предложилъ пассажирамъ самимъ разобраться, кто желаетъ остаться въ Константинополь до слѣдующаго парохода. Какъ и слѣдовало ожидать никто не согласился.

Нужно немного знать психологію людей и умѣть дѣйствовать на нее.

Итакъ изъ паломниковъ никто не остался и всѣ поѣхали дальше.

— Изъ Константинополя съ нами ѣхалъ, возвращавшійся изъ Петербурга архимандритъ о. Александръ, начальникъ Русско-Палестинскаго Общества. Съ нимъ я познакомился въ каютъ-кампаніи; предварительно попросивши у него благословенія. Мы разговорились и познакомились.

Я предложилъ ему свой постный столъ, онъ съ благодарностью принялъ, это еще больше насъ сблизило.

Жизнь на пароходѣ однообразна. Публика встаетъ, пьетъ чай, выходитъ въ общую столовую, здѣсь бесѣдуютъ, затѣмъ выходитъ на палубу и все время смотритъ на море. Черное море очень красиво, оно имѣетъ массу оттѣнковъ, но, конечно, этому способствуетъ небо. Въ ясный солнечный день оно бирюзовоголубого цвѣта, волны лѣниво лижутъ борты нашего парохода, напоминаетъ что то нѣжное, ласкающееся, но вотъ набѣжала туча, одна другая, скрылось солнце и видъ моря другой.

Вмѣсто нѣжно-ласкающихся волнъ вы видите темные сѣдые валы, наскки-вающія одинъ на другой, слышится грозное урчанье. Это ревъ тигра, завидѣвшаго добычу. Вдругъ море сразу замерло, въ природѣ стало торжественно тихо. Тишина эта однако не предвѣщаетъ ничего хорошаго! Это затишье передъ бурей. Налетитъ шквалъ или ураганъ и море покажетъ себя. Сѣдые валы, злобно перекатываясь другъ черезъ друга, грозно режутъ, подкрадываясь къ пароходу. Море разверзаетъ свою пасть, готовясь поглотить дерзкихъ, осмѣлившихся пуститься въ плаваніе, но умѣнье человѣка преодолагаетъ стихіи; умѣнье рулевого и окрики капитана дѣлаютъ свое дѣло. Крѣпятъ, если надо паруса, или убираютъ, и пароходъ, ныряя въ разбушевавшихся волнахъ, продолжаетъ свое плаваніе, но бываютъ и ужасныя минуты, когда и умѣнье не помогаетъ. Человѣкъ и его изобрѣтенія дѣлаются игрушкой разбушевавшагося моря. Страшно тогда. Не даромъ существуетъ пословица „кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался“...

Послѣ обѣда кто идетъ спать, кто читаетъ, а кто пишетъ письма на родину.

Также и я сѣлъ писать письма. Тутъ же рядомъ сидѣлъ и о. Александръ.

Писалъ я своей старушкѣ, женѣ, описывая величіе и прелесть Софійскаго храма, обращеннаго Турками въ мечеть, мнѣ такъ грустно стало, печально, слезы закапали.

— О чемъ грустишь, старче, сказалъ архимандритъ, увидя мои слезы.

— Ты ѣдешь въ Іерусалимъ, нужно радоваться, а не грустить.

— Я и доволенъ и радъ, но мнѣ невольно грустно стало, вспоминая Софійскій храмъ, обращенный въ мечеть!

Бесѣда меня успокоила.

По дорогѣ попадались турецкіе приморскіе города, Салоники, Смирна, Трапезондъ и др., въ однихъ бывалъ, въ другихъ нѣтъ. Интереснаго особеннаго не представляли.

Послѣдняя ночь нашего плаванія была самая ужасная. Ревѣль ветеръ, море злобно бушевало, въ продолженіе двухъ дней мы не могли подойти къ Яффской гавани. Въ виду сильнаго вѣтра и гаванскіе баркасы также не отважились выйти въ открытое море.

Состояніе было ужасное, всѣ пассажиры за немногими исключеніями лежали пластами, безъ движенія; почти всѣ страдали ужасными приступами морской болѣзни.

Жутко и непріятно.

Я сидѣлъ, скорѣе лежалъ въ своей каютѣ.

Вдругъ ко мнѣ входитъ Жигайловъ и говоритъ, что ко мнѣ желаетъ зайти священникъ, который также ѣдетъ на поклоненіе въ Іерусалимъ, изъ Россіи.

— Приси его!

Ко мнѣ вошелъ священникъ. Народъ проситъ васъ, генераль, чтобы вы попросили архимандрита разрѣшить помолиться на палубѣ.

Я пригласилъ архимандрита о. Александра, онъ не только позволилъ, но даже сказалъ, что онъ самъ вмѣстѣ со мною выйдетъ на палубу и самъ помолится.

На палубу вынесли столъ, взятый отъ капитана, привязавши его предварительно къ мачтамъ, такъ-же крестъ и евангеліе. Крестъ и евангеліе держалъ матросъ, священникъ упираясь въ столъ, началъ читать молитвы; я и архимандритъ стояли, упираясь въ перила. Вѣтеръ рвалъ и валилъ съ ногъ; но все же раздавались проникновенный голосъ священника и голоса поющихъ.

О, какъ молится человѣкъ въ несчастіи! Этого разсказать нельзя, нужно видѣть.

Въ общемъ пѣніе было стройно и по возможности пропѣли повечеріе и все-нощную. Молитва подкрѣпила всѣхъ, и къ всеобщему удовольствію часа черезъ 1½ сталъ стихать и вѣтеръ.

Мы ходили по палубамъ и въ трюмъ къ больнымъ. Воздухъ и запахъ былъ ужасный. На больныхъ было жалко смотрѣть; испытая, страдальческія фізіономіи, безучастный взоръ. Кому могли помочь, мы помогали....

Издали показались баркасы, они плыли изъ Яффы. Ихъ до 30 штукъ. На нихъ же плылъ и Яффскій консуль Н. И. Требулаевъ, встрѣтитъ начальника миссіи, о. Александра. На этихъ же баркасахъ, я и еще два урядника поплыли къ гавани. Еще одна минута и цѣль столь давно желанная достигнута.

Мои ноги на Святой землѣ, желанія столь долгихъ лѣтъ исполнились, мы приближаемся къ завѣтной цѣли поклониться Гробу Господню!

Сердце забилося, на душѣ стало такъ радостно и легко. Остановились мы въ помѣщеніи Русскаго О-ва пароходства и торговли и наблюдали, какъ порожніе баркасы легко и быстро возвращались къ нашему пароходу. Вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и только небольшая зыбь кое гдѣ вздымала небольшіе гребни. Море успокоилось и тихо ласкалось къ берегу. Издали виднѣлся полуразрушенный молъ, гдѣ еще не успокоившіяся волны перебрасывали воду, искрившуюся изумрудами и аквамаринами.

— Пять часовъ тому назадъ мы думали, что вашъ пароходъ погибнетъ, говорилъ консуль, до того былъ сильный вѣтеръ и море было грознымъ.

Уборка груза, перевозъ пассажировъ, паломниковъ, продолжалось не долго, къ вечеру нашъ пароходъ былъ уже пустъ. Я и отецъ Александръ поѣхали въ гости къ любезному консулу, гдѣ насъ мило приняла хозяйка Марія Ивановна. О. Александръ уже былъ знакомъ со всѣмъ семействомъ, я же только познакомился.

Насъ пригласили отобѣдать.

— У меня, господа, сегодня все постное, говорила она, обращаясь ко мнѣ.

— Вы, я вижу, хорошая христіанка, теперь Филипповскій постъ, говорилъ я ей, благодаря за приглашенія.

Послѣ обѣда вмѣстѣ съ о. Александромъ поѣхали въ Русское-Палестинское подворье.

Весь дворъ былъ окруженъ чудными деревьями, а изъ двухъ, тутъ же расположенныхъ, садовъ несли ароматы лимоновъ и апельсиновъ, растущихъ въ группѣ, круглый годъ. Чудное мѣсто, хорошій воздухъ. Тутъ же высокая, сверкая на солнцѣ крестами церковь въ честь св. апостола Петра; въ этомъ прекрасномъ храмѣ архимандритъ совершилъ повечеріе, утреню и раннюю обѣдню.

Помолившись, отдохнувши, мы продолжали свое путешествіе дальше. Въ 9 часовъ утра были на дебаркадерѣ желѣзнодорожнаго вокзала, а черезъ минутъ десять, подошедшій поѣздъ повезъ насъ въ Іерусалимъ. Путешествіе прошло очень быстро; постоянно мѣняющіеся виды сократили время и уже въ 2 часа мы были въ Іерусалимѣ. Здѣсь, также, какъ и въ Яффѣ архимандрита встрѣтилъ русскій консулъ г. Яковлевъ, съ которымъ познакомилъ и меня. Поговоривъ немного, мы уже въ экипажѣ поѣхали въ городъ.

Первое мѣсто, которое увидѣлъ я было мѣсто Гроба Господня. На этомъ мѣстѣ стоитъ храмъ, а предъ входомъ мраморный камень (плита), мѣсто на которомъ, по снятіи со креста, положили Спасителя, омыли тѣло Великаго Учителя и обвили плащаницею.

Передъ этимъ камнемъ каждый христіанинъ снимаетъ шапку, творить земные поклоны, вознося молитвенныя прошенія къ Господу Богу.

Въ саженьяхъ въ 10 отъ камня—пещера, въ которую былъ положенъ Спаситель. Въ правомъ углу пещеры мѣсто Гроба Господня. Пещера не большая, высотой 3 аршина, а ширина и длина два съ половиной.

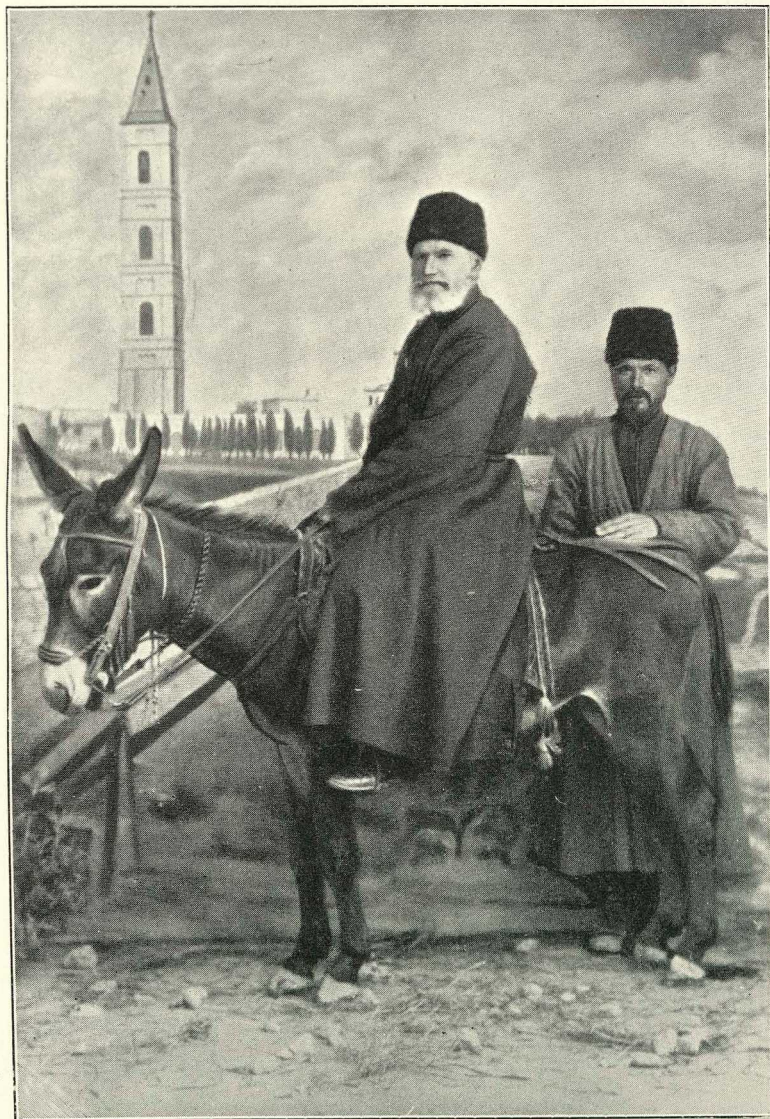
Въ пещерѣ горѣло до 30 лампѣоновъ, предъ входомъ въ пещеру устроено въ родѣ балдахина, увѣшаннаго лампадами. На правой сторонѣ балдахина изображено Воскресеніе Христово.

Долго я стоялъ, затѣмъ приложился къ мѣсту Гроба Господня. Вотъ гдѣ произошло искупленіе рода человѣческаго, вотъ гдѣ произошли безмѣрные страданія Того, который все отдалъ, чтобы избавить немощныхъ людей отъ грѣха, проклятія и смерти!

Великое мѣсто!

— Чувство великаго благоговѣнія наполнило душу, чувство безмѣрныхъ заслугъ Великаго искупителя наполнило душу трепетомъ...

Архимандритъ указалъ мнѣ Крестъ Господень и Голгофу. Это мѣсто окружено иконостасомъ и здѣсь, въ этой церкви, ежедневно служится Божественная служба.

Путешествіе въ Іерихонъ.

У Гроба Господня служится служба армянами, католиками, лютеранами, греками и другими христіанами, прежде же всего православными, греками, болгарями, черногорцами, сербами и другими славянами.

Здѣсь мы пробыли сравнительно не долго. Потомъ поѣхали въ русскій соборъ, гдѣ архимандрита встрѣтило духовенство въ полномъ облаченіи, съ крестомъ и св. водою.

Народу въ храмѣ было такое множество, что меня оттерли отъ о. Александра, несмотря на то, что меня окружало 10 рослыхъ, бравыхъ урядниковъ! Только лишь при ихъ энергичныхъ усиліяхъ я могъ пройти въ соборъ!

Здѣсь пропѣли „Достойно“, а затѣмъ многолѣтіе Русскому Императорскому Дому, патріарху Іерусалимскому Доміану, а также и архимандриту Александру, благополучно возвратившемуся изъ Петербурга. Здѣсь же недалеко отъ храма было построено зданіе со всѣми необходимыми службами, какъ для начальника миссіи, такъ и для духовенства и братства.

Здѣсь же въ этомъ домѣ и мнѣ была отведена келія, гдѣ я прожилъ 4-е мѣсяца. Поѣздка по морю и сушѣ дала себя чувствовать, я утомился и отдыхалъ, наслаждаясь дивной природой.

Отдохнувши, я рѣшилъ заняться осмотромъ всѣхъ достопримѣчательностей и вообще всего, интереснаго для русскаго паломника.

Добрѣйшій о. Александръ порекомендовалъ мнѣ хорошаго проводника и знатока Св. Земли, Якова Григорьевича Халебе, состоявшаго драгоманномъ при архимандритѣ Александрѣ. Съ Халебе я познакомился еще въ Яфѣ.

Самъ онъ родомъ арабъ, образованіе получилъ въ Петербургской духовной семинаріи, но проучился тамъ только 3 года, а затѣмъ вмѣстѣ съ однимъ іеромонахомъ вернулся въ Іерусалимъ.

Это было въ 54 году, какъ разъ въ это время разразилась Крымская война. Эта дата совпадаетъ также съ насажденіемъ русской гражданственности въ Палестинѣ; тѣ же незначительныя постройки, которыя сдѣлало братство, оно должно для сохранности передать греческому патріарху.

По окончаніи Крымской кампаніи и заключенія мира Турецкій Султанъ подарилъ Великому Князю Константину Николаевичу участокъ земли. На этомъ участкѣ и находится теперь Палестинское братство и общество. На это мѣсто имѣется купчая крѣпость, все оформлено и узаконено; куплено также и мѣсто, гдѣ растетъ Маврійскій дубъ.

У Маврійскаго дуба устроены чудные виноградники. Пилигриммовъ поятъ чуднымъ виномъ, но позволяютъ пить только на мѣстѣ, брать же съ собою не позволяютъ.

Вино это понравилось и Великому Князю Сергѣю Александровичу, настолько, что онъ даже велѣлъ прислать себѣ въ Москву, но что оно стоило, пошлины и пересылка стоила, пожалуй, дороже раза въ 3 самого вина. Здѣсь подъ дубомъ была отслужена литургія. Послѣ службы осматривали мѣстности съ башни, недалеко устроенной отъ дуба. Вина въ Палестинѣ вообще очень дешевы. Знаменитое „Шампанское“, самой лучшей марки стоитъ не дороже 2 р. 50 к., а у насъ въ Россіи приходится платить 7—8 рублей за бутылку!

Во время этой поѣздки, мы ѣхали двумя экипажами, вмѣстѣ съ о. Александромъ. Во время этой поѣздки я познакомился съ ротмистромъ Булатовичемъ.

Александръ Ксаверіевичъ Булатовичъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Александромъ были командированы „Краснымъ Крестомъ“ для помощи и оказанія нужныхъ услугъ Абиссинскому негусу Менелику, во время войны съ итальянцами.

Архимандритъ и весь составъ „Краснаго Креста“ возвратились въ Россію, Булатовичъ же предпринялъ путешествіе въ западныя области Эфіопіи, онъ достигъ западныхъ границъ Абиссиніи и перешелъ рѣку Барро, не изслѣдованную еще не однимъ европейцемъ, на обратномъ пути посѣтилъ низовья рѣки Голубого Нила, въ маѣ мѣсяцѣ 1897 года вернулся въ Россію.

Въ сентябрѣ того же 1897 года Государю было благоугодно завязать непосредственныя отношенія съ Негусомъ, Онъ командировалъ въ Абиссинію чрезвычайную миссію, курьеромъ, извѣстившаго Негуса Менелика, выбрали Булатовича.

Ему же вмѣстѣ съ войсками Менелика II, посланными присоединить еще неизслѣдованныя южныя области, лежація между Абиссиніей и озеромъ Рудольфа, удалось побывать въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ прежде и до сихъ поръ не была никогда ни одно нога европейца.

А. К. Булатовичемъ былъ составленъ дневникъ, подъ заглавіемъ. „Съ войсками Менелика II“, представляющимъ изъ себя особенно интересное и занимательное чтеніе *).

Личность интересная, много видѣлъ, жилъ, можетъ разказать интересныя вещи.

Лицо энергичное, отважное, но симпатичное. Видно было, что для этого человѣка приключенія составляютъ цѣль жизни.

Впослѣдствіи участвовалъ въ Китайской экспедиціи, подъ его командой была сотня казаковъ, все такихъ же смѣльчаковъ и охотниковъ, какъ и самъ Булатовичъ. Война и ея опасности были цѣлью, къ которымъ такіе люди стремятся. За эту войну имѣлъ Анну на шею и орденъ Владиміра 4-ой степени.

Ѣздилъ я съ архимандритомъ и въ Іерусалимъ и на рѣку Іорданъ. Путники здѣсь ѣздятъ постоянно вооруженными. Вспомнились мнѣ между прочимъ случайно евангельскія слова „попавши въ разбойники человѣкъ былъ израненъ и ограбленъ“ Все это такъ живо встало предъ моими глазами, и по ассоціаціи я представилъ себя, видящимъ эту картину.

Спросилъ Халебе, постоянно меня сопровождавшаго въ этихъ путешествіяхъ, безопасна ли дорога по р. Іордану.

— Да, лѣтъ 20 тому назадъ здѣсь было не безопасно, здѣсь жили разбойники—бедуины и грабили проѣзжихъ, но вотъ уже, какъ 20 лѣтъ все спокойно. Здѣсь теперь живутъ кавказскіе горцы, они оттиснули бедуиновъ и съ тѣхъ поръ все спокойно.

*) А. К. Булатовичъ. Съ войсками Менелика II. Дневникъ похода изъ Эфіопіи къ озеру Рудольфа. Спб. 1900 года.

Послѣ покоренія Кавказа, многіе изъ недовольныхъ и не покорныхъ горскихъ племенъ переселились въ Турцію. Этому же способствовало и то обстоятельство, что глава „правовѣрныхъ“ Турецкій Султанъ исповѣдуетъ исламъ.

Горцы были поселены въ Палестинѣ, по теченію рѣки Іордана. Первое время имъ пришлось плохо. Приходилось селиться въ незнакомой мѣстности, имѣть такихъ непріятныхъ и въ высшей степени безпокойныхъ сосѣдей, какъ бедуины. Первые 10 лѣтъ прошли въ ожесточенной борьбѣ съ бедуинами, постоянно грабившими и опустошавшими мѣстность, но, тѣмъ не менѣе, результаты были на лицо. Бедуины оттиснуты и замирены, въ настоящее время спокойное пастушье племя, а горцы, устроившись и окклиматизировавшись занимаются земледѣліемъ и овцеводствомъ. Горцы усвоили нравы и обычаи мѣстныхъ жителей, оставивъ при себѣ неизмѣнную черкеску и кинжалъ...

Мѣстное турецкое населеніе къ русскимъ и другимъ паломникамъ относится кротко. Въ годъ моего пріѣзда ихъ было особенно много, по консульской статистикѣ всѣхъ русскихъ паломниковъ было болѣе 7-ми тысячъ.

По пріѣздѣ въ Палестину у всѣхъ паломниковъ отбираются паспорта, и даются квитанціи. На каждой такой квитанціи писалось имя, отчество, фамилія, полъ и возрастъ. Это дѣлалось въ извѣстныхъ цѣляхъ. Мужчинъ, старше 60 лѣтъ, а женщинъ—55 лѣтъ не разрѣшалось брать въ гор. Назаретъ, а также и въ другія дальнія мѣстности Палестины. Обыкновенно паломники въ такія путешествія отправлялись съ разрѣшенія начальника, завѣдывавшаго дѣлами о паломникахъ г. Михайлова. Паломникамъ (не менѣе 200), отправлявшимся въ путь давался путеводитель (кавасъ); кавасъ былъ вооруженъ саблею, револьверомъ, палкою въ родѣ жезла; отправлялись обыкновенно дней на 6—10, по возвращеніи же прибывшихъ отправлялась вторая партія и т. д.

Городъ Іерихонъ особеннаго ничего изъ себя не представляетъ. Обыкновенный турецкій городъ, съ мечетями и минаретами, гдѣ каждое утро и вечеръ муедзинъ призываетъ правовѣрныхъ воздать хвалу Аллаху и великому пророку Магомету.

Для паломниковъ въ Іерихонѣ устроено подворье Русско-Палестинскаго Общества. Это двухэтажный домъ, построенный на хорошемъ мѣстѣ, при домѣ чудный садъ, изобилующій фруктами и цвѣтами тропическихъ странъ.

Вообще въ Іерихонѣ много садовъ, съ чудной и богатой растительностью.

Вы можете, почти въ каждомъ садѣ, найти бананы, магноліи, лимонныя и апельсинныя деревья. Меня особенно заинтересовали бананы. Это растеніе съ громадными листьями, растетъ высокимъ деревомъ, иногда до 10—20 аршинъ вышины; цвѣтетъ оно громадными гроздьями. Плодовъ на деревѣ бываетъ до 200 и болѣе штукъ. Вкусъ пріятно-кисловатый, пріятно пахнущій, мнѣ напоминаетъ вкусъ молодыхъ огурцовъ. Вмѣсто ограды растутъ кактусы. Кактусы бываютъ настолько велики, что скрываютъ сѣдока съ лошадью, во всѣ стороны отъ кактусовъ идутъ иглы шириною до 3 четвертей, а толщиной до 2 вершковъ, прегражденіе достаточно внушительное для любителей чужой собственности.

Виноградъ, котораго въ Іерихонѣ масса, мнѣ не понравился, онъ какой-то не вкусный и толстокожій.

Отъ Іерихона не далеко и знаменитое Мертвое море.

Здѣсь мы пробыли часа два. Цвѣтъ воды синеватый, сама вода напоминаетъ какую-то густую массу, на вкусъ отвратительна. Теперь я могу подтвердить мнѣніе, что ни рыба, ни животныя, ни насѣкомыя не могутъ жить въ такой водѣ.

Обратно ѣхали по теченію рѣки Іордана, вода мутная, не пріятная, у меня отпала всякая охота пить чай.

По дорогѣ въ Іерихонъ, возвращаясь отъ Мертваго моря, заѣхали въ монастырь Іоанна Крестителя, выше этого монастыря, въ верстахъ 8—9 отъ него, находится большой греческій монастырь, рассчитанный на 15—20 монаховъ.

Изъ Іерихона мы предполагали отправиться къ Сороковой горѣ, для насъ были приготовлены ослы, и мы было отправились въ монастырь, расположенный на Сороковой горѣ, да разговѣтовали монахи. Было уже довольно поздно, къ монастырю нужно было подниматься по пѣшеходной дорожкѣ, идти же пѣшкомъ было не безопасно. Когда мы возвращались обратно я очень удивлялся осламъ, какъ они ступали тихо и осторожно, я бы пѣшкомъ никогда не рѣшился пойти тамъ, гдѣ ступали эти умныя животныя. Вотъ вамъ и поговорки объ ослиной глупости оказывается не всегда сбываются.

Въ Іерихонѣ въ общей сложности я былъ три раза. Третій разъ былъ въ январѣ въ день Крещенія Господня.

Въ этотъ же день было и освященіе воды на рѣкѣ Іорданѣ. Красивую и живописную картину представляетъ въ этотъ день Іорданъ.

Не далеко отъ Іерихона, у берега рѣки ставится переносная церковь. Здѣсь совершается вечерняя и утренняя Божественныя службы, служатъ очень торжественно. Для полноты и торжественности картины не хватаетъ лишь только патріарха. Кругомъ церкви и по берегамъ рѣки громаднѣйшія толпы народа, одѣтаго въ праздничныя одежды.

Какъ больные чаяли движенія воды въ Силоамской купели, такъ и здѣсь всѣ ждутъ момента, когда можно будетъ погрузить свое тѣло и омыть его водами священнаго Іордана. Крещеніе и чудное лазоревое небо, съ 35° градусной жарой. Это не вяжется другъ съ другомъ. Крещеніе и трескучіе морозы, все покрытое бѣлымъ, снѣжнымъ покровомъ, это гармонируетъ!

Но вотъ насталъ моментъ погруженія креста... и сотни, тысячи тѣлъ погрузились омыться въ священныхъ водахъ Іордана.

Послѣ своей болѣзни я былъ слабъ, купаться боялся.

Возлѣ меня стоялъ архіепископъ Іорданскій, Стефанъ. Видя меня онъ смотритъ и говоритъ:

— Ты вѣруешь въ Бога?

— Вѣрую,—отвѣчаю я.

— Ты вѣруешь въ Бога, еще и еще разъ спросилъ меня святитель.

— Если вѣруешь—купайся!

Это были слова такъ проникновенны, что я даже не подумалъ, что либо возразить ему. Я забылъ о своей недавней болѣзни, о томъ, что могу простудиться, я безпрекословно исполнилъ приказаніе.

Вотъ тѣло мое погрузилось въ волны, но ничего, ничего, кромѣ пріятности и удовольствія не испытывалъ!

Купанье прошло не только безнаказанно, но я сталъ себя чувствовать еще лучше.

Такова сила внушенія и вѣры.

Черезъ недѣлю послѣ поѣздки въ Іерихонъ я ѣздилъ съ Яковомъ Григорьевичемъ Халебе кругомъ стѣнъ города Іерусалима. Стѣны удивительно прочны и нужно было удивляться камнямъ, положеннымъ въ эту стѣну. Камни огромны, толщиной до 2¹/₂ аршинъ, длиною же до 12.

Около юго-восточныхъ воротъ видѣли комнату, по преданію въ этой комнатѣ Спаситель ѣлъ пасху съ своими учениками. Комната содержится чисто и аккуратно, въ ней никто не живетъ, но сзади турецкія казармы... За городомъ на большой равнинѣ стоитъ Омарова мечеть, прежній христіанскій храмъ. Вся мечеть устлана коврами, говорятъ, что черезъ каждые три года Султанъ присылаетъ новые.

Направо отъ этой мечети ближе къ городской стѣнѣ Соломоновъ притворъ. Здѣсь когда то помѣщался скотъ премудраго царя.

Съ противоположной стороны города ведутъ ворота, черезъ которыя былъ проведенъ архидіаконъ Стефанъ и за городомъ побитъ камнями 27-го Декабря; паломники ходятъ съ крестнымъ ходомъ къ мѣсту смерти свящennemученика Стефана.

Видѣли также и Еврейскую слободку. Она жалка и убога. Здѣсь же стоитъ знаменитая стѣна слезъ, гдѣ постоянно много плачущихъ сыновъ Израиля, молящихъ Іегову послать имъ обѣщаннаго Мессію (Спасителя). Каждый день я что-нибудь видѣлъ, осматривалъ, старался использовать время съ пользою для себя, своего религіознаго воспитанія.

Но вотъ за недѣлю до Рождества Христова я сильно заболѣлъ, болѣзнь еще больше усилилась, такъ какъ я думалъ, что не въ силахъ буду быть въ Виелеемѣ, въ день Рождества. Эта печаль и скорбь еще больше усилила мое недомоганіе. Приглашенный русскій врачъ Сиверинъ еще больше усилилъ подавленное состояніе духа. На вопросъ могу ли я быть въ Виелеемѣ, въ день Рождества, отвѣтилъ крайне неопредѣленно; Богъ дастъ поправитесь! Поправитесь, поѣдете въ Виелеемъ.

Это заявленіе не утѣшило, наоборотъ повергло въ печаль и скорбь.

Спасибо Якову Григорьевичу (Халебе), онъ заходилъ ко мнѣ почти ежедневно, утѣшалъ какъ могъ и старался развеселить и настроить на пріятныя мысли. Архимандритъ Александръ тоже заходилъ каждый день, а въ день посѣщенія врача даже два раза. Какъ разъ зашелъ второй разъ вечеромъ, посмотрѣлъ на меня внимательно, посмотрѣлъ, подумалъ и говоритъ:

— Поѣзжай въ Виелеемъ, Господь Богъ укрѣпитъ тебя, съ тобою поѣдетъ Христосъ. Поѣзжай съ Богомъ! Эти добрыя напутственныя пожеланія вселили въ меня бодрость и увѣренность и я не долго собираясь въ тотъ же день въ 10 ч. вечера поѣхалъ въ Виелеемъ.

Поѣздка была не дальняя, часть съ небольшимъ, и мы съ Халебе были уже въ Виелеемѣ.

Ночью я слушалъ всенощное бдѣніе, утреню, а рано утромъ и литургію.

Церковныя службы совершалъ самъ Патріархъ. Черезъ Халебе онъ передалъ мнѣ, чтобы я шелъ въ пещеру, гдѣ стоятъ ясли, въ которыхъ возлежалъ Христосъ, Спаситель міра.

Господь сподобилъ меня приобщиться Святыхъ Таинъ въ той пещерѣ, гдѣ родился Великій Искупитель человѣческаго рода, гдѣ произошло поклоненіе волхвовъ!

Пещера очень небольшая, въ ней можетъ помѣститься не больше 15—20 человѣкъ, вѣдь и по Евангелію такъ, это были небольшія пещеры для скота, въ ненастную погоду. Въ пещерѣ небольшой Престолъ, подъ Престоломъ изображеніе звѣзды, а сзади ясли, въ ясляхъ же изображеніе младенца, лежащаго въ пеленахъ.

Паломники благоговѣнно входятъ въ пещеру, цѣлуютъ край Престола, звѣзду и ясли.

Приобщившись Св. Таинъ я почувствовалъ себя бодрымъ и крѣпкимъ, куда дѣвались мои немощи, куда дѣлось уныніе и подавленное состояніе духа!

Къ полдню я уже былъ въ Іерусалимѣ, привѣтствовалъ архимандрита съ Великимъ торжественнымъ праздникомъ, рассказывалъ, что Господь сподобилъ меня приобщиться Св. Таинъ, благодарилъ за добрый совѣтъ съѣздить въ Виелемъ, я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ!

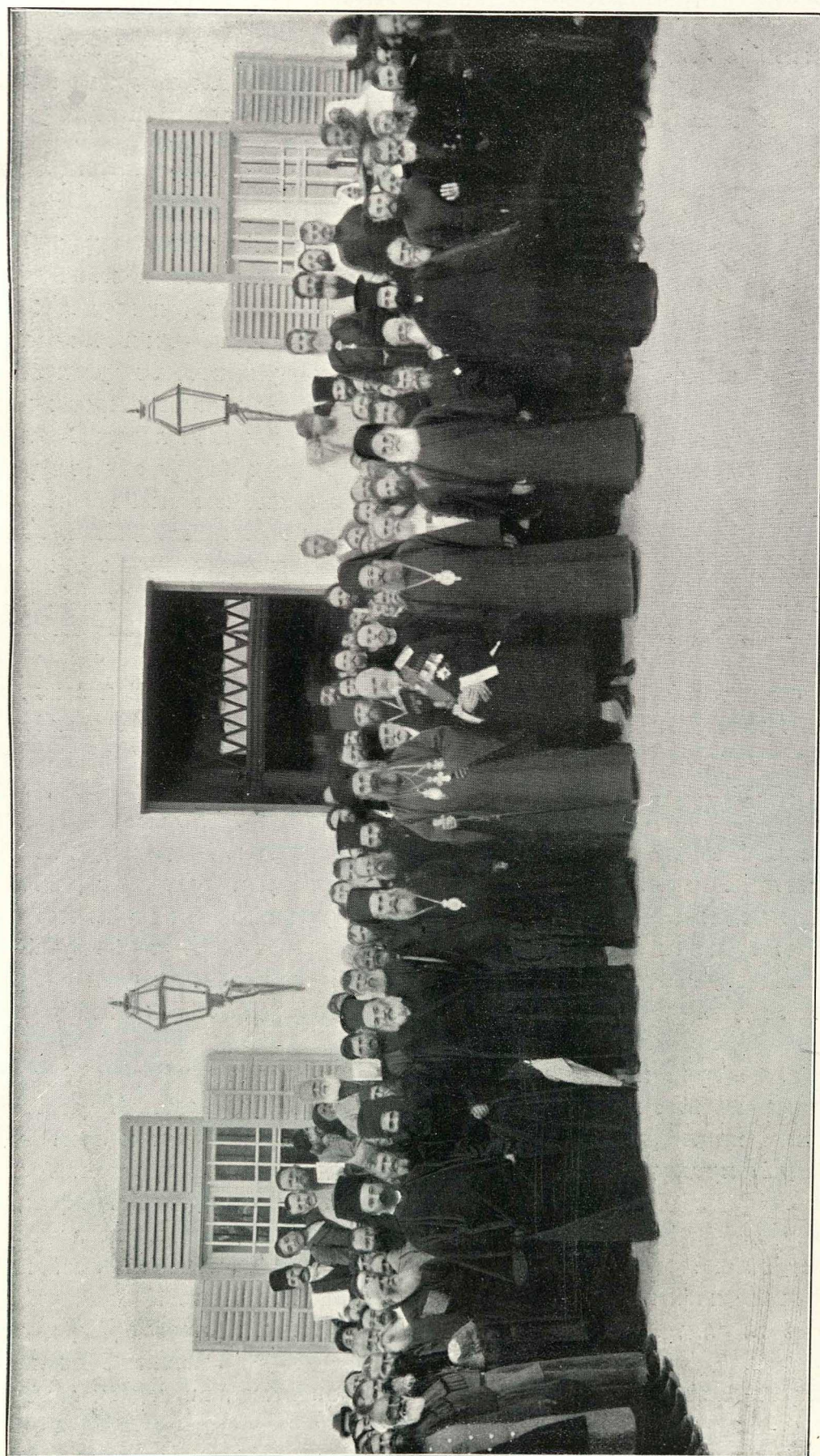
— Немощи наши Господь укрѣпляетъ вѣрующихъ, вотъ все, что могъ мнѣ сказать архимандритъ.

— Благодаря Патріарху я попалъ въ пещеру, меня провели его драгоманъ, я самъ никогда не могъ бы туда попасть. Пропать народу! Если я самъ пошелъ, то рисковалъ бы быть раздавленнымъ. Драгоманъ стучитъ жезломъ, это значитъ дать ему дорогу. Кругомъ масса народу, давятъ, толкаютъ, не стѣсняясь протягиваютъ руку за подаваніемъ, хорошо, что у меня въ карманѣ было много мелочи. Я бралъ ихъ горстями и бросалъ въ стороны, благодаря этому лишь я избавился отъ назойливаго канюченія, могъ свободно пройти и уѣхать! Услужливаго драгомана и Халебе я поблагодарилъ отдѣльно.

Такъ прошелъ первый день Великаго праздника. На второй день архимандритъ Александръ, я и его пѣвчіе принесли поздравленіе Іерусалимскому Патріарху.

У Патріарха въ это время былъ пріемъ. На пріемъ были представители иностранныхъ державъ, дипломатическіе агенты, греческій и французскій, а спустя немного прибылъ и русскій консулъ Яковлевъ, вмѣстѣ со своимъ штабомъ.

По восточному обычаю гостямъ подали ликеры всевозможныхъ сортовъ, также варенье, къ нему графинъ воды, а въ заключеніе турецкое кофе, въ миниатюрныхъ чашечкахъ. Мѣсто для пріема было большое зало, уставленное малиновыми бархатными табуретами для присутствующихъ. Самъ Патріархъ сидѣлъ на тронѣ, видъ большого золоченаго кресла, всякаго входящаго Патріархъ привѣтствовалъ, преподавъ благословеніе. Пѣвчіе пѣли Рождественскій концертъ и русскій гимнъ. Просидѣли всего часъ не больше. Патріархъ затѣмъ всталъ, давая этимъ понять, что пріемъ оконченъ, на прощаніе онъ также благословилъ каждого изъ насъ. На 3-й день праздниковъ Патріархъ дѣлалъ отвѣтные визиты, былъ у консуловъ, у архимандрита.

Іерусалимская Миссія и Греческій Патріархъ.

По восточному обычаю визиты отличаются большою торжественностью, такъ Патріархъ былъ съ 3-мя архіереями, 2 архимандритами, 3 іеромонахами, нѣсколькими рясофорными монахами и въ сопровожденіи 5 драгомановъ.

Въ русскомъ подворьѣ Патріарха на парадномъ крыльцѣ встрѣчалъ я и мисіонерскій благочинный, еще заранѣе я пригласилъ фотографа, имѣя въ мысляхъ попросить патріарха разрѣшеніе снять всю группу.

У входа мы встрѣтили Патріарха, получили его архипастырское благословеніе. Получивъ благословеніе, я попросилъ разрѣшенія Его Святѣйшества снять фотографическую группу.

— Желаніе мое и всѣхъ казаковъ, паломниковъ, Ваше Святѣйшество, сохранить этотъ моментъ на память! Эта группа будетъ повезена на Кавказъ. Каждый паломникъ, вернувшись домой въ кругу семьи и знакомыхъ будетъ показывать ее, указывая на васъ, Ваше Святѣйшество, Патріарха Даміана, всей Палестины! Патріархъ изъявилъ свое согласіе, повернувшись лицомъ къ фотографическому аппарату; въ этотъ моментъ была снята группа, но я долженъ сказать не совсѣмъ удачно, виноватъ и фотографъ, виноваты и присутствующіе.

Архимандритъ также привѣтствовалъ Патріарха, но только уже у себя въ пріемномъ залѣ. Залъ по своей вмѣстимости, пожалуй еще больше, чѣмъ у Патріарха. Также было и традиціонное восточное угощеніе, были поданы ликеры, кофе и шампанское.

Въ день тезоименитства Патріарха мы были у него на дачѣ, расположенной въ 3½ верстахъ отъ Іерусалима. Дача Патріарха—Церковь „Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы“ чудное мѣсто, расположенное въ нагорной мѣстности; прекрасный виноградникъ, но деревьевъ совершенно нѣтъ. Здѣсь у Патріарха мы провели цѣлый день, угощали насъ по царски, особенно мнѣ понравилось откормленныя индѣйки, такихъ индѣекъ на Кавказѣ можно найти только лишь за большія деньги.

Въ бытность мою въ Іерусалимѣ получилъ я приглашеніе побывать въ дѣвичьемъ Горнемъ монастырѣ, расположенномъ въ 8-и верстахъ отъ Іерусалима.

Въ Горнемъ—расположенъ цѣлый рядъ монастырей: католическихъ, лютеранскій и православный. При православномъ монастырѣ имѣется домъ для начальника Палестинской миссіи, кромѣ того всѣ необходимыя службы. Монастырь этотъ произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Вездѣ зелень, около каждой келіи устроенъ хорошенькій цвѣтничекъ, огорожено повсюду вьющимися лаврами и другими декоративными растеніями.

Въ монастырѣ, кромѣ нѣсколькихъ монаховъ, изъ мужчинъ имѣется только привратникъ, ходящій постоянно въ турецкомъ костюмѣ.

Іеромонахъ, пригласившій меня посѣтить монастырь, а теперь исполняющій обязанности путеводителя, разсказалъ про этого старика.

— Онъ у насъ больше 18 лѣтъ, родомъ онъ арабъ, прежде былъ католикомъ, потомъ перешелъ въ православіе и служитъ у насъ.

Я заинтересовался имъ и зашелъ къ нему въ помѣщеніе. Насъ встрѣтила его жена, самъ хозяинъ и трое ребятишекъ, третій былъ на рукахъ у матери. Это былъ уже довольно порядочный мальчуганъ, хорошенькій, обрамленный за-

витушками черныхъ волосъ, постоянно улыбающійся своими черными, миндалевидными глазенками.

— Какъ его имя, спросилъ я мать.

Онъ еще не крещенъ, отвѣтила та.

Ему еще нѣтъ и году!

Такъ, сказалъ я, не найдя ничего болѣе подходящаго.

— Это хорошо, подумалъ я, его нужно будетъ окрестить, объ этомъ нужно сказать о. Александру. Объ этомъ я шепнулъ іеромонаху, онъ тоже одобрилъ мою мысль

Итакъ, у меня будетъ черномазый крестникъ, такой славный парнишка! Это прекрасно!

Вернувшись въ Іерусалимъ я рассказалъ обо всемъ милѣйшему о. Александру.

— Вотъ и прекрасно, вотъ и хорошо, говорилъ о. Александръ, слушая меня и шагая по комнатѣ. Это хорошая мысль вамъ пришла въ голову! Да! это нужно сдѣлать! Но добавилъ онъ, это нужно сдѣлать умненько, политично!

Нужно не обидѣть грековъ.

Нужно подумать!

Да, нужно подумать!

Ага, вотъ нашелъ!

Я пошлю Якова Григорьевича къ Патріарху, онъ разрѣшитъ, я думаю, говорилъ о. Александръ, улыбаясь скорѣе своимъ мыслямъ.

Вышло все такъ, какъ говорилъ о. Александръ. Патріархъ разрѣшилъ и мы поѣхали на крестины, прихвативъ съ собою греческаго священника.

Въ Горнемъ отстояли обѣдню, во время обѣдни я тихонько сказалъ Скобельцину.

— Пойди поищи русскую лапотницу, пусть она будетъ кумою. Скобельцинъ вышелъ и скоро нашелъ.

Послѣ обѣдни, предварительно напившись чаю, пошли въ пріемную комнату. Здѣсь уже все было готово. Стояла купель, хоръ монашекъ, здѣсь же была воспріемница. Все необходимое я купилъ въ Іерусалимѣ. Черезъ полчаса православная церковь пріобрѣла новаго черномазаго члена, а я крестника. Разговаривая съ отцемъ крещенаго арапченка я спрашивалъ, что его побудило перейти въ православіе.

Этотъ вопросъ задавалъ мнѣ и бывшій настоятель, архимандритъ русской миссіи, сказалъ садовникъ; да такъ, православіе мнѣ понятнѣе, да и церковное пѣніе. Вотъ я и просилъ его присоединить меня къ православію.

Въ верстахъ сорока отъ Іерусалима, по теченію рѣки Іорданъ, лежитъ мужской общежительный Герасимовскій монастырь.

Монастырь этотъ по какому то случаю остался цѣлъ отъ погрома турокъ, бывшаго въ семидесятыхъ годахъ.

Можетъ быть этому способствовало и его природное положеніе.

Монастырь съ 3-хъ сторонъ окруженъ природными стѣнами, а съ четвертой глубокимъ оврагомъ. Здѣсь монахи бросаютъ остатки своей скудной трапезы и кормятъ ими лисицъ и шакаловъ, массами бродящими въ этихъ мѣстахъ.

Настоятель Иерусалимской Миссии,
Архимандритъ Александръ.

Для входа въ монастырь существуетъ небольшая желѣзная дверь, постоянно на запорѣ, поэтому попасть въ монастырь довольно затруднительно, женщинъ — паломницъ въ монастырь не пускаютъ, для нихъ съ наружной стороны монастыря выстроена башня. Здѣсь для нихъ монахи служатъ всѣ церковныя службы, за исключеніемъ обѣдни, приобщаютъ уже заранѣе приготовленными Св. Дарами.

Въ общемъ монастырь суровый, здѣсь даже и природа сурова, нѣтъ здѣсь веселой, пріятной для взора зелени, все здѣсь мрачно и угрюмо.

Невольно располагаетъ cadaго сокрушаться и оплакивать содѣянные преступленія. Возвращаясь обратно на ослѣ, я чувствовалъ себя особенно скверно. Не знаю, продуло ли меня, или я усталъ, но только я нѣсколько разъ слѣзалъ отдыхать и еле, еле полу-разбитый, полу-больной добрелъ до своей келіи.

На слѣдующій день у меня былъ докторъ Сиверинъ, онъ нашелъ простуду, а также и воспалительный процессъ.

Наступалъ Великій постъ, а болѣзнь приковала меня къ постели.

Меня, больного, частенько навѣщали о. Александръ, Халебе и докторъ, оказавшійся милымъ и симпатичнымъ человѣкомъ.

Благодаря усердію врача и заботамъ архимандрита къ страстной недѣлѣ я сталъ себя чувствовать лучше, можно было надѣяться, что Свѣтлый Христовъ праздникъ я встрѣчу здоровымъ.

Господь благословилъ меня и даровалъ мнѣ жизнь, но къ сожалѣнію болѣзнь не позволяла мнѣ присутствовать на Божественныхъ службахъ, но все же въ Великій Четвертокъ я былъ на омовеніи ногъ. Патріархъ во время службы изображалъ Иисуса Христа, а архимандритъ Александръ Апостола Петра.

Приближался Свѣтлый Христовъ праздникъ. Невольно приходятъ на умъ въ эти дни умиленной Божественной службы страданія Великаго Искупителя. Чувства еще острѣе, такъ все это произошло здѣсь, гдѣ каждый камень, каждое мѣсто свидѣтельствуетъ о житіи и страданіяхъ Иисуса Христа.

Невольно умиляется сердце и въ тоже время является непріятное чувство; эта величайшая святыня христіанъ находится во власти магометанъ. Торжественныя процессіи въ христіанскомъ духѣ и турецкая чалма не вяжутся другъ съ другомъ...

Въ Великую субботу въ 10 часовъ вечера начался крестный ходъ. Съ крестнымъ ходомъ ходитъ Патріархъ кругомъ пещеры. Зрѣлище грустное. Идутъ христіане, несутъ драгоцѣнное тѣло Спасителя, слышатся грустные напѣвы.

Пронесутъ плащаницу третій разъ, и изъ глубины пещеры несутся радостныя возгласы, полныя торжественности, Христосъ Воскресе! Совершилось!

Здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ совершилось неслыханное чудо, воскресеніе Спасителя!

Началась Пасхальная служба.

Пѣснопѣнія торжественныя и радостныя проникаютъ въ душу, умиротворяютъ сердечныя бури, наполняютъ сердце радостью и любовью, заставляя cadaго христіанина говорить рцемъ братія, другъ друга обьемъ и простимся воскресеніемъ!

Изъ пещеры Патріархъ прошелъ на Голгоу. Для спокойствія и сохраненія порядка кругомъ пещеры стоялъ батальонъ пѣхоты, солдаты въ красныхъ фесахъ и ружьями.

Въ виду могущихъ возникнуть недоразумѣній и осложненій въ дни торжественныхъ службъ мѣстныя власти всегда назначаютъ охрану. Дѣйствительно у пещеры и у Голговы были цѣлыя массы, толпы народа, но благодаря присутствію войскъ и полиціи все обходится благополучно. Въ три часа служба была окончена. Патріархъ и его духовенство, въ предшествіи кавасовъ, несущихъ зажженные факелы направились къ патріаршему дому; въ этой же процессіи былъ и я. Сзади двигались толпы народа, распѣвая „Христосъ Воскресе“. Прошло больше часа, а народъ все шелъ, поя торжественный гимнъ Воскресенію Христову.

Народъ все шелъ, направляясь къ Русской Миссіи, по преимуществу это были все русскіе паломники; вотъ уже прошли большую лавку пекаря, вотъ громадный домъ начальника Русско-Палестинской миссіи, а издали высится красивая постройка русскаго собора. Проходятъ домъ архимандрита, а также громадную цистерну воды, питающую всю русскую колонію.

Вездѣ въ Іерусалимѣ устроены подобныя цистерны для стока дождевой воды, которую всѣ пьютъ, такъ какъ другой нѣтъ. Вотъ показались бараки и помѣщенія для мошельщиковъ.

Толпа все рѣдѣетъ, рѣдѣетъ, всѣ расходятся, пора и мнѣ, въ мою келію...

Днемъ, часовъ въ 11 были у Патріарха, христосовались, каждому изъ насъ далъ по два яйца, я также далъ ему свое, подаренное мнѣ въ Горнемъ монастырѣ. Обычное угощеніе, ликеры, варенье, шампанское, а также барашекъ, приготовленный изъ сыра.

Пасха, да пасха, только не та, что у насъ, у Русскихъ!

На второй день мы принимали Патріарха. У насъ была русская пасха, обильная куличами, прекраснымъ пасхальнымъ столомъ. Жаль только не было ни поросенка, ни сала. У меня, въ ст. Уманской, а также по всемъ Черноморью есть обязательно поросенокъ и сало, безъ поросенка и сала не святится ни одна пасха.

Прошла Пасха, я уже сталъ думать собираться домой, на Кавказъ.

Въ первое воскресенье, на Өоминой недѣлѣ я поѣхалъ къ Патріарху съ прощальнымъ визитомъ, предполагая во вторникъ ѣхать въ Россію, только лишь заѣхать по дорогѣ на Старый Аѳонъ.

Еще на пасху я говорилъ Патріарху, что пожалуй черезъ недѣлю поѣду домой, хочу зайти къ вамъ, Ваше Святѣйшество, испросить вашего архипастырскаго благословенія и ѣхать домой.

Былъ я съ визитомъ у Патріарха, такъ часовъ въ 12 дня. Патріархъ встрѣтилъ меня, какъ и всегда, сидящимъ на тронѣ. Разговоръ велся большею частію о службахъ, о посѣщеніи Іерусалима.

— Всѣ мы здѣсь, въ Іерусалимѣ, живемъ по милости русскаго народа, сказалъ Патріархъ.

— Изъ любопытства я спросилъ много ли бываетъ въ Іерусалимѣ русскихъ паломниковъ.

Больше всего русских отвѣчалъ мнѣ Патріархъ, затѣмъ идутъ славянскія народности, грековъ же меньше всего.

Думая, что визитъ законченъ, я встаю, прошу Патріарха дать мнѣ напутственное благословеніе.

— Подождите, сидите немного, самъ же Патріархъ что то сказалъ рядомъ стоящему съ нимъ келейнику. Тотъ принесъ что то завернутое въ розовой бумагѣ. Вотъ, сказалъ Патріархъ, вставая съ своего трона, вотъ, это да будетъ вамъ отъ меня благословеніе Божіе на память о пребываніи вашемъ въ Іерусалимѣ; святыня же эта да будетъ вамъ вѣчно и вашему потомству. Благословилъ меня этимъ сверткомъ и пожелалъ счастливаго пути.

Дома я поинтересовался взглянуть на благословеніе Патріарха. Это были чудной работы перламутровые четки, также перламутровая икона, съ изображеніемъ Воскресенія Христова и золотой крестъ на лентѣ, на подобіе Аннинской.

Это былъ крестъ, въ коемъ находится частица Честнаго и Животворнаго Креста Господня.

Крестъ этотъ носится выше всѣхъ орденовъ, какъ это я видѣлъ на русскомъ консулѣ.

Объ этомъ благословеніи я разсказалъ архимандриту, онъ тоже заинтересовался.

Пойдемъ, старче, посмотримъ святыню. Увидѣвъ крестъ, онъ также спросилъ имѣется ли у меня грамота на крестъ, грамоты не оказалось, но о. Александръ самъ пообѣщался похлопотать объ этомъ.

Да объ этомъ я напомнимъ Патріарху, не безпокойся старче!

Черезъ мѣсяцъ получилъ грамоту, написанную по гречески, съ переводомъ на русскій языкъ *).

Передъ отъѣздомъ я сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, доктору съ супругой, русскому консулу Яковлеву, а также моему милѣйшему проводнику Якову Григорьевичу Халебе, онъ между прочимъ проводилъ меня до Яффы. Въ Яффѣ я тоже сдѣлалъ визитъ консулу, но не засталъ его дома; тамъ попрощался съ его супругой Маріей Ивановной, самъ же консулъ пріѣхалъ, когда я уже былъ на пароходѣ.

Итакъ прощай Святая земля, прощай Св. градъ Іерусалимъ! Сердце радуется, что долгъ, давно данный исполненъ! Исполнены обѣты, данные Богу и людямъ!

*) № 570.

Ваше Высокопревосходительство, Генераль отъ кавалеріи Стефанъ Александровичъ, возлюбленнѣйшій, во Христѣ, сынъ нашей Мѣрности! Вашего Превосходѣннаго намъ Высокопревосходительство отъ всей души отечески благословляемъ!

Осчастливившись, въ бытность Вашего Высокопревосходительства, убѣдиться въ христіанскихъ добродѣтеляхъ Вашихъ и Боголюбивомъ благочестіи и ревности къ Святой Церкви справедливымъ признали, во укрѣплѣніе Васъ въ житіи, иже ко Христу, явить Васъ Крестоносцемъ Св. Гроба Господня и такимъ образомъ причислить Васъ къ другимъ, издавна ревнителямъ и защитникамъ онаго Гроба. Пожаловавъ Вамъ золотой крестъ, въ коемъ хранится частица Честнаго и Животворящаго Древа, на которомъ Распятый Богочеловѣкъ и Избавитель насъ совершилъ наше спасеніе, мы по множеству заботъ и заботъ не могли тогда выдать вамъ и надлежащую нашу Патріаршую Грамоту. Съ радостью же нынѣ препровождая Вамъ оную при настоящемъ нашемъ посланіи отъ души паки молимся, да послужитъ дарованный Вашему возлюбленному нами Высокопревосходительству честный крестъ, сильнымъ орудіемъ противъ видимаго и невидимаго врага и неисчерпаемымъ источникомъ всякаго небеснаго благословенія и милости, а такъ же и отечески увѣщаемъ Васъ и впредь сохранить неизмѣняемую благоговѣйную преданность Церкви Господа Бога, Его же благодать и милость да будутъ съ Вами выну. Аминь.

Въ Св. Градъ Іерусалимъ, 1900 года Іюня 16 дня.

Я молился о здравіи и благоденствіи знаемыхъ мнѣ, молился о дарованіи милости обожаемому Монарху, слезно молилъ Бога даровать Ему, державному вождю народа русскаго, наслѣдника-сына!

Не знаю услышалъ ли Господь Богъ молитвы меня грѣшнаго! Поживемъ — увидимъ, а будущее намъ покажетъ, усердно ли я молился предъ Престоломъ Всевышняго Творца.

Мы отплыли изъ Палестины, направляясь къ Старому Аѳону. На третій день нашъ пароходъ былъ уже въ виду Аѳонской горы.

Я, и сопровождавшіе меня казаки, рѣшили здѣсь остаться, осмотрѣть монастырь. Отъ пристани къ нашему пароходу причалилъ маленькій монастырскій пароходикъ, онъ принялъ всѣхъ желающихъ побывать на Святой горѣ.

Здѣсь намъ была отведена отдѣльная келія. Отдохнувши день, я направился къ настоятелю съ просьбой дать намъ путеводителя, а мнѣ дать, или осла, или лошадь, такъ какъ я по слабости ходить не въ состояніи.

Настоятель любезно согласился, предоставивъ намъ осла и лошадей, а также далъ іеромонаха Паисія, быть нашимъ руководителемъ.

Помимо о. Паисія, насъ сопровождали два черногорца, изъ нихъ одинъ былъ кавасъ, а другой конюхъ.

Съ ними мы проѣздили 5 дней и побывали въ Андреевскомъ, Ильинскомъ, Крестовоздвиженскомъ, а на обратномъ пути и въ Иверскомъ греческомъ, прежде грузинскомъ, монастыряхъ.

Въ Крестовоздвиженскій монастырь мы попали въ праздникъ Преполовенія. Здѣсь мы видѣли освященіе воды, здѣсь же и ночевали.

Весь этотъ осмотръ монастырей былъ сдѣланъ по заранѣ составленному маршруту, вмѣстѣ съ о. Паисіемъ, рекомендованнымъ мнѣ о. Александромъ.

Да, съ нимъ я распрощался въ высшей степени сердечно, большое ему спасибо за его добрые совѣты, наставленія, данныя имъ мнѣ во время пребыванія въ Палестинѣ. Память объ этомъ русскомъ іерархѣ навсегда останется у меня, какъ о человѣкѣ дѣльномъ, знающемъ свое дѣло, добромъ и симпатичномъ.

Впослѣдствіи онъ получилъ епископскую кафедру въ г. Твери.

Позднѣе я поздравилъ его съ Епископской каеедрой; онъ ея заслужилъ!

Впечатлѣніе объ Аѳонской Святой горѣ я вынесъ самое пріятное.

Это дѣйствительно монашеская братія, посвятившая себя на служеніе Богу, давшая обѣты нестяжанія, воздержанія, поста и молитвы.

№ 162.

Мѣрность наша, оцѣнивая добродѣтель и благочестіе Его Высокопревосходительства Генерала отъ Кавалеріи Стефана Александровича Венеровскаго, а равно и вознаграждая горячую ревность его къ Св. Гробу Господню и къ нашей Св. Церкви даровали ему, въ бытность его въ Св. Градѣ, подлинную частицу у Честнаго и Животворнаго Древа Креста Спаса нашего Иисуса Христа, хранимую въ золотомъ крестѣ съ правомъ ношенія на груди, по нашему благословенію, какъ Крестоносецъ Св. Гроба Господня, во освященіе, заступленіе и покровительство отъ всякаго несчастья.

Въ удостовѣреніе и подтвержденіе сего дается Его Высокопревосходительству Генералу отъ Кавалеріи Стефану Александровичу Венеровскому настоящая Грамота за нашимъ Патріаршимъ подписомъ и приложеніемъ печати. Святой Градъ Іерусалимъ, 1900 года Іюня 16 дня.

Генералъ-лейтенантъ В. Жуковъ.

Есть монахи живущіе по двое—по трое въ келіи, есть живущіе, неизвѣстно гдѣ, въ полномъ смыслѣ отшельники.

Никто не знаетъ гдѣ они живутъ, чѣмъ питаются.

Есть и молчальники. Они вырабатываютъ издѣлія изъ пальмоваго дерева, а кто не умѣетъ, такъ просто вяжетъ метелки, все это принимаетъ отъ нихъ старшій изъ братіи, а имъ насыпаютъ сухарей. Такіе отшельники заходятъ и на церковныя службы. Обыкновенно, въ четвергъ, подъ пятницу, они приходятъ въ Андреевскій, а въ субботу въ Пантелеймоновскій монастыри. Здѣсь слушаютъ повечеріе, утреню и раннюю обѣдню, а затѣмъ исчезаютъ.

Положимъ здѣсь такой порядокъ, сначала служатъ въ одномъ монастырѣ, а затѣмъ въ другомъ.

Случайно мнѣ пришлось присутствовать и на монастырской трапезѣ. За столомъ было до 800 человѣкъ. Столы стояли въ три ряда.

Передъ началомъ трапезы одинъ изъ монаховъ читалъ житія святыхъ.

Передъ каждымъ стояла кружка вина, кусокъ сыра, пара яицъ и ржаной хлѣбъ. Впереди всѣхъ въ трапезную шли 2 монаха, они несли зажженные свѣчи, архидіаконы несли кадила, а за ними іеромонахъ, въ облаченіи, далѣе несли Св. хлѣбъ; шествіе же заключали пѣвчіе. Предварительно раздается звонокъ, и затѣмъ чтеніе молитвъ. Сначала читается Отче нашъ, а также и другія; которыя тотчасъ же и объясняются.

Послѣ чтенія молитвъ всѣ приступаютъ къ ѣдѣ.

Въ залѣ тишина, прерываемая однообразнымъ голосомъ читающаго житія святыхъ. Послѣ каждого блюда звономъ колокольчика давали знать убирать и подавать новое блюдо. Подаютъ тихо, скромно, безъ всякой суеты. Послѣдній разъ звонятъ 6 разъ, это знакъ вставать. Послѣ обѣда встаютъ и читаютъ маленькую молитву. Выходятъ также тихо и чинно...

Пробылъ я на Аѳонѣ 7 сутокъ.

На одиннадцатый день, по выѣздѣ изъ Іерусалима поѣхали дальше, къ Константинополю.

Не доѣзжая Константинополя я увидѣлъ на правой сторонѣ православную церковь. Это меня удивило. Разспросилъ морского офицера, это оказался часовня-памятникъ Санъ-Стефанскаго договора, заключеннаго послѣ Русско-Турецкой кампаніи.

На мои разспросы къ этой часовнѣ оказалось проходила желѣзная дорога, расположенная отъ Константинополя въ 46 верстахъ. Своимъ долгомъ счелъ побывать тамъ, воздать должное русскимъ героямъ; поэтому прибывъ туда, отслушили панихиду.

Вотъ онъ памятникъ погибшимъ русскимъ борцамъ за свободу и независимость славянъ.

При часовнѣ сторожъ, онъ же исполняетъ и обязанности причетника.

Долго я стоялъ, думая печальную думу, вотъ конецъ всякой жизни человѣческой, многіе думали о славѣ, наградахъ, а пришлось здѣсь сложить голову!!!

На высокихъ сводахъ, въ видѣ погреба устроена усыпальница.

Видно много костей, рельефно же выдаются черепа. На стѣнѣ мраморная надпись всѣхъ убитыхъ и погребенныхъ здѣсь.

Полюбопытствовалъ нѣтъ ли кого либо здѣсь, въ этомъ мѣстѣ вѣчнаго упокоенія, съ Кавказа.

Нашелъ.

Это былъ есаулъ Кубанскаго войска, пластунскаго батальона, Баштанниковъ.

Миръ праху вашему, на полѣ брани, положившіе животъ свой за Царя, за отечество и за единокровныхъ братьевъ славянъ!!!

Этимъ почти я могу закончить свои впечатлѣнія о путешествіи ко Св. Мѣстамъ.

Возвращался обратно я на Севастополь, а не на Одессу.

Путешественниковъ, возвращающихся изъ за границы осматриваютъ въ таможенѣ.

Зная все это я заранѣе уже приготовилъ приобрѣтенныя вещи. Меня непріятно поразило и удивило лишь то, что за вещи я заплатилъ 19 р., а пошлины за нихъ взыскали 51 р.! Вотъ те и на!

Другіе мнѣ совѣтовали спрятать, а нѣсколько вещей, изъ дамскаго туалета, женщины, ѣхавшіе со мной предлагали взять и провезти, но я отказался.

Какъ, думаю, я, мнѣ, генералу русской службы, стыдно заниматься контрабандой!

Ну, и поплатился, не послушался „старыхъ и бывалыхъ людей“!

Изъ Севастополя мы пересѣли на другой пароходъ, идущій въ Новороссійскъ. Здѣсь на вокзалѣ меня встрѣтили мои родные, между ними и дочь Ольга Стефановна.

Собравши все, что надо, поѣздомъ Владикавказской желѣзной дороги отправились въ родныя палестины.

Нужно было ѣхать до ст. Кисляковской, а оттуда въ Уманскую.

На Кисляковкѣ насъ встрѣтилъ экипажъ, еще нѣсколько часовъ... и я дома!

Думали отъ станціи Кисляковской провести желѣзную дорогу до Уманской, да подвернулась Японская война.

А потомъ ужъ и думать забыли, хотя Уманская по своей величинѣ не уступитъ порядочному уѣздному городу, да и торговые обороты ея очень и очень солидные!

Но все думаютъ, когда-нибудь да и придумаютъ. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается!!! А въ особенности у насъ на Руси!

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ
Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ.

Заключеніе.

Возвращаясь изъ своей поѣздки по Св. мѣстамъ я думалъ поселиться въ городѣ Пятигорскѣ, гдѣ у меня есть каменный домъ, но вышло иначе.

Провожу все свое время въ станицѣ Уманской, Кубанской Области.

Здѣсь, подъ моимъ руководствомъ былъ законченъ постройкой каменный, большой храмъ. Освященіе его состоялось въ 1906 году, передъ Великимъ постомъ. По своему великолѣпію, обширности помѣщенія, храмъ станицы Уманской нисколько не уступаетъ кафедральнымъ соборамъ губернскихъ городовъ, а нѣкоторыхъ, какіе мнѣ довелось видѣть, даже лучше.

Про Кубанскую же и Терскую Области можно прямо сказать, нѣтъ ни одного храма, который бы могъ соперничать съ вновь устроеннымъ храмомъ ст. Уманской. Станичники уманцы, видя мое усердіе, на одномъ изъ станичныхъ сходовъ составили приговоръ, въ которомъ просятъ меня принять званіе почетнаго старика станицы Уманской.

Приговоръ № 128.

1907 года Августа 26-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, выборные и должностные лица, составляющіе станичный сборъ станицы Уманской, Ейскаго отдѣла, Кубанской области, бывъ сего числа на своемъ станичномъ сборѣ въ числѣ 74 человѣкъ, составляющихъ болѣе двухъ изъ общаго числа 108 человѣкъ всѣхъ выборныхъ, имѣющихъ право голоса на станичномъ сборѣ, въ присутствіи станичнаго атамана Павлоградскаго, сего числа имѣли сужденіе о томъ, что проживающій въ станицѣ Уманской отставной генераль-отъ-кавалеріи Стефанъ Александровичъ Венеровскій, проживая въ нашей станицѣ съ 1878 года, сначала атаманомъ отдѣла, а по выходѣ въ отставку, остался жить навсегда въ этой же станицѣ Уманской, какъ домовладѣлецъ, приговоромъ нашимъ, состоявшимся 3 Мая 1898 г. за № 50, избранъ нами членомъ комитета по постройкѣ Уманской Трехъ-Святительской церкви на мѣсто сгорѣвшей 23 Марта того же года. Со дня избранія генерала Венеровскаго членомъ упомянутаго комитета, онъ также былъ избранъ предсѣдателемъ того же комитета.

Находясь предсѣдателемъ строительнаго комитета Его Высокопревосходительство генераль Венеровскій много потрудился на пользу строящейся церкви, а именно: онъ ѣздилъ лично въ Петербургъ, выхлопоталъ для перевозки строительнаго матеріала 30 штукъ бесплатныхъ и болѣе ста штукъ вагоновъ, по льготному тарифу, много хлопоталъ по заготовкѣ камня въ Пятигорскѣ, по его инициативѣ за пожертвованія построены двѣ серебрянныхъ ризы для мѣстныхъ иконъ и т. п., своимъ содѣйствіемъ по постройкѣ церкви генераль Венеровскій принесъ

обществу большую пользу за что мы не можем умолчать, чтобы не выразить генералу Венеровскому свою благодарность, а потому въ знакъ того, что мы остались дѣйствіями генерала Венеровскаго по постройкѣ церкви чувствительно благодарны и не находя какъ выразить большую благодарность, постановили: просить Его Высокопревосходительство генерала-отъ-кавалеріи Стефана Александровича Венеровскаго, не отказать принять на себя званіе почетнаго старика нашей станицы.—Въ томъ и подписались:

Станичный атаманъ Павлоградскій. Помощники его: Кардашъ, Кострица. Казначей И. Изачигъ, выборные грамотные: Мокій Каминскій, Василій Наувокъ, Василій Головка, Иванъ Бѣлоусъ, Семень Удовенко, Дмитрій Кучеръ, Василій Богданъ, Андрей Андрущенко, Лазарь Ѳефченко, Михаилъ Карпенко, Сафронъ Евтенко, Афанасій Курило, Федоръ Фенко, Андрей Безлюдько, Яковъ Махота, Петръ Олойникъ, Платонъ Щипка. Неграмотные: Антипъ Баской, Захарій Коляка, Феофанъ Дьяченко, Ѳедоръ Троль, Ѳедоръ Рѣженко, Григорій Журавель, Семень Патока, Семень Семакъ, Борисъ Федоренко, Сафронъ Сидоренко, Федотъ Широшь, Ѳедоръ Ушкаль, Трофимъ Бехтеръ, Максимъ Тифенко, Прокофій Петренко, Мартіанъ Кострица, Моисѣй Андрійченко, Козьма Козогро, Тихонъ Крушь, Козьма Буляки, Моисѣй Филоненко, Григорій Сидоренко, Иванъ Дегтярь, Іосифъ Патока, Иванъ Божко, Сергѣй Иваница, Митрофанъ Фоменко, Иванъ Баровый, Сидоръ Бурдій, Алексѣй Клименко, Денисъ Фоменко, Исакій Панасенко, Иванъ Сушко, Иванъ Ермоленко, Никита Бѣлый, Яковъ Оришко, Леонтій Пацѣкъ, Никита Филоссенко, Иванъ Патока, Николай Щербаль, Афанасій Вишневецкій, Петръ Дмитренко, Тимофей Корсунъ, Василій Проскура, Михаилъ Сахло, Степанъ Отришко, Дмитрій Андрущенко, Герасимъ Шмаровозъ, Кондратъ Шмаровозъ, Сидоръ Бурдій, Константинъ Зашко, Афанасій Вишневецкій, Итатъ Сташукъ и Миронъ Душеба, а за нихъ неграмотность и за себя подписалъ Карпъ Андрійгесь.

№ 6695.

Въ дѣйствительности сего приговора Уманское станичное правленіе подписью и приложеніемъ станичной печати свидѣтельствуетъ. Августа 26 дня 1907 года. Ст. Уманская.

Уманскій Станичный
Атаманъ *Павлоградскій*.

За писаря *Сушка*.

Что дѣйствительно настоящій приговоръ постановленъ законнымъ числомъ выборныхъ имѣющихъ право голоса на сборѣ, въ томъ подписью и приложеніемъ казенной печати свидѣльствуется. Октября 12 дня 1907 года, ст. Уманская.

Атаманъ Ейскаго отдѣла
Генералъ-Маіоръ *Кухаренко*

Старшій Дѣлопроизводитель *Бублинскій*.

Часто я вспоминаю свои путешествія во Св. Землю, гдѣ я не разъ возноси́лъ молитвенныя прошенія предъ всевышнимъ Творцомъ о благѣ Россіи, ея счастья и благополучіи. Не разъ я молился за обожаемаго Государя, прося Господа Бога даровать Ему Наслѣдника, сына.

И вотъ, теперь, я могу радоваться, и мои, грѣшнаго человѣка, молитвы не пропали даромъ.

Я радъ, я счастливъ, что у Россіи есть прямой наслѣдникъ Престола.

Не даромъ я вышелъ въ отставку, не смотря на то, что моя еще служба была желательна! Я отказался, предпочелъ принести молитвы Господу Богу за дорогую родину, за милостиваго Монарха. Моя цѣль достигнута.

Заканчиваю теперь мои жизнеописанія. Весь мой родъ служилъ на Кавказѣ, мой дѣдъ, отецъ и я.

Въ дни далекаго, далекаго прошлаго, когда только лишь впервые заговорили о русскихъ на Кавказѣ, мой дѣдъ уже участвовалъ въ кампаніи. Тутъ же въ Кубанской Области дѣдъ воевалъ съ дикимъ, но отважно храбрымъ племенемъ Бесленѣвцевъ.

Мой отецъ разорялъ ихъ непокорныя аулы, а также аулы другихъ непокорныхъ горцевъ.

Мнѣ же, уже внуку, пришлось вести созидательную работу, я долженъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ воевали дѣдъ и отецъ во славу Русскаго оружія, селить полкъ Кавказскаго Казачьяго Линейнаго войска, въ 58—60 годахъ, нынѣ же станицахъ Кубанскаго войска:

(Передовая, Сторожевая, Исправная, Подгорная, Удобная, Спокойная, Зеленчукская, Карданикская и Преградная).

Оглядывая мысленнымъ взоромъ всю свою протекшую жизнь не могу не сказать нѣсколько словъ о современномъ вооруженіи и прежнемъ.

Въ 40-хъ годахъ вся армія была снаряжена гладко-ствольными кремневками, казаки же имѣли азіатскую винтовку, такъ называемую крымку.

Стрѣляли сравнительно не далеко, шаговъ на 200 не больше, за то мѣткостью отличались необыкновенною.

Въ 40-хъ же годахъ были выданы Литиховскіе штуцера, съ круглою и коническою пулею и нарѣзнымъ стволомъ.

Особенно понравились и пользовались уваженіемъ эти штуцера въ Черноморьѣ.

Дѣйствительно, штуцера эти отличались дальнобойностью и мѣткостью, били они на разстояніе, больше чѣмъ 1.000 шаговъ.

Въ 50-хъ годахъ появились Танеровскія винтовки. Стрѣляли и били они еще больше, чѣмъ штуцера.

Въ пѣхотѣ же сначала были пистонныя, а затѣмъ игольчатыя ружья.

Затѣмъ берданки, а въ 90-хъ годахъ вся русская армія было вооружена трехлинейными винтовками.

Силою и дальнобойностью современная винтовка превзошла бывшія, она бьетъ на разстояніи болѣе, чѣмъ 2.500 шаговъ, но... въ настоящее время появились и отрицательныя качества. Въ былыя времена надѣялись больше на собственную храбрость и отвагу, теперь же на искусство. Прежде война давала людей закаленныхъ въ бою, храбрецовъ и богатырей, а теперь не то...

Про пушки много сказать не могу, я не специалистъ. Только скажу одно, въ 40—50-хъ годахъ орудія стрѣляли и били не дальше современнаго ружья. Техника, искусство и знанія пошли далеко и намъ, старикамъ, приходится смотрѣть и удивляться.

Ничего подобнаго прежде не было и никто и не думалъ объ этомъ.

Я говорю о пулеметахъ.

Это послѣднее слово военного искусства, довелось мнѣ увидѣть, а также и практическую стрѣльбу изъ пулеметовъ лишь только въ 1906 году.

По окончаніи Японской войны возвращался домой 1-ый Уманскій бригадира Головатаго полкъ. При этомъ же полку была и пулеметная команда, подъ начальствомъ хорунжаго Шрамко.

Вышло такъ, что полкъ остановился въ Уманской станицѣ. Времени было достаточно, я познакомился съ командиромъ полка полковникомъ Акуловымъ и другими офицерами, бывалъ и на ученіяхъ.

Здѣсь на ученіи я увидѣлъ пулеметы, а также и стрѣльбу изъ него.

Не смотря на то, что обойма выпускаетъ всего только 25 патроновъ, по израсходованіи которыхъ нужно мѣнять новую обойму, изъ пулемета выпускали въ минуту до 300 выстрѣловъ!

Къ сожалѣнію, стрѣльбу изъ пулемета проходили только что взятые въ команду казаки, поэтому нельзя было и видѣть всѣхъ тонкостей стрѣльбы. Старые же, опытные казаки, всѣ были отпущены на льготу.

Я попросилъ бывшаго начальника команды подъесаула Спивака показать стрѣльбу.

Стрѣляли подъесаулъ Спивакъ и орудійный мастеръ Мыцъ. Первый сдѣлалъ 7 промаховъ, а мастеръ только одинъ.

Впечатлѣніе отъ стрѣльбы получилось сильное и ужасное.

Представьте себѣ, огненный, непрерывный потокъ свинцу, льющагося, именно льющагося, въ одну сторону. Ничто не въ состояніи спастись, все что находится на пути, все подлежить уничтоженію. Теперь я вѣрю, что подъ дѣйствіемъ такого страшнаго, губительнаго огня дрогнетъ человѣкъ, дрогнетъ команда, поддаваясь неудержимому паническому страху!!!

Не даромъ при взятіи Путиловской сопки японцы гибли тысячами человѣкъ. Они должны были идти подъ губительный огонь нашихъ пулеметовъ, выхода не было, впереди непріятельскіе, а сзади свои пулеметы, готовые разстрѣлять всякаго дрогнувшаго, отступившаго солдата...

Я благодарилъ и начальниковъ и подчиненныхъ за показанную стрѣльбу.

Хорунжій же Шрамко, тоже присутствовавшій при этомъ, сказалъ.

— Ваше Высокопревосходительство, мой отецъ рассказывалъ мнѣ, что вы были въ этомъ же самомъ лагерѣ и атаманомъ отдѣла въ 1889 году. Былъ инспекторскій смотръ, на которомъ стрѣляли офицеры двухъ казачьихъ полковъ и одного пластунскаго батальона; стрѣляли очень плохо и ни одинъ изъ стрѣлявшихъ не выполнилъ условія.

— Вы, Ваше Высокопревосходительство, взволнованный плохой офицерской стрѣльбой, приказали поставить новую мишень и съ коня выпустили 5 пуль;

Церковь станицы Уманской, Кубанской области,
Ейского отдѣла.

не одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ, всѣ пули не только попали въ мишень, а прямо въ цѣль.

Тутъ же присутствовалъ врачъ Шанько, заядлый и страстный охотникъ, изъ 5 попалъ 3 раза, а полковникъ, командиръ полка, Жуковъ изъ 5 только 1, но все же пуля попала въ цѣль. В. Жуковъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ, одинъ изъ всѣхъ офицеровъ послѣдовалъ моему примѣру и выстрѣлилъ, сидя на лошади, не встанъ на дыбы его кровный черкесъ, пожалуй, онъ тоже попалъ бы въ цѣль всѣми пятью пулями. Вообще онъ былъ хорошій службистъ, исполнительъ и аккуратенъ, а это въ войскѣ, а въ особенности у казаковъ цѣнится высоко. Участвовалъ въ Кавказской и Турецкой кампаніяхъ, гдѣ положилъ бы свой животъ за родину, но Богъ судилъ иначе, остался живъ и невредимъ. Нынѣ живетъ въ Тифлисѣ.

Есаулъ Галушкинъ, бывшій на стрѣльбѣ изъ пулеметовъ, а также и на инспекторскомъ смотрѣ въ 1889 году заявилъ:

— Я свидѣтель, и скажу, что инспектирующій генералъ Залѣсскій приказалъ всѣмъ намъ отдать честь начальнику лагеря Стефану Александровичу и кричать ему „ура“!!!

Уѣзжая отъ насъ, Залѣсскій сказалъ: вашъ атаманъ отдѣла оправдалъ стрѣльбу офицеровъ, объ этомъ я доложу Наказному Атаману!!!

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	1
Служба въ Кавказскомъ Казачьемъ Линейномъ войскѣ	5
Генераль-маіоръ Н. П. Слѣпцовъ	15
Охоты	24
Ф. А. Круковскій	37
Турецкая Кампанія	43
6-я сотня Горскаго полка	59
Служба въ Кубанской Области	68
Генераль Едлинскій и графъ Евдокимовъ	80
Темрюкскій отдѣлъ	88
Майкопъ и поѣздка Государя Императора Александра III на Кавказъ	101
Закладка и постройка Павлодольской церкви	111
Поѣздка Депутации отъ Кубанскаго Казачьяго войска въ С.-Петербургъ	126
Чума рогатаго скота	133
Поѣздка въ С.-Петербургъ	147
Путешествіе по Святымъ мѣстамъ	150
Заключеніе	173

put
K

2007332545